

БИБЛИОТЕКА ПУТЕШЕСТВИЙ

Проф. А. М. НИКОЛЬСКИЙ

академик Украинской Академии Наук

ЛЕТНИЕ ПОЕЗДКИ НАТУРАЛИСТА

1358
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

БИБЛИОТЕКА ПУТЕШЕСТВИЙ

СЕРИЯ ВТОРАЯ

Ред. проф. С. Г. ГРИГОРЬЕВА

№ 3

Проф. А. М. НИКОДЬСКИЙ

Академик Украинской Академии Наук

ЛЕТНИЕ ПОЕЗДКИ НАТУРАЛИСТА

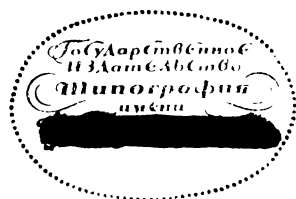
**В Т У Р К Е С Т А Н Е
НА ЛЕДОВИТОМ ОКЕАНЕ
В СЕВЕРНОЙ ПЕРСИИ
НА САХАЛИНЕ**

Издание 2-е

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД**

1924

Предисловие ко 2-му изданию.

Первое издание этой книжки вышло в 1907 г., а поездки мои, описанные в ней, происходили много раньше. На Мурмане я был в 1880 г., на Сахалине в 1881 г., в Туркестане и на Аральском море в 1885 г., в Персии и Закаспии в 1886 г. С того времени произошли значительные перемены в тех окраинах нашего государства, о которых говорится в этой книжке, но перемены эти касаются главным образом состояния культуры этих мест, а в частности заключаются в улучшении путей сообщения их с центрами СССР. В мое время архангельские рыболовы, направляясь на Мурман перед весной, шли пешком из Кандалакши поперек Кольского полуострова. Таким же путем пешего хождения прошла и часть нашей экспедиции. Теперь же там проведена железная дорога, по которой из Петрограда можно доехать до самого Ледовитого океана. На Сахалине произошли важные культурные и политические перемены. В мое время туда еще не был проведен телеграф, так что весть о таком событии, как смерть Александра II, дошло туда незадолго до нашего приезда на остров и шло по крайней мере 5 месяцев, да и попало-то туда через Америку. На улучшение сообщений с Сахалином огромное влияние оказала Сибирская железная дорога. Теперь уже нет надобности ехать на Сахалин вокруг Южной Азии и употреблять на это путешествие не менее 3 месяцев. По железной дороге из Москвы до Владивостока можно доехать в 2 недели, а оттуда до Сахалина по тамошним расстояниям, можно сказать, рукой подать.

После войны с Японией южная половина Сахалина отошла к японцам. Каково политическое положение оставшейся за нами части острова в настоящее время, мы ни-

чего не знаем; не знаем мы и того, куда девалось каторжное население Сахалина.

Улучшились пути сообщения с Туркестаном и Закаспийской областью. Чтобы добраться до Аральского моря из Оренбурга, мне приходилось ехать на почтовых лошадях до Казалинска; теперь же этот путь и далее до Ташкента можно совершить по железной дороге. Закаспийская железная дорога в мое время доходила только до Кизыл-Арвата, теперь же она прорезывает весь Закаспий и чрез Бухару выходит в Туркестан. Только одна Персия до сего времени как в отношении путей сообщения, так и в других отношениях, продолжает оставаться почти в первобытном состоянии.

Улучшение сообщений, конечно, повлекло за собой увеличение населения окраин, развитие в них культуры и некоторые изменения в природе вокруг главных населенных пунктов. В мое время во Владивостоке из окошек домов, стоявших на окраине города, можно было видеть фазанов, выпархивавших из ближайших кустов, чего теперь, конечно, уже не увидишь. Однако, если не считать этих перемен вокруг населенных мест, в общем природа посещенных мной окраин осталась прежней. В моих же очерках центр тяжести составляет описание природы окраин и местных жителей. Несомненно, медведи на Сахалине так же, как и раньше, продолжают ходить по берегам рек, ловить рыбу, отгрызать ей голову, а самую тушу бросать. Наверно гилячки Сахалина попрежнему продолжают готовить обед из сырых кишек тюленя и угощать своих ребят сырой рыбой. Поэтому мне думается, что, если мои очерки представляли некоторый интерес раньше, то они не должны утратить его в настоящее время.

А. Никольский.

Харьков.
Май, 1922.

I.

В ТУРКЕСТАНЕ.

1. Пустыня Кызыл-Кумы.

Пустыня Кызыл-Кумы. — Такыры. — Барханы. — Песчаные бури. — Засыпанные города. — Леса пустыни. — Удивительные приспособления растений пустыни: тамариск; куян-сююк; солянки; саксаул. — Царство ящериц: песчаная круглоголовка, агама, иккермер. — Степной удав. — Стрела-змея. — Бушаджилян. — Тонкопалый суслик, песчанки, тушканчики. — Приспособления животных пустыни; мимикрия. — Станция среди песков. — Приключение с фалангой. — Озеро в пустыне. — Охота на птиц пустыни: степные рябки, саджи, саксаульная сойка. — Хивинский оазис.

От Оренбурга до Казалинска я ехал на перекладных. — Степь, сначала черноземная, затем глинистая, местами сыпучие пески, маленькие станционные домики с полосатым столбом у подъезда и звон колокольчиков на дуге коренника — вот почти все, что осталось в моих воспоминаниях об этой дороге. Да и мудрено помнить о ней больше, когда все это расстояние я промчался, что называется, единым духом, без обычных задержек в лошадях и без всяких случайностей езды на почтовых. Только на одной станции, где-то на середине пути, на крыльцо вышел заspanный староста и еще раньше, чем я успел вылезть из тележки, сообщил, что лошадей нет. Однако, и тут меня выручил какой-то „проезжающий“, и я поехал на обратных, прождав очень недолго. Из Казалинска я спустился на лодке вниз по Сыр-Дарье до самого моря и чрез 10 дней вернулся в тот же город. Но я не стану останавливаться на описании этого плавания: мне оно кажется не достаточно интересным. Сыр-Дарья — река, как и многие реки СССР, довольно широка, быстра и мутна. Но вот степи, окружающие Аральское море, это — далеко не то, что наши русские степи, да и путешествие по ним, в особенности там, где нет почтового тракта, дело совсем особого рода. Почтовая езда известна всякому. Потребовал лошадей, сел и поехал; а нет лошадей, так жди и раз-

гоняй скуку чтением жалобной книги. Если надоест ждать, можно записать и свою жалобу. Впоследствии кто-нибудь другой будет развлекаться. Здесь же приходится ехать по степи, где на сотни верст нет ни одной жалобной книги, нет ни станций, ни лошадей, да, пожалуй, нет и людей; тут путешественника ожидают совсем иные удовольствия, а какие именно, об этом европейские туристы знают лишь по слухам или по описаниям. Потому-то я и думаю ограничиться рассказом лишь о той части своей поездки, которая сопровождалась такими особыми развлечениями.

Из Казалинска мне предстояло ехать в укрепление Петро-Александровск, на Аму-Дарье. Для этого надо было перевалить чрез песчаную пустыню Кизыл-Кумы. Весь хивинский оазис окружен бесплодными и безводными степями. В 1886 году, во время моей поездки, только-только начали строить Закаспийскую железную дорогу. Проникнуть в оазис можно было лишь на „кораблях пустыни“, т.-е. на верблюдах. Наиболее проторенной дорогой считалась та самая, по которой я должен был ехать. В Казалинске отыскалась попутчица, пожилая казачка, направлявшаяся к своему мужу в Петро-Александровск, и мы стали собираться вдвоем. До укрепления считают около 500 верст; но чтобы добраться туда, приходится снаряжаться в том же роде, как снаряжаются далекие экспедиции, отправляющиеся в безлюдные и безводные пустыни Монголии или Тибета. Это не покажется удивительным, если припомнить, что Кизыл-Кумы представляют из себя настоящую песчаную пустыню. На всем 500-верстном расстоянии от Казалинска до Петро-Александровска не существует никакого оседлого населения. Зимой в песках кочуют киргизы. Но летом они уходят в горы, и Кизыл-Кумы совершенно пустеют. Нечего прибавлять, что здесь нет даже подобия почтового тракта, Путешественник принужден нанимать верблюдов и ехать на одних и тех же животных бесценно все 500 верст; а так как „корабли пустыни“ не отличаются быстроходностью, он должен благодарить судьбу, если ему удастся тащиться по 40—50 верст в сутки, т.-е., если весь переход он совершит в 10—12 дней. На все это время ему необходимо взять с собой запас провизии, так как во всей степи, особенно летом, мудрено найти хотя бы кусочек хлеба уже по одному тому, что там нет и людей. Иногда, правда, где-нибудь у колодца среди пустыни случается встретить обнищавшую киргизскую семью; но здесь нечем поживиться: киргизы сами попросят у вас сухарей.

Этим, однако, еще не кончаются хлопоты по снаряжению. Среднеазиатские пустыни, в особенности лёссовые

1

(глинистые), совершенно безводны. Оттого-то они и безжизненны. Стоит оросить самую бесплодную из глинистых степей Туркестана, и она превратится в цветущий оазис. В летнее время на всем протяжении от Казалинска до Петро-Александровска в Кызыл-Кумах можно встретить одну-две лужи, почему-то не успевшие высохнуть под палящими лучами солнца.

Воду берут здесь из колодцев, очень немногочисленных и расположенных на расстоянии двух дней пути один от другого. Поэтому путешественник должен возить с собой запасы воды, по крайней мере, на двое суток.

Вот условия, которые приходилось иметь в виду, снаряжаясь в дорогу.

Обыкновенно через Кызыл-Кумы перебираются в простой русской телеге, запряженной тройкой верблюдов. Верблюдов можно нанять у киргиз; телегу приходится покупать; на базаре в Казалинске всегда найдется продажная. Простая телега без шин, с широкими ободами колес — единственный русский экипаж, который в состоянии выдержать 500-верстный переезд по песчаной пустыне. Почтовые тарантасы и коляски слишком вязнут в сыпучем песке; а летом, под палящими лучами солнца, они рассыпаются, колеса рассыпаются, и путешественник может остаться среди безлюдной степи при одних верблюдах. Правда, такие случаи происходят и с телегами. Поэтому многие предпочитают ехать верхом на верблюде, или в особой корзинке, подвешиваемой сбоку горба. Этот способ представляет, во-первых, то преимущество, что верховые верблюды идут скорее, нежели запряженные в экипаж, а, во-вторых, путешественник не рискует сесть на мель среди степи, разве только околеют его „корабли пустыни“. Однако, надо не мало мужества, чтобы решиться на 12-дневное качание на верблюжьей спине. Поэтому мы решили купить себе телегу с парой запасных колес. Для защиты от солнца мы пристроили на ней нечто вроде беседки.

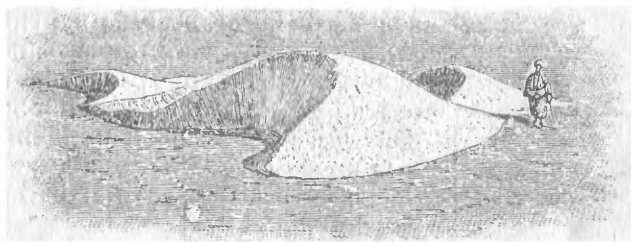
Долго думали мы с Дарьей Сидоровной, какой бы провизии взять в дорогу. Основной продовольственный материал должны были составлять сухари; затем, конечно, внесли мы в список чай и сахар; но дальше наши хозяйственные проекты по части заготовки съестных припасов разбивались о разные непреодолимые препятствия. В самом деле, какой провизии можно взять на 12 дней пути по раскаленной пустыне? Мясо, даже круто посоленное, портится при туркестанских жарах уже на следующий день. Никаких консервов в Казалинске не продают, если не считать сардин и окаменелой московской колбасы, более похожей на киргизскую нагайку из верблюжьей кожи,

нежели на пищевой продукт. Положим, можно было бы решиться на подвиг жевать эти нагайки; но не угодно-ли среди лета, в безводной пустыне, где и без того пить хочется больше, чем где-нибудь, питаться в течение 12 дней колбасой, на которой соль белыми пятнами проступает наружу. Один добрый человек, которого мы потом поминали далеко не добрым словом, посоветовал нам взять с собой баранины, сушеной по киргизскому способу. Представьте себе половину бараньей туши, круто посоленную и провяленную на солнце целиком вместе с жиром, и вы получите понятие об этом киргизском „пеммикане“. Вид такого мяса возбуждает большие сомнения насчет его съедобности. Но наш добрый знакомый, ссылаясь на собственный опыт, так убедительно описывал необыкновенные достоинства этой баранины, что мы подумали, погадали и решили взять: во-первых, дешево и сердито, а, во-вторых, „на безрыбье и рак рыба“. Для воды мы взяли деревянную флягу, вместимостью не более ведра. Верблюды, в качестве „кораблей пустыни“, обязаны были не пить от колодца до колодца и, как впоследствии оказалось, по этой части вполне оправдали свою славу. Что касается двух киргиз, наших проводников, они должны были заботиться о себе сами, иметь свою провизию и собственные запасы воды.

После долгих сборов, 10 июня мы решили, наконец, выехать. Верблюды, очевидно, оскорбленные в своем достоинстве какими-то хомутами да оглоблями, сначала наотрез отказались итти: они упрямо качали своими облезлыми губастыми головами, пристяжные повернулись боком к передку телеги и, в ответ на удары палкой, подняли такой раздражающий уши крик, как будто с полсотни немазанных телег заскрипели вдруг разом. Пришлось каждого из них вести за веревку, продетую в нос. Наконец, после многочисленных остановок, дело кое-как наладилось, и мы черепашьим шагом поплелись к перевозу через Сыр-Дарью. По ту сторону реки дорога идет сначала глинисто-солонцеватой степью, почти лишенной всякой растительности. Пройдя всего около 15 верст, мы остановились у пресной лужи с громким именем — озера Джуванкуль. Здесь мы заночевали.

На другой день, с рассветом, наполнив нашу флягу водой, мы тронулись дальше, и в этот же день вполне познакомились, что значит путешествовать в пустыне. На привале Дарья Сидоровна с расторопностью опытной и к тому же голодной хозяйки принялась варить суп из сушеной баранины. Уже подозрительная пена и неприятный запах, испускаемый закипавшей водой, не предвещали ничего доброго. Когда же мясо уварилось, и мы с некото-

рым опасением решились было попробовать суп, мы с ужасом убедились в полной невозможности сделать хотя бы один глоток. Наша похлебка была просто ужасна. Запах ее состоял из отвратительной смеси запахов падали и сальной свечки; вкус был нестерпимо горько-соленый. Очевидно, мясо было просолено не чистой солью, а солончаком, тем самым солончаком, который белым налетом покрывает берега степных соленых озер в Туркестане. Даже неприхотливые киргизы, которым мы предложили по куску вареного мяса, пожевав немного, поморщились и, проговорив „яман“ (скверно), бросили куски в песок. Из этого мы заключили, что нам просто-на-просто попалась особенно скверно приготовленная баранина. Вероятно, она все-таки бывает настолько съедобной, что, по крайней мере, киргизы не отказываются от нее, иначе зачем бы продавать ее на базаре. Однако, это рассуждение

Бархан.

было нисколько не утешительно, так как, кроме сухарей, чаю и сахару, у нас не оставалось никакой провизии, а впереди предстояли 10—12 дней пути по безлюдной степи. Надо отдать справедливость стойкости Дарьи Сидоровны: она и не подумала о возвращении в Казалинск. Привыкнув к обиходу обыкновенной казачки, она не обратила особого внимания на приключение с бараниной. Я с ужасом подумывал о перспективе питаться сухарями в течение 10 дней, но чтобы не спасовать перед женщиной, делал вид, что и меня эта неудача мало беспокоит.

Впрочем, видимой бодрости моего духа много способствовала тайная надежда на охоту. Пороху и дробу у меня было довольно, а в случае недостатка настоящей дичи можно было приняться за жаворонков, сорокопутов и других мелких птиц: все-таки пища. Следующие дни я обыкновенно шел впереди верблюдов. Авось, думаю, выпугну дичь. Но мои ожидания почти всегда оказывались тщетными. В течение трех дней я побеспокоил одного только зайца, да и в того промахнулся. На беду! не попалось и мелких птиц. Застрелил, правда, пару степных

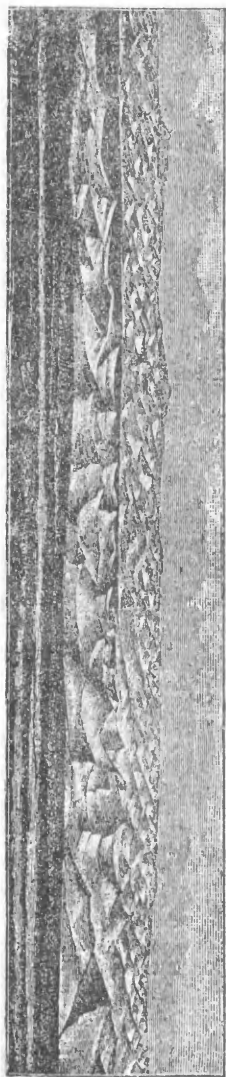
жаворонков; но они были до такой степени малы, что я решительно не знал, что с ними делать. Хозяйственная сметливость Дарьи Сидоровны разрешилась, наконец, изобретением удивительного блюда, которое, наверное, не

приготавливал никто ни раньше того, ни впоследствии. Из сухарных крошек она задумала варить нечто вроде каши. Это была блестящая идея; но дальнейшим своим развитием она обязана не кому иному, как мне. Я предложил положить в кашу сахар и прибавить клюквенного экстракта, взятого для подкисления соловатовой и затхлой колодезной воды. Признаться, меня брало большое искушение положить в кушанье еще двух жаворонков, что мне казалось очень полезным в отношении питательности; но Дарья Сидоровна решительно воспротивилась последнему предложению. Сахар и экстракт все-таки положили, и получилось ни с чем несравнимое блюдо; это не помешало нам съесть его до последней крупинки.

По мере того, как мы углублялись внутрь степи, перед нами постепенно раздвигалась величавая картина песчаной пустыни. Уже на втором переходе стали попадаться отдельные песчаные холмы. Их называют барханами. Чем дальше вглубь, тем их было больше. Наконец, начались сплошные пески, кое-где прерываемые небольшими площадками солонцеватой глины, или такырами. На сотни верст протяжения, как застывшие волны, стоят холмы сыпучего песку. Их крутые склоны смотрят в одну сторону. Их верхушки при порывах бури взмываются, подобно гребням волн. Уже при слабом движении воздуха острые

гребни барханов начинают как бы дымиться: то песок, сдуваемый с верхушки, пересыпается с наветренного бока на подветренный. Слой за слоем, переползает песок с одной стороны на другую; вместе с тем медленно и неудержимо ползет и весь холм, засыпая на пути ку-

Пустыня с барханами.

сты, такыры, и все, что стоит ему поперек дороги. Чем сильнее становится ветер, тем больше начинают дымиться верхушки барханов. В бурю уже не видать границы, где кончается гребень холма и где начинается струя летящего песка. Воздух наполняется песком, становится душно, темно. Путешественник, как в густом тумане, видит неясные очертания одних ближайших холмов. Дальше же все сливается в одну сплошную желтую массу летящего песка. Настоящий песчаный душ обдаёт путника, застигнутого бурей в Кизыл Кумах. Песок набивается в уши, в глаза, хрустит на зубах... С поразительной быстротой засыпает он все преграды, которые попадают ему на пути, угрожая и людям, и верблюдам. В такую погоду, если нет по близости большого такыра, надо идти во что бы то ни стало: иначе путешественник рискует быть засыпанным. В одну из подобных бурь, пока мы поили у колодца верблюдов, наша телега была засыпана выше ступиц колес, и нам пришлось отрывать ее, чтобы сдвинуться с места. Обыкновенно буря кончается к вечеру. Тогда пустыня принимает прежний вид: те же песчаные, дымящиеся на верхушках барханы, те же выбоины между ними. Только там, где была яма, теперь стоит огромный бугор сыпучего песка и наоборот.

Наблюдая разбушевавшуюся песчаную стихию, я понял, что засыпать целый город для нее ничего не стоит. Во многих местах Средней Азии пески медленно, но верно поглощают деревни и цветущие оазисы. Никакая сила не в состоянии удержать их победоносного шествия. Даже города становятся их жертвой. Так погиб в Бухаре Варданзи, который еще на картах первой половины девятнадцатого века значится большим городом. В одном только округе Ромитан за какие-нибудь двадцать лет шестнадцать тысяч жителей должны были покинуть свои сады и поля и переселиться в Хиву. Около бухарского города Каракуля, столь знаменитого своими мерлушками, еще недавно было много соленых озер; теперь одни из них засыпаны сплошь, от других остались крошечные лужи. Самый город исчез под песками: путешественник видит на его месте жалкую, полузасыпанную деревню; среди барханов в 15 метров вышиною темнеют остатки старых построек и полузасохшие деревья... Даже столицы Туркестана грозит поглощение песками.

Страшный зной царит среди этих песков. Средняя температура июля там 20—25° Ц.; бывают жары в 44°. Отсюда сильное испарение. Ветер уносит с поверхности барханов последние остатки влаги. Новым запасам влаги взяться неоткуда. В теплое время года в Кизыл-Кумах по целым месяцам не бывает дождя, только изредка по-

являются тучи. Если же случится, что такая туча разразится легким дождем, капли воды испаряются раньше, чем достигнут раскаленной земли. Не бывает в Кызыл-Кумах и росы.

Казалось бы здесь немислимо существование даже самой скудной растительности, между тем на склонах песчаных холмов мы видим заросли кустарников. Местами попадаются даже настоящие леса.

Но что это за кустарники, что за леса!

Прежде всего — здесь нет травы, той травы, которая зеленым ковром покрывает у нас пространство между отдельными деревьями и кустами. Здесь в этих промежутках — голый сыпучий песок, постоянно сдуваемый ветром и постоянно наносимый снова. На желтой раскаленной почве высятся уродливые, узловатые стволы с пучками веток, торчащих кверху. С первого взгляда кажется, что все это — растения мертвые, давно засохшие, что на них нет ни одного листа. В действительности, листья заменены у них крошечными чешуйками, плотно прилегающими к веткам. Цвет чешуек — серый или зеленовато-серый. Понятно, в таком лесу не найти сплошной тени. Лучи солнца насквозь пронизывают самый густой куст, самое развесистое дерево и нагревают обнаженный песок. Поэтому в здешних лесах царит тот же зной, как и в окружающей пустыне; только еще более душно.

Каким же образом существуют эти растения? Откуда берут они воду?

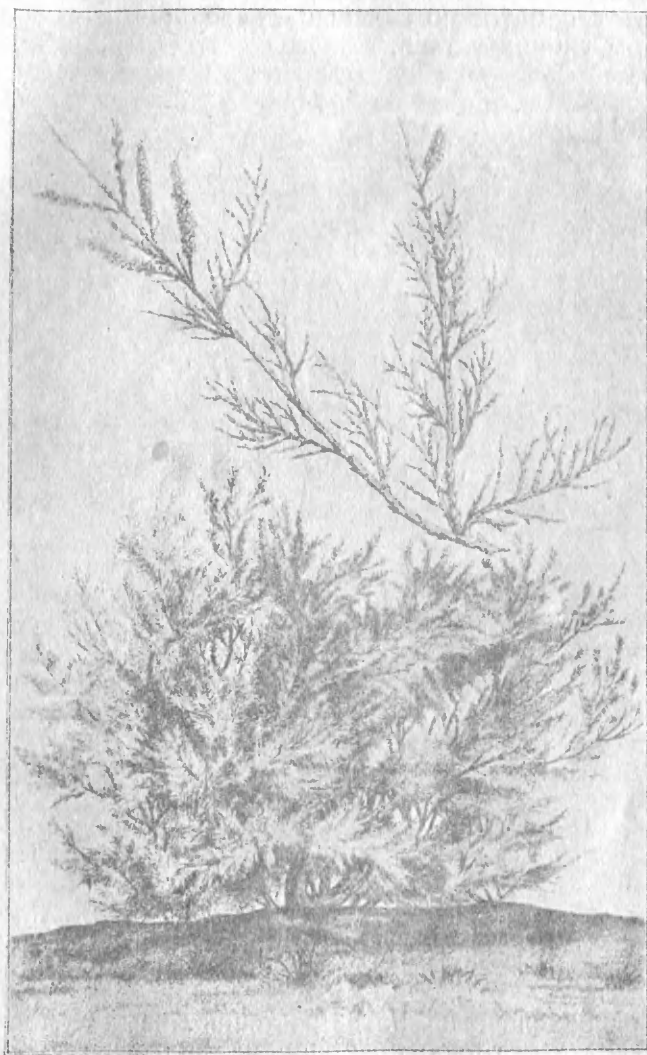
Мы пойдем это, если попытаемся выкопать хотя бы один куст с корнем. Мы скоро убедимся, что у одного человека на это не хватит ни сил, ни терпения, как ни легко разрывать рыхлый песок. Корни кызыл-кумских растений проникают на чудовищную глубину. Они прободают всю толщу песчаного слоя, лежащего на глинистой, непроницаемой для воды подпочве. Только там на этой глине, под защитой мощного песчаного слоя, все лето сохраняется влага, накапливающаяся весной во время таяния снега. Весьма понятно, почему в Кызыл-Кумах нет мелкой травы: она просто не в силах отроснуть себе таких гигантских корней, какие необходимы для жизни в песчаной пустыне.

Но даже и крупные растения получают самое незначительное количество воды. Нужно во что бы то ни стало сохранить ее. Нужно уменьшить испарение. Для растения это вопрос жизни или смерти.

Вот почему здешние растения выработали целый ряд удивительных приспособлений для сохранения влаги. Отсюда их своеобразный вид.

Чтобы защититься от испарения, большинство кызыл-кумских растений уменьшили поверхность листьев.

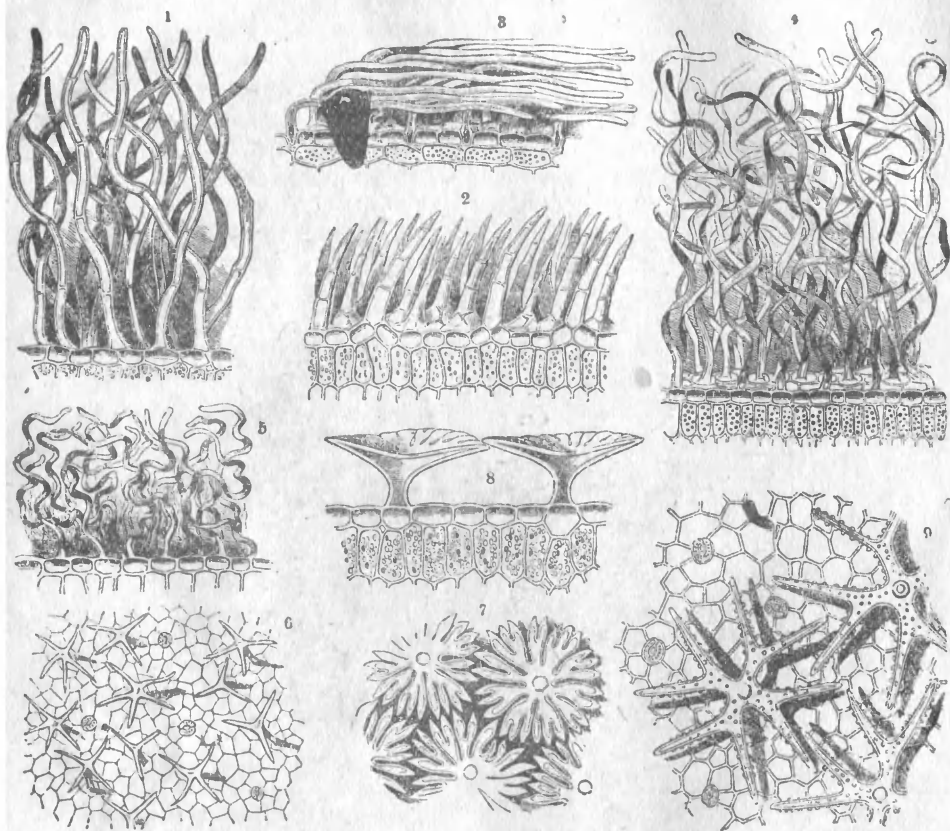
Растения с широкими тонкими листьями должны были неизбежно погибнуть. У оставшихся листья заменены крошечными чешуйками, плотно прижатыми к веткам. Самый

Тамариск или гребенщик.
(*Tamarix Pallasii*).

густой и яркой листвой отличается гребенщик или тамариск, растущий на более сырых участках песков. Это — куст с тонкими, гибкими ветвями. Но и здесь листочки

настолько сухи и мелки, настолько сближены между собою, что напоминают чешуйки кипариса. Кстати сказать, тamarиск бывает довольно красив весною: его покрывают тогда массы розоватых цветов, которые замечательно гармонируют с матовою зеленью листочков и красноватым оттенком гибких ветвей.

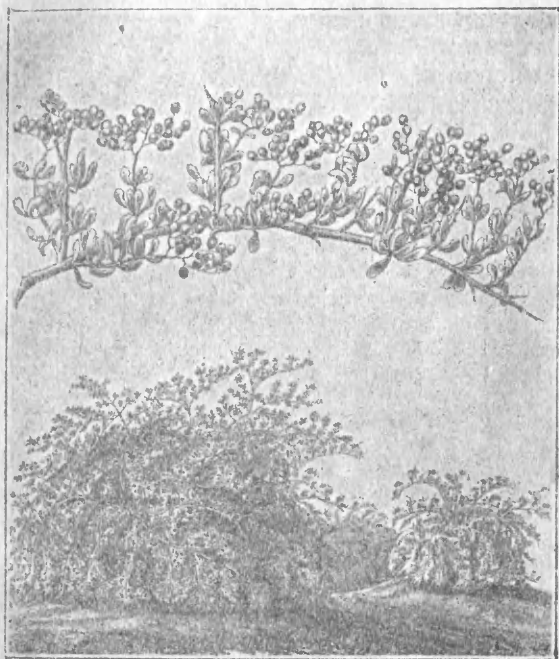

Формы волосков, прикрывающих поверхность листа и предохраняющих его от потери влаги.

Сравнительно немногие растения Кизыл-Кумов позволяют себе некоторую роскошь: мы видим на них хоть не крупные, но все же настоящие листочки. Зато эти листочки покрыты густым белым пушком, состоящим из волосков самой разнообразной формы. Сплетаясь в сплошной покров, волоски прекрасно прикрывают поверхность листа от жгучих лучей солнца. Оттого нигде не видно яркой зелени; преобладает сероватый или серовато-зеленый тон. Иные листья так обильно покрыты волосками,

что кажутся серебристыми. Особенно оригинальны кусты куян-сююка с серебристыми листьями и черно-фиолетовыми цветами.

У некоторых растений пушок заменен восковым налетом. Иногда поверхность листа защищена от испарения соляною коркой. Этим удивительным приспособлением обладают солянки, — крошечные кустики, прозябающие на солонцах пустыни. Корни их втягивают из почвы зна-

Хармык.

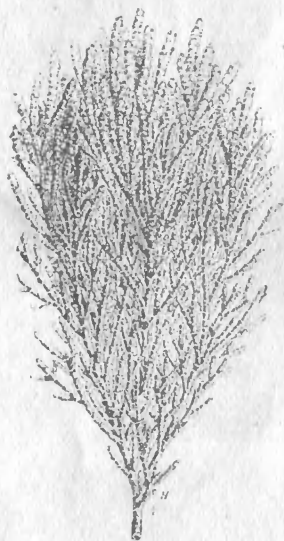
(*Titraria Schoberi*).

Мелкие сочные листочки этого растения пропитаны солью.
Ягоды — также.

чительное количество соляного раствора. Вода испаряется; соль белым налетом покрывает поверхность мелких жирных листочков. Этот налет является прекрасною защитой от палящих лучей. В то же время он оказывает растению другую услугу. Известно, что соль очень хорошо втягивает из окружающего воздуха влагу. В течение дня воздух в Кизил-Кумах настолько сух, что из него нельзя извлечь ни капли влаги. Зато ночью листья солянки, благодаря соляному налету, покрываются росой, в то время как остальные растения остаются совершенно сухими.

Некоторые кустарники жарких пустынь защищаются от солнца, выделяя из особых железок душистые эфирные масла. Таким образом вокруг растения создается особая ароматическая атмосфера, достаточно предохраняющая листья от высыхания.

Есть еще одно средство, дающее растениям возможность существовать в таких жарких и безводных пустынях, как Кизил-Кумы: растение старается покончить все счеты с жизнью в возможно короткий срок, пока еще не исчезла весенняя влага, пока зной не слишком жесток. Проезжая

Солянка.
(*Arthrocnemum glaucum*).

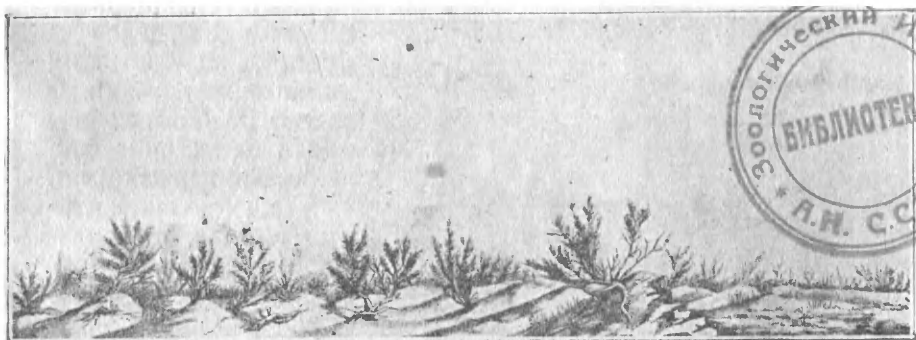

Ревень.

по пустыне ранней весной, путешественник не узнает знакомых мест, если раньше он видел их только летом. Степь положительно преобразается: появляются растения с широкими светло-зелеными листьями, например, ревень; расцветают нежные лилии, красный мак; словом, откуда что берется. Недолго, однако, носит пустыня этот весенний наряд: не пройдет двух-трех недель, как отцветут эти яркие цветы, созреют семена, увянут листья, и степь

опять получит обычный безжизненный сероватый колорит. Иногда уже в апреле настоящая зелень исчезает, остаются только те сероватые кусты, которые придают растительности пустынь столь оригинальную физиономию.

Особенно странное впечатление производит саксауловый лес. В нем нет ни прохлады, ни тени, поэтому он несколько не радует путника; напротив, даже какую-то тоску нагоняет он своим мертвенным видом. Не слышно в нем пения птиц, не стрекочат кузнечики, даже шума листьев вы не услышите здесь, потому что и листьев настоящих в нем нет; вместо них какие-то зеленовато-серые бугорки, как сыпь, покрывающие ветви. Как заколдованный, молчит саксауловый лес; только в сильный ветер

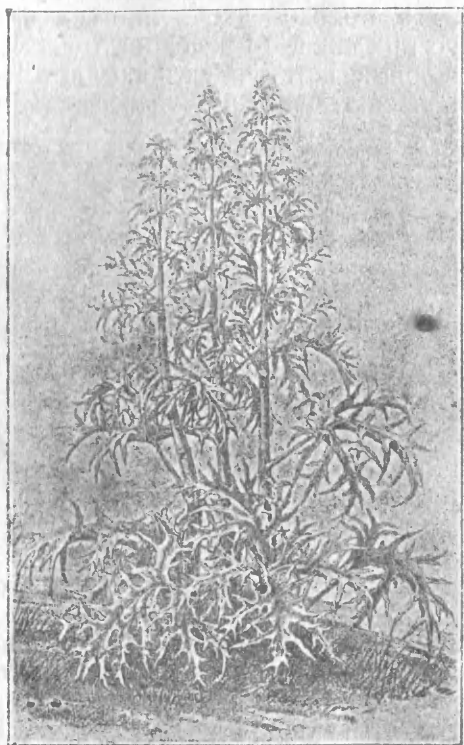
Саксауловый лес.

слышится в нем скрип ветвей и шорох песку, ударяющего в корявые стволы деревьев.

Описывая растительность ада, Дантэ как будто изображает саксаул. „Зеленых листьев здесь нет, а какие-то темные, сумрачные; нет широких раскидистых ветвей, а какие-то узловатые, корявые, свившиеся между собой сучья; нет плодов, а какие-то ядовитые иглы“... Кроме „ядовитых игл“ в этом описании все подходит к саксаулу.

Если Дантов ад имеет собственную фауну, то, наверно, она однородна с кизыл-кумской. В самом деле, в здешней пустыне водятся не животные, а как будто тени их. При беглом взгляде на поверхность песков сначала вы ничего не видите: повидимому, пусто. Но присмотритесь внимательнее: там и здесь вы заметите неясные, как тень, очертания ящерицы, словно слепленной из песку. Что это? Комочек песку, принявший форму животного, или действительно ящерица? Подойдите ближе, и вы увидите, как этот комочек вдруг встрепенется, неслышно помчится от вас и вдруг исчезнет, как тень. В большинстве

случаев вы даже не заметите ящерицы, если только она не начнет двигаться. На ваших глазах, среди голого песка, она явится, как привидение, мелькнет и исчезнет, тоже как привидение. В другом месте вы можете увидеть комочек, похожий на птицу. Шагните к нему; комочек вспорхнет и превратится в жаворонка. Вот он сел на голый песок и исчез, как видение. Эти таинственные появления и исчезновения объясняются тем, что большинство животных песчаных пустынь окрашены под цвет песка.

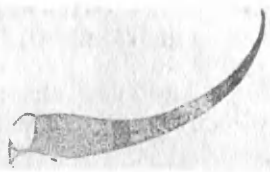
Саксаул.
(*Haeoxylon Ammodendron*).

Какие же, однако, это животные, кроме упомянутых?.. А вот какие: ящерицы, ящерицы и опять ящерицы. В самом деле, здесь настоящее царство этих длиннохвостых ярких гадов. Все остальные обитатели степи — суслики, зайцы, жаворонки и еще кое-какие птицы — составляют только едва заметное прибавление к этому царству. Ящерицы сотнями снуют по голым склонам песчаных барханов: одни — крошечные, другие — в поларшина длиной; у одних голова круглая, у других трехугольная; одни с ушами, другие без ушей; но только все песочного цвета. Их кожа до такой степени совершенная подделка под песок,

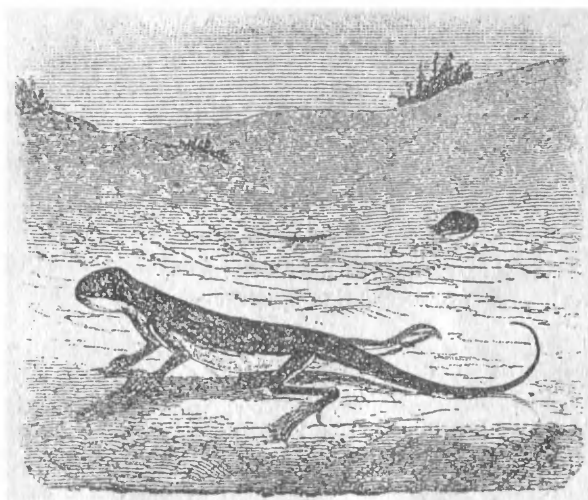
что они сами не могли бы видеть друг друга, если бы природа не наделила их особым приспособлением. На нижней стороне хвоста, на самом кончике, у них накрашены широкие ярко-красные и черные поперечные полосы, очень резко выдающиеся среди желтоватого колорита песку, когда животное поднимет хвост кверху и начнет выделывать им замысловатые штуки.

Вот по этим-то сигнальным значкам ящерицы и отыскивают своих родных и знакомых. Местами, где этих

животных особенно много, наблюдатель видит любопытную картину. Там и здесь на голом склоне песчаного бархана, словно флаг на военной карте, пестреют яркие значки. Они завиваются в спираль, опять раскручиваются, местами бегут по песку, кое где исчезают и снова появляются, блестя своими яркими красками на желтом фоне холма. Подойдя очень близко, вы видите, что эти значки не что иное, как хвостики ящериц, песочно-желтое тело которых издали совершенно невидимо на песке. При первом переполохе шустрые животные опускают хвосты, и флаги исчезают бесследно. Любопытно также видеть, как ловко умеют эти ящерки спасаться от своих заклятых врагов, степных хищных птиц. Попытайтесь догнать одну из этих невидимок; сначала она побежит без оглядки; затем, когда убедится, что опасность у нее на хвосте, быстрыми движениями брюшка вправо и влево она раздвигает песок и на ваших глазах тонет в нем, забрасывая

Хвост песчаной кругло-головки с яркими цветными полосами.

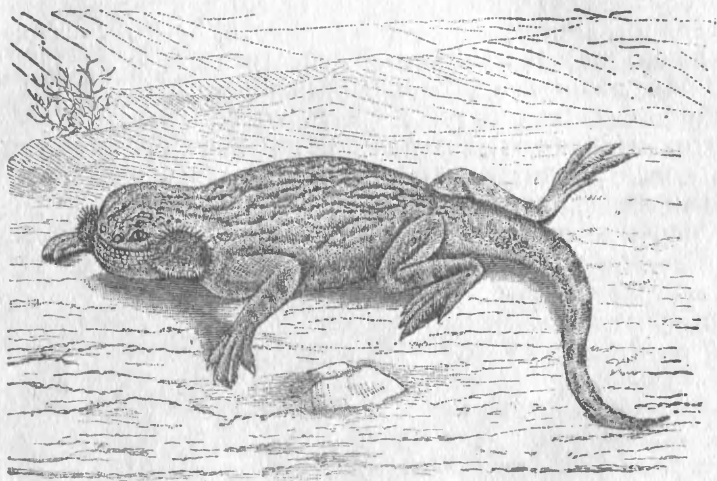
Песчаная круглоголовка.
(*Phrynocephalus intercapularis* Licht.).

тело лапами. На ее месте остается едва заметная песчаная рябь. Эта уловка, прекрасно спасающая от преследования птиц, не рассчитана, однако, на натуралиста. Вам стоит только запустить два пальца в то место, где остался этот след, и вы извлекаете на свет ящерицу. На ее хоро-

шенькой круглой мордочке, в черных бойких глазах, **вы** ясно читаете удивление. Вот так штука! — как бы думает она: как же могло это случиться? кажется, уж вся зарылась!

Из этих хвостатых невидимок особенно замечательна **песчаная круглоголовка**, миловидная ящерица длинной не более мизинца. Гораздо крупнее ее ушастая круглоголовка, достигающая 25 сантиметров длины. Свое название эта ящерица получила от складок кожи, торчащих над углами рта на подобие ушей.

Там, где пески сменяются такыром, путешественника обязательно встречают ага мы, крупные ящерицы с сердце-

Ушастая круглоголовка.
(*Phrynocephalus mystaceus* Pall.).

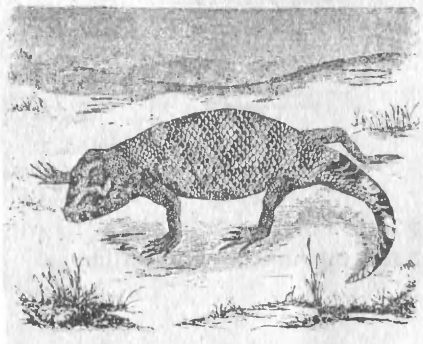
видной головой и колючей чешуей. В Туркестане ага му ошибочно называют хамелеоном. Она действительно напоминает хамелеона своей способностью менять цвет кожи. Горло ее и грудь замечательно играют красками. Обычно они окрашены в желтоватый цвет. Но при малейшем волнении ящерицы, горло начинает синеть и, наконец, принимает цвет синьки, который вскоре расплзается на грудь, брюшко и даже ноги; иногда синева сменяется красным оттенком, который опять переходит в синий или желтый, — и так далее, пока не исчезнет причина волнения ящерицы. Интересно посмотреть, как ага ма спасается от зноя. Зарываться в песок она не умеет, да и не любит; других же укромных мест в пустыне не существует; между тем глинистая поверхность такыров раскаляется до

такой степени, что вы рискуете обжечься, ежели приложите к ней руку. Агама же могла бы изжариться на глине, если бы оставалась здесь в самое жаркое время дня. Чтобы избежать этого удовольствия, ящерица взбегаёт по возможности выше на ветви кустов и деревьев и сидит на них, широко разинув рот и раздвинув ноги. Здесь ее не жжет раскаленная почва; к тому же ее тело несколько освежается ветром, который свободно гуляет между безлистными ветвями деревьев пустыни.

Я настойчиво разыскивал в а р а н а или, по-киргизски, касаля, этого великана среди ящериц, достигающего полутора метров в длину. Весьма понятна ошибка русских жителей Туркестана, считающих касалю за крокодила. К сожалению, на пути нам не попадалось это замечательное животное; по словам киргиз, наших проводников, оно водится несколько южнее, около степных гор Букан-Тау. Не будучи крокодилом, касаль не уступает, однако, этому пресмыкающемуся в хищности. Другие ящерицы, змеи, птенцы, мелкие зверки и даже зайцы считают его самым страшным врагом.

Из других гадов мы нередко встречали неуклюжих степных черепах и различных змей. Среди этих последних самая замечательная змейка это степной удав. Как же

так?—спросите вы: удав, и вдруг змейка. Да, змейка, потому что он всего около 35 сантиметров в длину. Несмотря на лилипутские размеры, он имеет все повадки своих гигантских родственников. Он так же неподвижно караулит свою добычу, мышей и тушканчиков, так же давит ее изгибами своего тела и, проглотив зверка втрое толще себя, отправляется в укромное место заниматься пищеварением. Проживая постоянно среди барханов, степной удав очень хорошо приспособился к жизни в песках. Он умеет с удивительной быстротой зарываться в свою родную стихию и ползать в ней на значительной глубине. Он делает это в тех случаях, когда голод заставляет его отправляться на поиски жуков, которых загоняет в песок полуденный зной. Несмотря на то, что по форме и расположению темных пятен степной удав по-

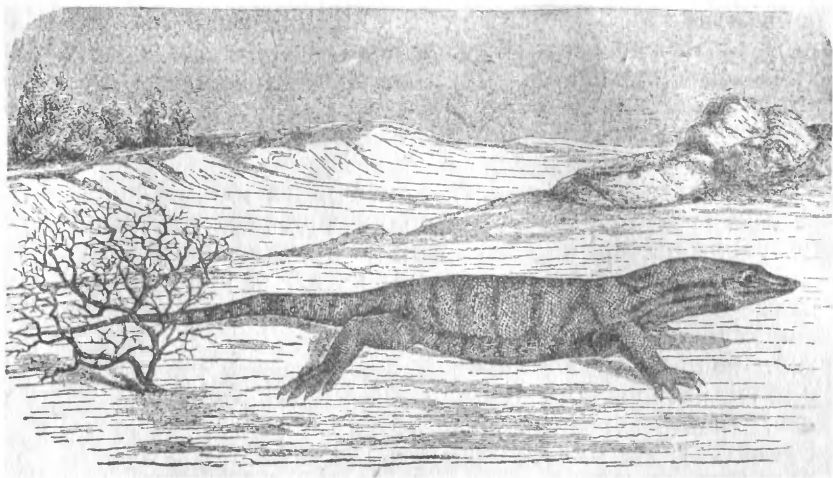

Сцинковый геккон.

(*Teratoscincus scincus* Schleg.).

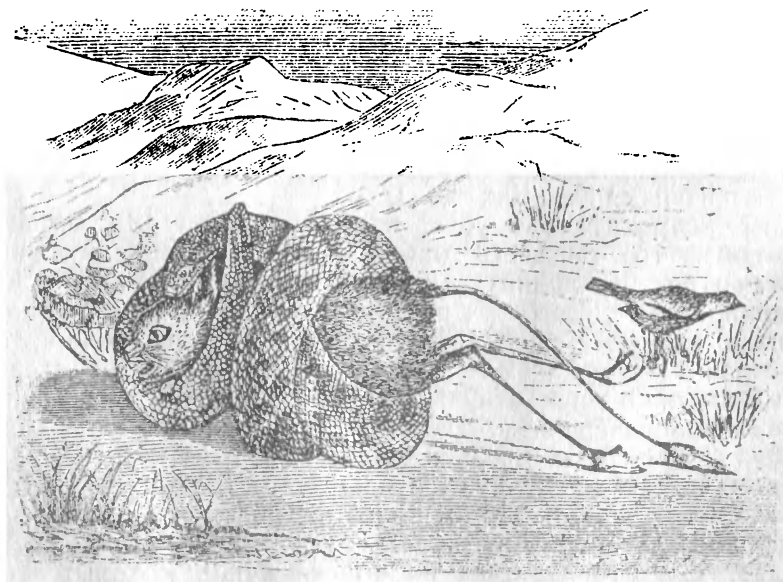
Ночная ящерица Кызыл-Кумов с замечательно тонкой кожей.

ходит на своих родичей, настоящих удавов, общий тон его окраски замечательно гармонирует с цве-

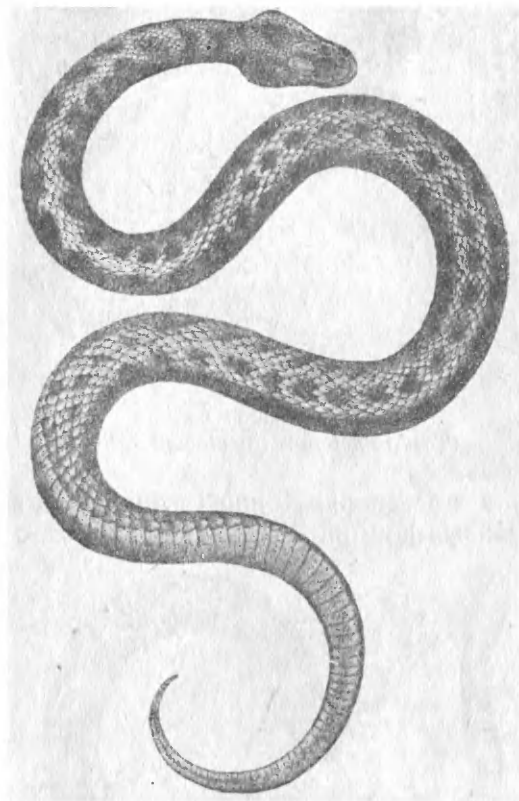
15. Касаль или варан.
(*Varanus griseus* Daud.).

том песка. В этом отношении он нисколько не уступает песчаным ящерицам.

Степной удав.
(*Eryx miliaris*).

Насколько степной удав толст и короток, настолько стрела-змея длинна и тонка. Это настоящий живой жгут, с замечательной быстротой скользкий по пескам в погоне за ящерицами и насекомыми. Длинное полосатое тело стрелы-змеи и ее манера выбрасывать на подобие

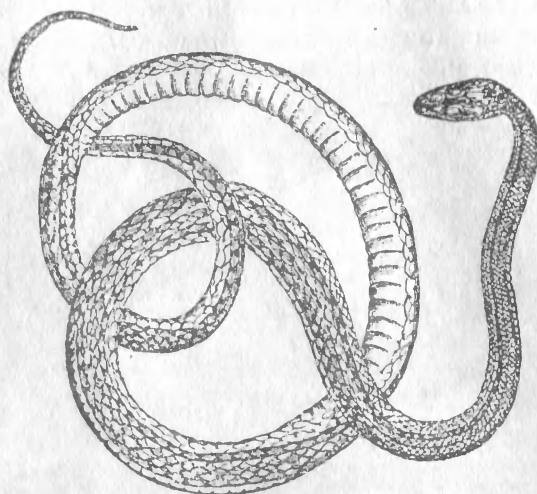

Буша - джилян или щитомордник.
Ядовитая змея пустыни Кизил-Кумы, родственная с гремучей змеей.
(*Ancistrodon intermedius* Str.).

стрелы переднюю половину туловища навстречу добыче вполне оправдывают ее название.

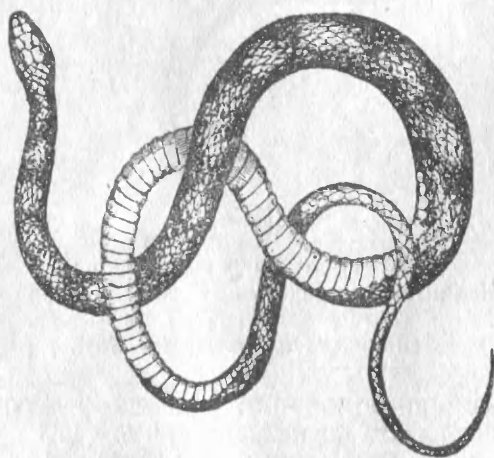
Из ядовитых змей в Кизыл-Кумах водится только анцистродон, по-киргизски, буша-джилян, принадлежащий к одному семейству с знаменитой гремучей змеей. Длинной она не более нашей гадюки, но кусается сильнее; по крайней мере, киргизы очень боятся его. Мелкие зверки, укушенные анцистрономом, умирают почти мгновенно.

Не мало в пустыне и различных зверков. Мы часто видели крошечных песчаных зайцев, тонкопалых сусликов

Стрела-змея.
(*Taphrometopon lineolatum* Bdt.).

и песчанок, а по вечерам — еще тушканчиков. Подобно ящерицам Кызыл-Кумов, все эти зверки окрашены

Полоз Карелина.
(*Zamenis Karelini* Bdt.).

под цвет песка, — притом настолько удачно, что, если б не белый или черный кончик хвоста, они не в состоянии были бы отыскивать друг друга.

Вообще, цвет животных часто находится в строгом соответствии с окраской обстановки. Это явление получило в науке название мимикрии или мимитизма. По-русски это значит: „подражательная окраска“. Чем полнее совпадение, тем лучше обеспечено существование животного: при подражательной окраске ему легче скрываться от врагов или подкрадываться к добыче.

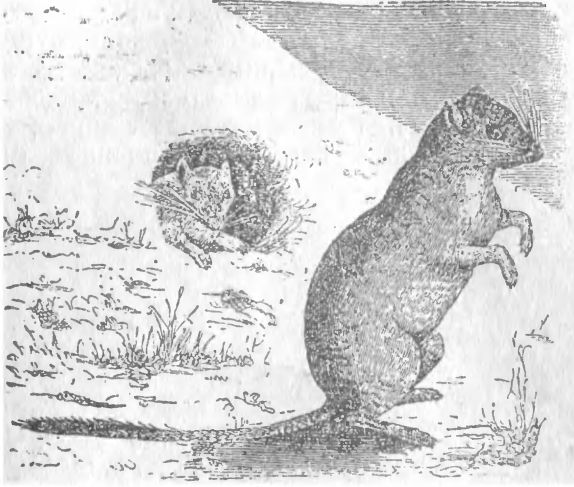
Тонкопалый суслик живет в норах с довольно широким полукруглым входом. Величиной он с белку.

Тонкопалый суслик.
(*Spermophilus leptodactylus* Licht.).

Его лапы кончаются длинными тонкими пальцами с длинными прямыми когтями. Такая лапа прекрасно приспособлена к беганию и рытью в песчаной почве. Пустыня наложила отпечаток на самое строение этого зверка. Есть еще одна особенность, которою тонкопалый суслик отличается от своих родичей. Все остальные виды сусликов зимою впадают в спячку; тонкопалый суслик составляет исключение. Соответственно с этим, у него два меха: летний и зимний. Летом спина его покрыта короткою и жесткою шерстью рыжевато-буланого цвета; зимою ее заменяют длинные, тонкие, шелковистые волосы превос-

ходного палевого или золотисто-песчаного цвета. У других видов сусликов свойства меха не меняются по сезонам.

Большая песчанка.
(*Rhombomys opimus* Licht.)

Песчанки во многом напоминают крыс. Живут они обществами, питаются семенами и другими частями

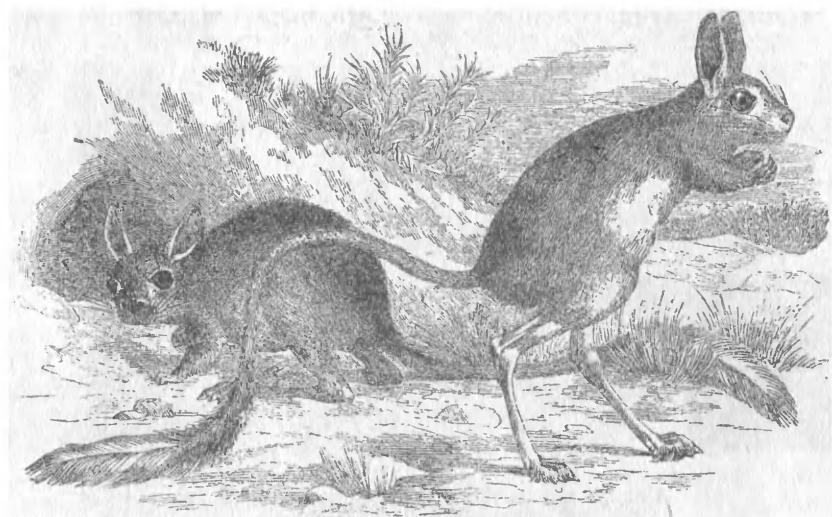

Плоскохвостный тушканчик.
(*Platycercomys platyris* Licht.).

растений пустыни, роют по склонам барханов норы со множеством ходов и несколькими выходными отверстиями.

Много этих зверков попало в мою охотничью сумку. Попали бы они и в котел с кашей из сухарных крошек, если б не малодушный страх пред тем, что скажет Дарья Сидоровна.

Тушканчики встречались значительно реже. Это — животное ночное. Они выползали из своих норок поздно вечером, когда, сидя у костра, мы заливали свой голод несчетным количеством чашек чаю. Прыгая на своих длинных задних ногах и помахивая хвостом со знаменем на конце, эти миловидные зверки оказывались иногда очень близко от нашей телеги. Но стоило мне шевель-

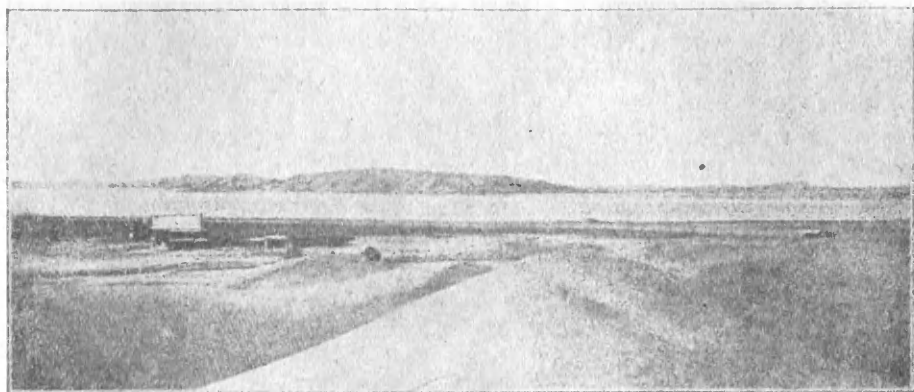

Земляной заяц или большой тушканчик.
(*Alactaga jaculus* Pall).

нуться, — и они мгновенно скрывались за ближайшим барханом.

На 4-й день мы подошли к так называемой станции. Это хорошенький кирпичный домик, который как-то странно видеть среди безлюдной песчаной пустыни. На всем 500-верстном расстоянии таких станций поставлено всего три. Повидимому, они выстроены только для того, чтобы дать возможность путешественнику обогреться зимой, или укрыться от песчаной бури, если она застигнет где-нибудь по близости. Никакого другого значения они иметь не могут, если не считать того обстоятельства, что у сторожа станции можно получить казенный самовар. Первую станцию караулит один единственный киргиз, у которого, кроме муки, нет никакой провизии; нет здесь

ни верблюдов, ни телег, ни даже колес; а они могли бы очень пригодиться проезжающему, в случае поломки своих. Мы даже не воспользовались самоваром. Напоив здесь верблюдов и захватив запас воды, мы тронулись дальше. Только на 5-й день судьба, наконец, сжалась над нашей, по крайней мере над моей, голодной участью, послав мне на охоте зайца. Правда, это был маленький, не больше кролика, местной породы зайчишка, с огромными ушами и с необыкновенно поджарым и сухим телом. Все же это была дичь; в нем все-таки было мясо, о котором четыре дня тосковали наши желудки. Я тотчас же обратился к Дарье Сидоровне за советом, по какому способу было бы лучше использовать все питательные свойства

Станция среди песков пустыни Кизыл - Кумы.
С фотографии Г. О. Графтио.

нашей добычи, и, грешный человек, не слишком был опечален, когда она наотрез отказалась от всякого участия в этом деле, категорически заявив, что она „такой погани“ не ест. С ее отказом я получил право избрать способ приготовления дичи. На первом же привале я ободрал свою добычу, разрезал ее на куски, нанизал их на саксауловую палку и, изжарив на горячих углях, получил заячий шашлык. Нечего и говорить, что он оказался необычайно вкусным и был съеден даже с смелкими косточками. Бедная Дарья Сидоровна так и осталась при одних сухарях.

Вообще, ей как-то не везло этот день. Только что улегся я на песчаном склоне ближайшего бархана, чтобы отдохнуть после возни с зайцем, как вдруг, слышу, из телеги доносится до меня пронзительный визг моей спутницы. В один момент я был на месте происшествия и

увидел здесь следующую картину: огромная фаланга, забравшаяся, вероятно, по оглобле, ползла по платью Дарьи Сидоровны и добиралась уже до лица. Растерявшаяся казачка, подняв руки кверху, с выражением ужаса в глазах, кричала на всю пустыню. Взять первый попавшийся предмет и убить ядовитую гадину на боку моей спутницы было делом одного мгновения. Надо заметить, что таким образом мне удалось избавить Дарью Сидоровну от серьезной опасности. Укушение фаланги чрезвычайно болезненно и, как говорят, в некоторых случаях, при известных осложнениях, даже смертельно. Эта гадина бегает замечательно быстро. Не успеете вы притти в себя, как она уже взобралась до лица. Остерегайтесь придавить ее здесь: непременно ужалит. Лучше дать ей сползти на платье или смахнуть быстрым движением в сторону.

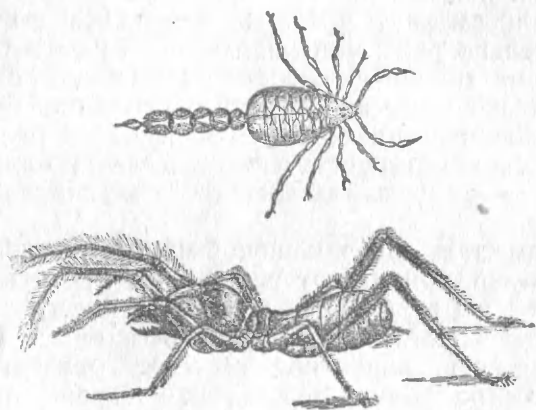
Значительно реже попадались нам скорпионы, но на них мы не обращали особого внимания. Во-первых, во внешнем виде их нет ничего страшного: будучи пауками, они скорее походят на маленького рачка; а во-вторых, по словам туркестанских жителей, и жалят они не так больно и не с такими неприятными последствиями, как фаланги.

Впрочем, там, где скорпионов много, киргизы, ночующие на бивуаке, принимают против них простую, но действительную меру. Они окружают бивуак волосяным арканом, чрез который эти ядовитые гадины не решаются ползти, опасаясь, вероятно, жестких торчащих вокруг аркана волосков. Замечательно, что бараны поедают и скорпионов, и фаланг, как траву, чем пользуются, как говорят, киргизы во время своих перекочевков. Прежде чем разбить юрту, они пускают на это место свое стадо, которое будто бы истребляет всех ядовитых пауков ближайшего клочка степи.

Не знаю, водится ли в Кызыл-Кумах каракурт, маленький черный паучок, укушение которого считается смертельным. Наши проводники не могли сказать мне по этому поводу ничего определенного.

Долго еще после истории с фалангой не могла притти в себя Дарья Сидоровна. Она проклинала и степь, и тот час, в который ей пришла в голову мысль ехать в Петро-Александровск. Досталось тут и мужу, и даже нашим киргизам, хотя они старались услужить ей, подняв оглобли кверху сейчас после приключения с фалангой. Вообще, моя спутница вымещала на проводниках все свое недовольство настоящим положением. Они были виноваты в том, что телега на крутых склонах барханов кренилась очень сильно, и в том, что песок засыпал глаза; разгневанная казачка не раз ставила им на вид и дурную

воду в колодцах. Словом, это были настоящие „козлы отпущения“. К довершению негодования моей спутницы, эти „козлы“ ни слова не понимали по-русски, а она ни слова по-киргизски. Во время баталии они с удивлением поглядывали на сердитую женщину и изо всей ее тирады, обращенной по их адресу, понимали только, что она на что-то гневается. По временам они переводили глаза на меня, не объясню ли я, в чем дело; но я обыкновенно сидел с невозмутимым видом, сохраняя строгий нейтралитет, и только в случае, если история принимала слишком комичный характер, разражался хохотом. За мной начинали смеяться и киргизы, а Дарья Сидоровна, недовольная и сконфуженная, прекращала свою брань.

Скорпион (наверху) и фаланга.

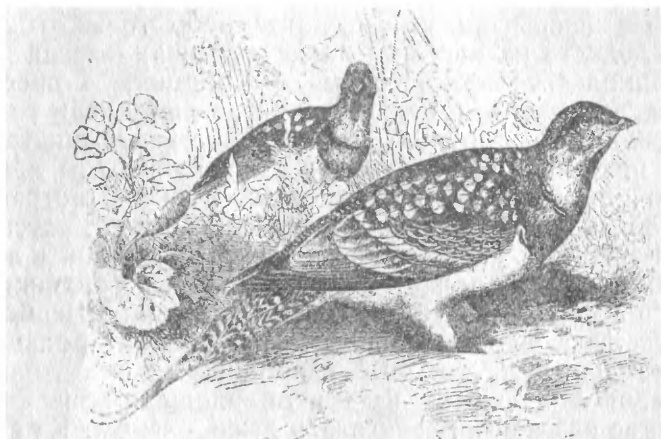
Да, шибко доставалось от нее нашим проводникам; между тем это были преисправные ребята, видимо, знающие свое дело. Меня постоянно удивляло, как могут они находить дорогу среди однообразных холмов песку, где к тому же всякий след быстро замечается ветром. Правда, местами дорога обозначена пирамидами из саксауловых поленьев, но эти значки расставлены на расстоянии нескольких верст друг от друга, видимы же они только с ближайшего бархана. Еще труднее отыскивать их в потемках, а мы большую часть пути прошли ночью. Раза два в темноте, во время ветра, проводники плутали, и даже довольно долго; но какими-то судьбами все-таки выходили к пирамиде. До какой степени легко заблудиться в песчаной пустыне, я испытал сам на себе. В то время, когда верблюды шли, я слез было с телеги и свернул в сторону, чтобы застрелить суслика. Не сделал я и 50 шагов, как уже решил вернуться, так как суслик

спрятался в нору. Каково-же было мое удивление, когда оказалось, что телега вместе с верблюдами тоже спряталась. Я бегом пустился в том направлении, где они должны были быть, влез на холм и увидел все те же барханы, кое-где поросшие кустами. Телега словно провалилась сквозь землю. Она шла где-нибудь по-близости, может быть, в нескольких шагах от меня, но она скрыта была этими застывшими песчаными волнами. Верблюды совершенно неслышно ступают даже по твердому грунту; на белу, и колеса телеги были только что смазаны, так что и по звуку нельзя было определить, где находятся мои спутники. Долго метался я от бархана к бархану, хотел уже было кричать, как вдруг один из наших „кораблей пустыни“ догадался заскрипеть.

На 7-й день рано утром, когда небо только-только начало бледнеть на востоке, когда утренняя звезда еще горела бриллиантовым блеском, мы подошли к пресной луже, неисповедимыми судьбами уцелевшей среди раскаленных солнцем сыпучих песков. В средне-азиатской пустыне пресная вода настолько драгоценна, что малейший источник ее составляет заметный пункт в географии страны. Здесь перекрещиваются караванные пути; здесь же кочуют киргизы со своими кормильцами баранами, и даже дикие птицы, — жаворонки, степные рябки и горлилки, — ютятся по-близости этих источников жизни. Несмотря на то, что лужа, где мы остановились, была не больше и не глубже тех луж, которые в провинциальных городах после ливня появляются на всякой площади, она имела собственное название и величалась даже озером: Кукча-куль. Чтобы составить представление о том, какова вода в этом озере, надо в стакан чистой воды всыпать столовую ложку песка. Впрочем, эта жидкая грязь много лучше соленой ящеричной настойки здешних колодцев: во-первых, она совершенно пресного вкуса, а во-вторых, песок скоро отстаивается. В кызыл-кумских колодцах вода настолько дурна, что если бы она была хоть чуточку похуже, ее не стал бы пить ни один киргиз. Края их по большей части не ограждены никаким барьером, поэтому ящерицы и черепахи могут топиться там, сколько им угодно; они проделывают это тем охотнее, что здесь им слишком тесно; очень уж много развелось их в песчаной степи. От такой примеси вода, конечно, не много выигрывает: она становится затхлой, местами даже прямо с запахом гнили, к тому же она всегда солоновата и жестка на вкус.

Надо видеть, какое оживление вносит небольшая пресная лужа в природу пустыни. По берегам Кукча-куля во множестве бегали степные жаворонки; местами сидели и пили воду горлицы, зачем то поселившиеся в степи;

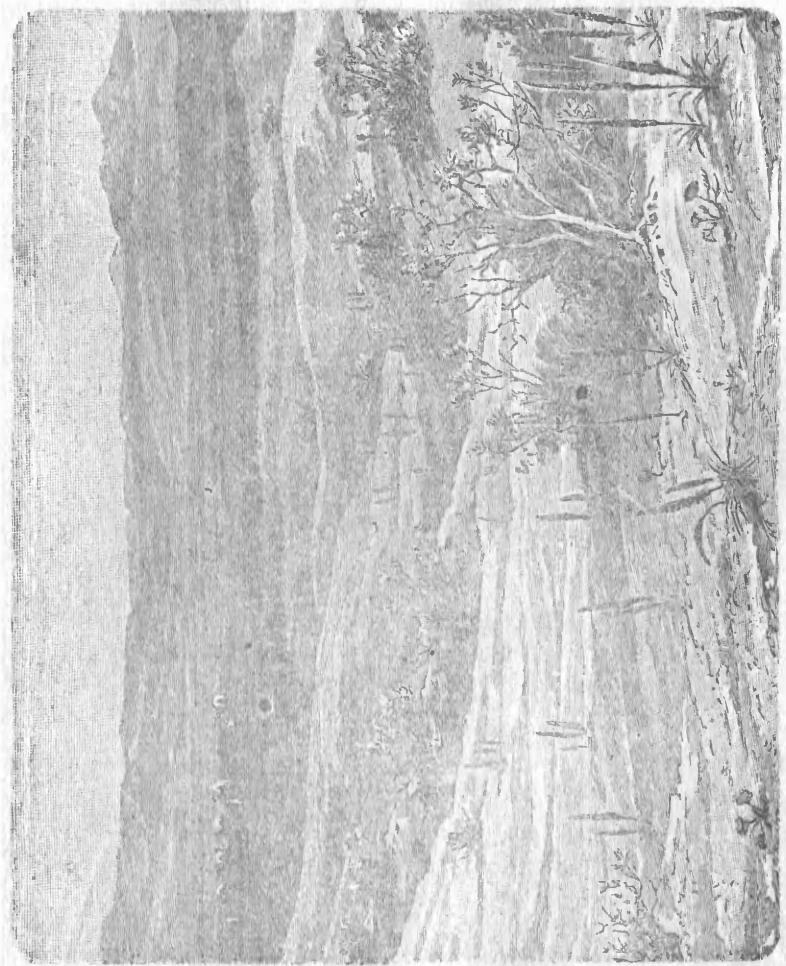
тут же выхаживал один ворон; несколько красивых пестрых пчелоедов носились над лужей, и, лишь только показалось солнце, на озеро полетели степные рябки и саджи. Стая за стай, с громким гиканьем летели эти истые дети пустыни на лужу; со свистом они опускались около воды и начинали жадно пить. Не взирая на мою отчаянную пальбу, прилетали новые стаи и хотя бы урывком пытались напиться. Бедные, как им хотелось пить!.. Но мне еще больше хотелось есть. Они, по крайней мере, пили вчера, а я уже третий день, с тех пор, как застрелил зайца, не ел ничего, кроме сухарей, а сухари разве пища? Понятно, что я палил направо и налево, но, увы,

Степной рябок.
(*Pterocles alchata* Linn).

попадал больше в широкое небо, в которое, как известно трудно промахнуться. Однако, я убил четырех рябков и, зарядив ружье, собирался еще раз покуситься на жизнь мчавшихся с быстротой стрелы птиц, как вдруг из телеги донесся до меня отчаянный крик Дарьи Сидоровны. Судя по этому визгу на всю пустыню, я решил, что, по крайней мере, десять фаланг одновременно влезли на мою спутницу. Я бросил стрелять и побежал спасать ее. Между тем крик продолжался; на время он замирал, но потом снова раздавался с удвоенной силой. Прибежав на место происшествия, я увидел следующую картину: в одном углу телеги бегала небольшая ящерица, очевидно удравшая из моей коробки; в противоположном углу, прижавшись к самой стенке нашей каюты, с выражением ужаса в лице, сидела Дарья Сидоровна, сидела и кричала на всю степь,

подняв руки кверху. Ящерица, видимо, больше всего напуганная этим криком, металась из стороны в сторону, отыскивая выход. Я схватил ее за хвост. Она ушипнула меня за палец и, вырвавшись, соскочила на плечо моей спутницы. Тут визг достиг такой небывалой высоты, что я, признаться, и сам растерялся. Еще больше перетру-

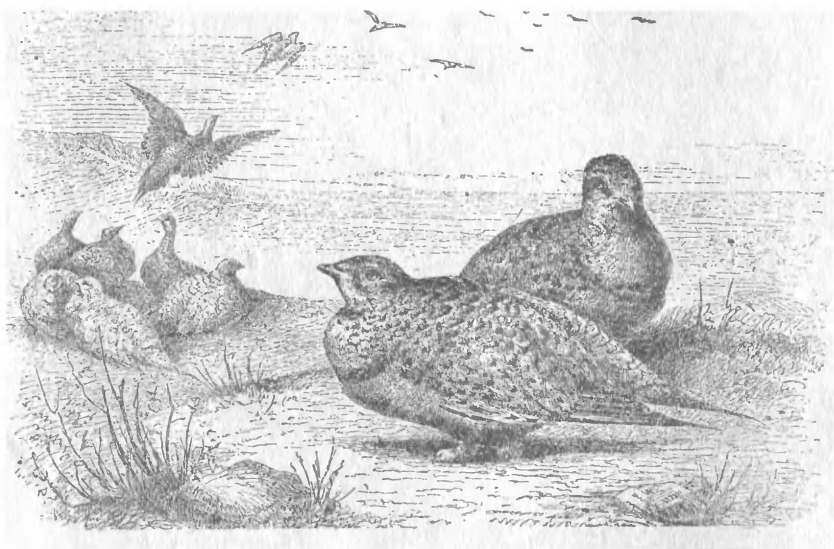

Пустыня Кизил-Кумы.

сила ящерица. Наверно, она осталась бы сидеть в коробке, если бы знала, как отнесется к ее прогулке по телеге Дарья Сидоровна. Кое-как удалось изловить хвостатую любительницу свободы и водворить ее в банку со спиртом. Тут же, пока я запирал крышку ящика, еще с неостывшим волнением в крови и с дрожанием в голосе,

предъявила мне моя спутница свой ультиматум. Впредь я обязывался всех ящериц и других подобных „гнусов“, коих мне придется поймать, немедленно сажать в спирт, а отнюдь не держать живьем в коробках. Надо ли говорить, что я принял этот ультиматум, хотя он и был для меня довольно стеснителен. В самом деле, не угодно ли для каждого „гнуса“ всякий раз вытаскивать большой деревянный ящик — вернее, сундук — с банкой, где хранился у меня спирт.

Пока шла война с ящерицей, степные рябки напились и, конечно, улетели по своим делам. Нам пришлось до-

Степные куры или саджи.
(*Syrrhaptes paradoxus* Pall.).

вольствоваться только четырьмя птицами. Несмотря на раннее утро, мы тут же принялись варить их. Хозяйственные хлопоты и перспектива поесть настоящего супа и дичи помогли Дарье Сидоровне забыть только что перенесенное потрясение. Лишь только мы принялись за похлебку, я, пользуясь минутой, попытался было внести поправку в наш договор, поправку в том смысле, чтобы мне предоставлено было право сажать ящериц не в бумажную коробку от табаку, как было прежде, а в жестяной цилиндр от монпансье. „С хорошей крышкой“, — прибавил я, выразив при этом готовность опростать его от сахара. Но Дарья Сидоровна ответила решительным отказом. Так как я не настаивал, — где уж тут было настаи-

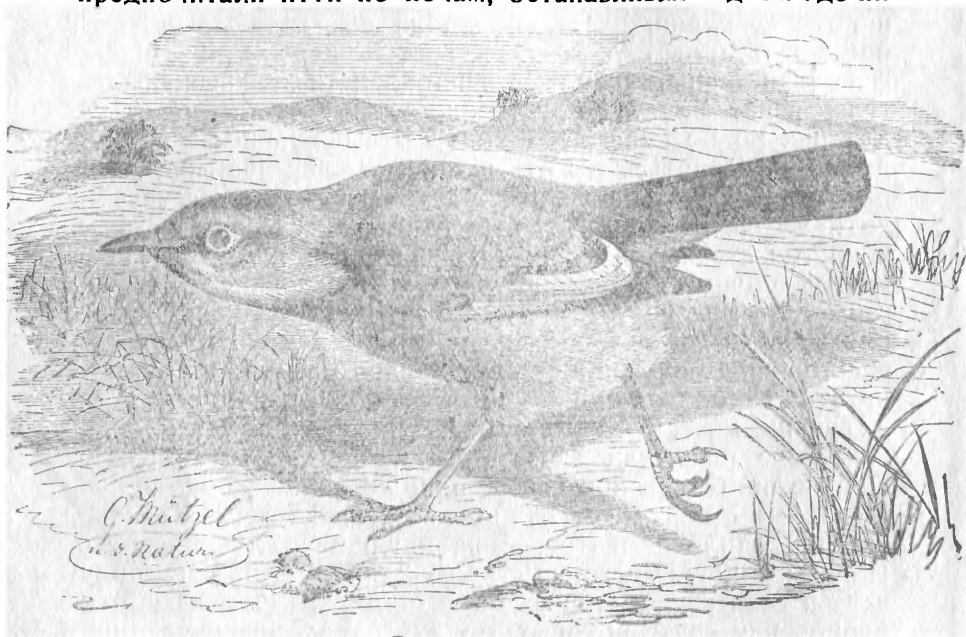
вать,—вопрос был исчерпан, и мы, заложив верблюдов, поехали дальше.

Теперь нам посчастливилось на птиц. Пробираясь среди сыпучих песков, верблюды не раз вспугивали тех самых рябков и садж, которые отсюда летали на лужу Кукча-куль. Эти птицы представляют нечто среднее между куропаткой и голубем. Острыми крыльями и быстрым полетом они напоминают голубей; пьют, как голуби, не отрывая клюва от воды. Но по форме клюва это — настоящие куриные. Нас поражала быстрота их полета: они могут пролетать 90—100 верст в час; для них, можно сказать, не существует расстояния; делать ежедневную прогулку верст за сто единственно затем, чтобы напиться, для них ровно ничего не стоит. Эта особенность позволяет им гнездиться и жить в таких местах пустыни, которые отделены от ближайшего источника или лужи целыми сотнями верст. Кормятся эти птицы семенами астрагалов и других степных растений. Вся жизнь их проходит среди песков, почему их красивое узорчатое оперение прекрасно гармонирует с цветом песка. Когда они сидят неподвижно, прижавшись к почве, их невозможно заметить даже на расстоянии нескольких шагов. Трудно было бы охотиться на этих птиц, будь они немного осторожнее. Но, вероятно, в глухих местах Кизыл-кумов они редко видели человека и не привыкли считать его непримиримым врагом. Они не прятались при нашем приближении и спокойно небольшими стайками бегали вблизи нашей телеги. Конечно, им приходилось платить за излишнюю доверчивость. После каждого моего выстрела Дарья Сидорвна получала в свое распоряжение одного, двух, а иногда и трех рябков или садж, которых тут же, в телеге начинала ощипывать.

В тот же переезд мы впервые встретили еще одну достопримечательность Кизыл-кумов: саксаульную сойку. Пепельно-серая, с черным хвостом, отливающим зеленым металлическим блеском, птица эта по складу тела, в действительности, походит на наших соек. Но в образе жизни и повадках ее много своеобразного. Если попытаться преследовать ее, она не полетит от вас, как это делают другие птицы. Вытянув голову вперед, крупной рысью, непомерно большими шагами она побегит по песку по направлению ближайшего куста саксаула, спрячется за него и оттуда начнет выглядывать то по одну, то по другую сторону куста, желая убедиться, здесь ли еще ее враг. В редких случаях саксаульная сойка прибегает к помощи крыльев, и то лишь затем, чтобы взлететь на верхушку куста и поглядеть оттуда на предмет, который кажется ей подозрительным. Как большинство птиц

из семейства ворон, эта сойка кормится всякой всячиной: семенами саксаула и астрагалов, личинками степных жуков, ящерицами и даже падалью.

8-й и 9-й дни дорога шла все также барханами и только изредка выходила на такыры, уцелевшие от поглощения летучими песками. С утра верхушки холмов начинали куриться, к полудню воздух наполнялся летящим песком, а к вечеру становилось опять тихо. Поэтому мы предпочитали итти по ночам, останавливаясь днем где-ни-

Саксаульная сойка.
(*Podoces Panderi* Fisch.).

будь по середине такыра, чтобы быть дальше от песчаных душей. Ночные переезды были тем более удобны, что дневной жар сменялся тогда большой свежестью: нам приходилось даже надевать драповое пальто. В этом отношении Кызыл-кумы напоминают Сахару, где иногда днем можно печь яйца в раскаленном лучами солнца песке, а ночью замерзает вода. Вечером девятого дня мы подошли к третьей и последней станции в пустыне. До Петро-Александровска оставалось всего около 90 верст, и на станции можно было видеть некоторые признаки близости человеческого населения, притом же русского. Прежде всего сторожем домика состоял русский, отставной солдат. При станции находилась и домашняя скотина в виде двух тощих собак и одной такой же тощей кошки. Во всем

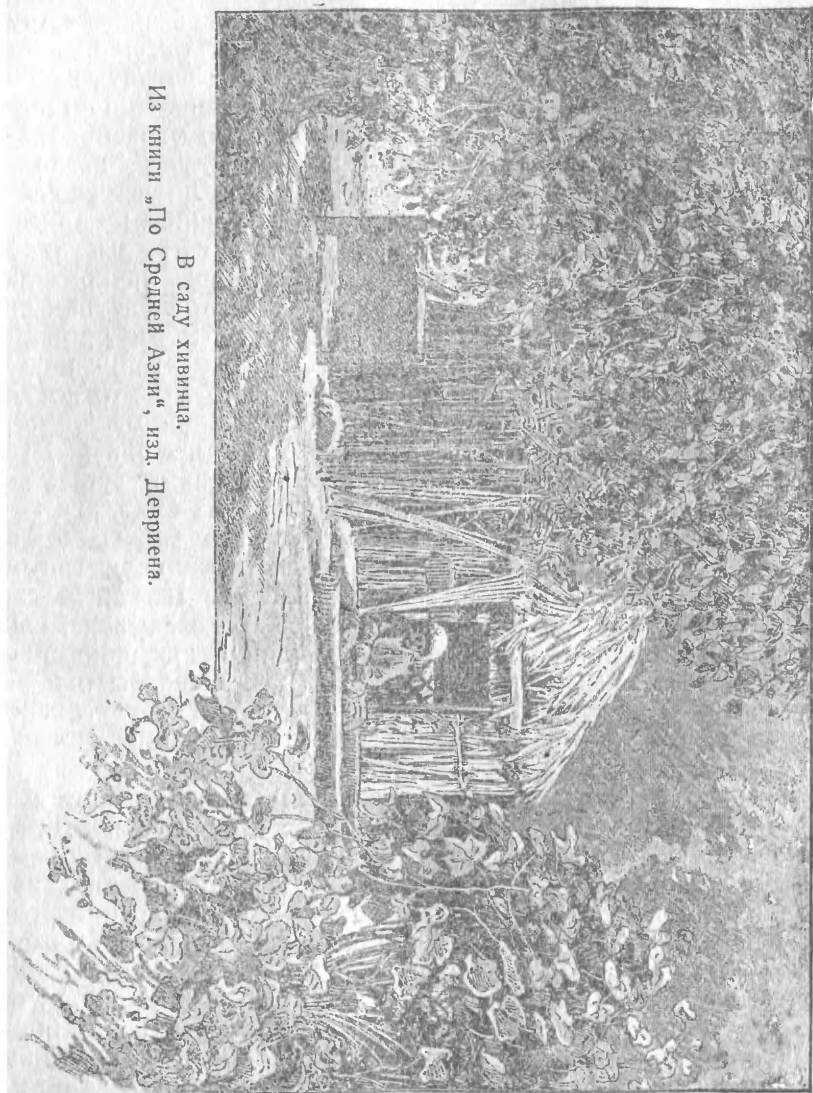
остальном станция ничем не отличалась от двух прежних, то-есть, ничего в ней не было, если не считать казенного самовара. Несмотря на это, мы остались тут ночевать. Надо было видеть то удовольствие, с каким Дарья Сидоровна встретила эти первые признаки близости Петро-Александровска. Прежде всего она постаралась наверстать 9 дней потерянного времени, когда ей почти совсем не приходилось вести никаких разговоров, если не считать обличительных речей, направленных против наших проводников. Словоохотливая от природы, она, видимо, очень страдала от невозможности вести беседу по душе; сначала она пыталась заводить разговоры со мной, но вся ее словоохотливость парализовалась моим невниманием: я обыкновенно молчал, как пень. Конечно, и она с каждым днем говорила все меньше и меньше, и, наконец, прекратила всякие попытки расшевелить меня. Все последствия ее скуки должны были выносить на себе все те же проводники. На счастье Дарьи Сидоровны, старик сторож находился не в лучших условиях относительно возможности вести разговоры. Его постоянные собеседники были, пожалуй, еще менее пригодны для этой цели, нежели я. Это были две собаки и кошка, единственные живые существа станции, после самого сторожа. Кошка была суха, как кошачья мумия египетских катакомб, из чего можно было заключить, что станционный домик не оживляли своим присутствием ни крысы, ни мыши. Пока мы сидели за самоваром, Дарья Сидоровна с упоением рассказывала, как мы голодали, какие „окаянные“ проводники, как они таили мысль убить ее и непременно убили бы, если бы она не ругала их и не грозила им казацкой шашкой. Тут только я понял, за что моя спутница не взлюбила наших киргиз. Согласитесь, есть за что не взлюбить.

Подробно она описала случай с фалангой, а еще подробнее рассказала о ящерице. После полуночи я отправился спать в свою телегу, и долго еще чрез растворенное окно доносились до меня отдельные слова двух натосковавшихся по беседам людей. Я спал так крепко, что не слышал, как станционные собаки, должно быть, обе, вскочили в телегу и съели половину наших сухарей. Это приключение не опечалило даже и Дарью Сидоровну, судя по тому, что проводники, кроме обычной ежедневной порции обличительных речей, никакой особой головомойки не получали. В самом деле, до Петро-Александровска оставалось всего два дня пути, а бедные собаки без наших сухарей не нынче-завтра поколели бы с голоду: до того они были тощи.

На одиннадцатый день, утром мы вошли, наконец, в пределы Хивинского оазиса. Еще издали показались вер-

хушки пирамидальных тополей, выглядывавших из голых гребней песчаных барханов. Скоро мы подошли к садам и кишлакам, которые узкой лентой на протяжении верст 20 тянутся по берегу Аму-Дарьи до самого Петро-Але-

В саду хивинца.
Из книги „По Средней Азии“, изд. Девриена.

ксандровска. Надо видеть средне-азиатские оазисы, чтобы вполне оценить животворную силу воды. Вода здесь все. Почва, способы обработки ее и климат имеют только второстепенное значение. Там, где при помощи арыка из

Аму Дарьи удается оросить землю, вы видите живописные сады с виноградниками, фруктовыми деревьями, аллеями высоких тополей; или пред вами расстилается пашня с высокой джугарой, хлопчатником, пшеницей или кунжутом. На расстоянии полуаршина от орошенной земли начинается бесплодная пустыня с ее песками и солонцами. В одном месте я видел пшеницу, засеянную между песчаными барханами; она росла даже на сыпучем песке, хотя и не достигла здесь такого роста, как на глине.

Собственно говоря, весь Хивинский оазис представляет из себя только ту узкую полосу земли по обоим берегам Аму-Дарьи, куда удалось провести оросительные арыки. Правая сторона принадлежала России, левая составляла Хивинское ханство. Около полудня мы, наконец, добрались до Петро-Александровска. Дарья Сидоровна отыскиала своего мужа, а я, бросив телегу в первом попавшемся доме, куда меня пустили остановиться, под палящими лучами солнца, еще более беспощадными на улицах укрепления, нежели в пустыне, побежал отыскивать хоть какой-нибудь пищи. Но, увы!.. День оказался не базарным. Базар бывает здесь раз в неделю, а в местных лавках не было никаких закусок, если не считать за таковые

Хивинец.

Из книги „По Средней Азии“
изд. Девриена.

окаменелые мятные пряники, монпансье, карамель и тому подобную дрянь. С каким удовольствием пожевал бы я теперь казалинской колбасы, хотя бы она еще более походила на киргизские нагайки: но и ее здесь не было. Наконец, меня выручил один человек. Видя мое затруднительное положение и в эту минуту, и впредь, он пригласил меня к себе жить. На дворе у него хорошенький садик с аллеями пирамидальных тополей, кустами каких-то цветов и с журчащим арыком. В саду целый день ворковали индийские горлинки, по временам свистели иволги, а по вечерам раздавался мелодический крик хивинского сычика.

Здесь, в сравнительно комфортабельной обстановке, скоро были забыты все невзгоды только что пройденного

пути. Забыт был 11-дневный пост в пустыне, забыты песчаные души, фаланги и все остальные напасти, которыми

Джугара.

Из книги „По Средней Азии“, изд. Деверена.

Джугара или сорго — хлебное растение, достигающее 3 метров вышины; урожай от сам—50 до сам—160.

Дарья Сидоровна так попрекала наших проводников. Однако, увлекаться отдыхом мне было нельзя: надо было торопиться к устью Аму-Дарьи.

Каюк.

2. Аму-Дарья.

Что такое хивинский каюк. — Аму; ее странствования. — Берега Аму. — От Нукуса до устья реки. — Тугай: джида и туранга. — Аму-Дарьинские камыши. — Их население: кабан, тигр; фазаны, зеленая щурка и ремез. — Птичье царство на озерах устья. — Рыбные промыслы на Куке: шип, сазан. — Вымирающая рыба — лопатонос. — Переезд в Кунград. — Хивинский город.

С большим трудом, при содействии местного начальства, удалось нанять каюк, и то лишь до Нукуса. Второго июля, в сопровождении нескольких солдат, которые давно ждали случая ехать в Нукус, и двух гребцов хивинцев, я, наконец, тронулся в дальнейший путь.

Прежде всего надо сказать, что такое хивинский каюк. Это — огромное корыто, выдолбленное из тополя, с такими же досками, набитыми по бортам. Хотя при этой неуклюжей лодке полагаются весла, но они служат только для того, чтобы направлять движение. Каюк несется вниз исключительно благодаря течению; а вверх его тянут бечевой.

Аму — великолепный гигантский поток, прорезающий Туранскую низменность с юго-востока на северо-запад. Ни Волга, ни Днепр, никакие другие реки СССР не могут дать представления о том, что такое Аму. Уже близ Петро-Александровска река так широка, что противоположный берег виднеется неясно, как в тумане; если же смотреть наискось, поверхность воды сливается с горизонтом. Эта масса воды несется в Аральское море с головокружительной быстротой. Зубчатые волны вечно бороздят поверхность Аму. Это — не те волны, которые разводит ветер; это сама река несется и скачет по каменистому дну, повторяя все его неровности. Кое-где вода бурлит и кипит, как в котле. Местами, вытягивая плывущие предметы, крутятся суводи, заметные издали по своей гладкой блестящей поверхности. Неудивительно, что русло, пробитое Аму-Дарьей среди низменной пустыни, не всегда может сдерживать этот могучий поток. Без всякой видимой причины то там, то здесь Аму начинает вдруг подмывать берег, обыкновенно правый. Глыба за глыбой с грохотом, напоминающим пушечный выстрел, валится в воду, и все, что есть на берегу, летит туда же. Водоподъемные машины, кишлаки с башнями, сады — ничто не в силах удерживать яростные волны. До какой степени быстро пробивает Аму новое русло, можно было видеть близ Петро-Александровска. Несколько ниже укрепления из реки был проведен арык, через который сначала прыгали сартовские мальчики. Аму почему-то полюбился этот арык. Она направила туда свои воды, быстро раздвинула его берега, и не прошло лета, как он превратился в огромный проток около версты в ширину. Сады, кишлаки и пашни, растянувшиеся вдоль этой канавки, — все было подхвачено бешеной рекой и исчезло без всякого следа.

Эта величайшая из рек, протекающих по пустыне, с давних пор славится своими капризами. Известно, что в прежнее время она впадала в Каспийское море; затем почему-то переменяла направление и стала изливаться в Арал. До сих пор сохранилось древнее русло, так называемый Узбой; а в Красноводском заливе на берегу Каспийского моря находится место, сохранившее все признаки прежнего устья огромной реки. Когда совершился этот поворот, достоверно неизвестно; во всяком случае, — настолько недавно, что предания об Аму, впадающей в Каспий, до сего времени сохранились в памяти местных жителей. Существует даже предположение, что река повернула в Аральское море, благодаря неосторожности туземцев, перепрудивших рукава ее плотинами. Однако, многие ученые сомневаются в справедливости такого объяснения. Эти ученые полагают, что Аму направилась на восток к

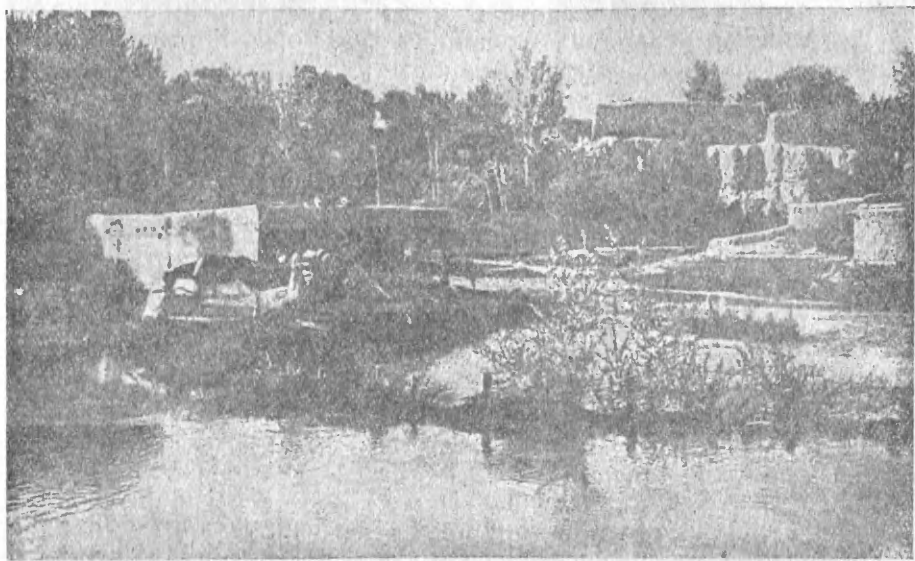
Аралу вследствие медленного векового повышения местности между средним течением реки и Каспийским морем. Как бы то ни было, перемена русла не принесла пользы человеку. Если бы, вытекая с Памира, Аму впадала в Каспийское море, она соединила бы наши промышленные области со Средней Азией. Это был бы исполинский путь, по которому товары СССР шли бы до границ Афганистана, а среднеазиатские товары — на Волгу. Теперь же, впадая в пустынное Аральское море, откуда нет никакого выхода, Аму представляет из себя отрезанный ломоть; ее значение для торговли ничтожно. Естественно возникает вопрос: нельзя ли снова направить реку в Каспийское море. Еще Петр первый снарядил экспедицию, которая должна была решить его. Экспедиция эта не дошла даже до места назначения. В начале восьмидесятых годов тем же вопросом занималась большая экспедиция министерства путей сообщения. Потратили огромные деньги и все-таки не пришли ни к каким определенным выводам. Те ученые, которые объясняют поворот Аму вековым поднятием страны, высказывают убеждение, что никакие, даже самые грандиозные работы не в состоянии направить реку по древнему руслу. Другие же, главным образом, инженеры, считают предприятие не столь безнадежным.

Такова Аму, по которой плыл теперь наш каюк.

Как быстро мчал его течение, можно судить по тому, что, отвалив от укрепления в 2 часа дня, на другой день поздно вечером мы были уже в Нукусе, то-есть, проплыли более 200 верст; при этом мы ночевали на берегу, а днем несколько раз останавливались в аулах, чтобы купить баранины. От Петро-Александровска Аму протекает по большей части среди пустыни. С каюка мы видели песчаные барханы, которые так надоели в Кизыл-Кумах. Местами холмы прерывались ровными пространствами, поросшими кустами тамариска, дикого барбариса, колючки, вероятно, такеры. Только кое-где по берегу узкой каемкой зеленеет тальник, или джида, — местное дерево, плоды которого так похожи на крошечные финики. Сады и пашни попадались нам редко. Очевидно, в настоящее время хивинский оазис не есть сплошная полоса обработанной земли: скорее это цепь небольших, вытянутых по обоим берегам реки оазисов, отделенных друг от друга широкими промежутками пустыни. Нет никакого сомнения, что пустынность берегов Аму не есть следствие невозможности оросить их и превратить в ряд садов и пашен.

Туземцы стараются возделывать землю там, где из Аму можно вывести воду без особых хлопот обыкновенным арыком. Они неохотно поселяются в тех местах

берега, где для орошения необходимы водоподъемные машины. Как ни просты эти сооружения, все же они требуют особых расходов. По простоте эти машины, действительно, замечательны. Представьте себе паровозное колесо, установленное у берега так, чтобы его вращало течение. К окружности колеса приделаны ведра, черпающие воду и выливающие ее в жолоб. Если прибавить, к этому, что колесо можно по желанию остановить простым бревном, то описание машины можно считать оконченным. Таким образом, при помощи этих сооружений

Кишлак.

С фотографии Г. О. Графтио.

вода сама себя черпает и сама себя поднимает кверху, что возможно, конечно, только при той силе течения, при той стремительности, с какой Аму торопится добраться до Аральского моря. Несмотря на то, что природой даны человеку все средства, чтобы победить пустыню и превратить ее в культурные земли, мы видим, что победа, по большей части, остается пока на стороне пустыни. Главная причина этого явления — малочисленность населения; к тому же еще не так давно земледелец мог постоянно ожидать, что в один прекрасный день налетит на него шайка бродячих туркмен, отрубит ему голову или уведет в плен. В настоящее время, когда разбои, как про-

фессия, прекратились, хивинский оазис может ожидать более счастливого будущего.

Нукус — это маленькая крепостца, которая была бы игрушкой где-нибудь на западных границах СССР, но здесь она когда-то держала в страхе все Хивинское ханство; но она постепенно утратила свое значение. Кроме небольшого гарнизона, в Нукусе жил начальник Чимбайского уезда, к которому относились русские земли вниз по Аму до самого моря.

Из Нукуса мне надо было плыть дальше в устье реки, в проток Кук. Если трудно было нанять каюк в Петро-Александровске, то еще труднее найти средства спуститься из Нукуса вниз. Если бы не уральский казак Кожевников, живший здесь в качестве поселенца, мне долго пришлось бы ждать случая. Казак этот проведал, что из хивинского городка Ходжейли отправляется вниз по Аму каюк с товаром; владелец его намерен был торговать в аулах, лежащих в устье реки, и, между прочим, посетить проток Кук.

Наскоро собравшись, в сопровождении Кожевникова, я направился в Ходжейли. До перевоза нас довезли на казенной телеге. Телега вернулась назад, а мы остались на берегу реки драть горло, вызывая с той стороны лодку. Сначала завопил Кожевников и докричался до хрипоты; затем к нему присоединился я — и тоже охрип; на той стороне не обнаруживалось никаких признаков движения. Наконец, я начал стрелять и по одному разу, и дуплетом; извел при этом больше пороха, чем нужно для доброй охоты по бекасам. Два с лишним часа изошрялись мы в различных попытках обратить на себя внимание перевозчика и все-таки не добились толку. Нас перевез казак, случайно проходивший мимо. Пока мы возились с переправой, наступила ночь. Мы должны были заночевать на берегу. Когда мы улеглись спать, явился и перевозчик, отлучавшийся куда-то по своим домашним делам. Утром, к счастью, довольно скоро, но так же случайно, нам удалось нанять арбу, и мы потряслись на ней в городок Ходжейли; до него от перевоза считают не более шести верст. Каюк, на котором я предполагал плыть, еще не был готов: хозяин грузил в него товар, собираясь выехать только на следующий день. Кожевников вернулся в Нукус, а я остановился у ходжейлинского жителя, армянина. Наконец, Чулак — так звали моего будущего спутника — нагрузил каюк хлопком еще в коробочках, деревянными сундуками, халатами, разной посудой, чаем, всякой мелочью, и мы поплыли вниз по Аму. Таким образом, я очутился в сообществе 7 человек туземцев, одного сарта хозяина и 6 каракалпак, рабочих; из них ни один не знаа

ни слова по-русски. К счастью, с грехом пополам я умел объясняться на киргизском наречьи, по крайней мере, знал с полсотни самых необходимых слов. Этого было достаточно, чтобы у нас завязалась довольно оживленная беседа. Я вспомнил Дарью Сидоровну. Воображаю, как рассердилась бы она, если бы видела меня разговаривающим с этими „собаками“, — так называла она всех азиатов.

Так как на судне, где я был пассажиром, не полагалось ни буфета, ни прислуги, то о своем продовольствии я должен был заботиться сам. По пути Чулак приставал к каждому аулу и открывал свою лавочку. Если это случалось, не скажу, во время обеда или завтрака, а просто когда хотелось есть, хотя бы и утром, я принимался действовать. Пока Чулак с азиатским красноречием распинаясь за свой товар пред покупателями каракалпаками, я подзывал каракалпаченка и объяснял ему, что мне нужна курица. Бегом отправлялся он в юрту, и вскоре вместе с ним, с курицей в руках, являлась обыкновенно очень старая каракалпачка. В здешних аулах никогда не спрашивали с меня более 5 копеек за курицу. Уплатив, что следует, я брал ее и немедленно прекращал ее существование; затем, проделав все, что в этих случаях полагается, начинал варить суп. Вместе с этим я ставил на костер и чайник для чаю. Пока я занимался этим полезным делом, являлась целая орда каракалпакских дам, по большей части старух, и детей. В руках они держали по курице, а некоторые даже по две, зажав их под мышками. Все это предназначалось для продажи; но так как мне и одной было много, то от остальных приходилось отказываться. Тогда каракалпачки начинали предлагать пару за 5 коп. Чтобы не обидеть старух, я давал им по горсти сухарей, а ребятам по куску сахару, и они с довольным видом уносили своих кур.

Ночевали мы также близ аулов. Едва только начинало смеркаться, появлялись всесветные кровопийцы, — комары. Мои спутники забивались в наскоро разбитую палатку, а я ставил на каюке свой полог, который приобрел в Казалинске, зная по опыту, что значит ночевать на комарах. Хорошо лежать в пологе, когда за его стенками раздается голодный вой этих возмутительных насекомых. Мириады их густым роем облепляют снаружи кисею полога; чуя кровь, они снуют вверх и вниз, отыскивая, нет ли где дырочки. Вы лежите и слышите яростный гул; по временам его покрывает высокий писк отдельного комаришки, который вертится около вашего уха по ту сторону тонкой стенки. Вы лежите и, глядя на мерцающие сквозь кисею звезды, думаете: „Ничего, пишите себе, а я буду спать“. И действительно, я спал, спал так, что комары,

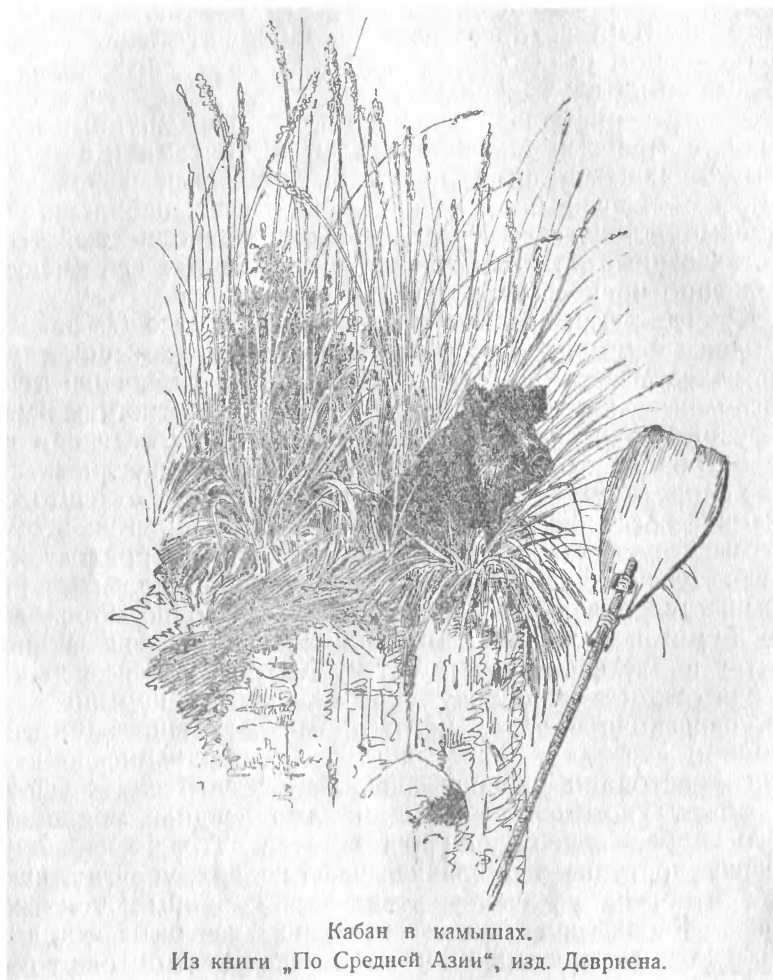
в конце концов, вероятно, объявляли меня мертвым и отправлялись искать живого человека. Утром я просыпался, когда каюк уже плыл по середине реки. Ниже Нукуса Аму рассыпается на несколько рукавов, впадающих самостоятельно в море. Мы шли сначала протоком Куна Дарьей, затем Ишаном, и, наконец, повернули в Кук.

В дельте природа берегов носит иной характер, нежели выше Нукуса. Здесь уже не видно пустыни. Зеленым бордюром окаймляют протоки тугаи, или прибрежные леса джиды и тальника.

Д ж и д а — небольшое дерево или скорее крупный кустарник с мелкими светло-зелеными листочками и с мучнистыми сладкими плодами, очень похожими на финик. Кроме ивы и джиды, в аму-дарьинских лесах небольшими рощицами встречается туранга, или разнолистный тополь, названный так потому, что верхние листья его имеют совершенно иную форму, нежели нижние.

Кое-где тугаи прерываются темной зеленью камышей; чем ближе к морю, тем гуще и выше эти камыши, тем шире захватывают они берег; местами они превращаются в огромные заросли. Особенно удобно любоваться этой чащей с песчаных холмиков, которые там и сям в виде островков торчат среди сплошной зелени листьев. Целое море темнозеленых верхушек камыша до самого горизонта расстилается пред вашими глазами. Как в открытом море, глаз не встречает никаких неровностей: кое-где только желтеют гребни этих одиноких холмов, или возвышается отдельное деревцо джиды. Словно море, камыш шумит и волнуется. Вы видите, как зеленая волна, взрытая подле вас порывом ветра, быстро несется вперед; вот она открыла верхушку скрывавшегося в камыше дерева, перескочила через него, промчалась еще немного дальше и исчезла в массе листьев. Аму-дарьинские камыши — настоящие джунгли здешних мест. В них с успехом может укрыться верблюд и даже всадник, сидящий на его горбе, — так высоки эти заросли. Только кабанам и тиграм доступна непролазная чаша гибких, упругих, как сталь, стеблей, увенчанных метелкой крупных темных листьев. Кабаны чувствуют себя здесь, как рыба в воде. В низовьях Аму их так много, что казаки зимой бьют их целыми возами. Настоящий хозяин здешних джунглей, однако, не кабан, а тигр. Мне не случилось ни видеть этого зверя, ни слышать его рева: я видел только его следы, овальные ямки, оттиснутые на песке подушками его лап. Как царь зверей, тигр показывается только за делом, а дела у него много и в камыше. В противоположность своему африканскому собрату льву, он редко выдает свое присутствие ревом. Только в ту пору, когда кошки

задают свои концерты, в непролазной чаще, как рассказывали казаки, иногда раздается глухое урчание: это тигровая серенада. Нередко, по словам местных жителей, в камыше можно слышать пронзительный визг кабана: это тигр хозяйничает в своем царстве. В Кунграде я видел одного казака, года два тому назад на охоте имев-

Кабан в камышах.

Из книги „По Средней Азии“, изд. Девриена.

шего столкновение с опасным зверем. Столкновение кончилось тем, что тигр ушел невредимым, а казак на память об этой встрече до сих пор носит на своем лице глубокие следы его когтей. Хивинцам и каракалпакам частенько приходится сталкиваться с тигром. и встречи эти кончаются не всегда благополучно для людей.

Сколько фазанов в здешних камышах и тугаях! Рано утром, едва только взойдет солнце, там и здесь по берегам реки раздается отрывистый крик петуха, похожий на сокращенное кукуреку. Вот бы направить сюда иных воскресных охотников в их модных пиджачках с иголочки, с их дорогими двустволками! Воображаю, сколько крови перепортит себе такой немврод в своем охотничьем рвении. После тщетной попытки продрасться сквозь чашу камышей или колючего кустарника, изодрав свой пиджачек, исцарапав до крови руки, он проклянет всех фазанов на свете и бросит охоту, не убив ни одной птицы. Здесь надо уметь ходить, уметь пользо-

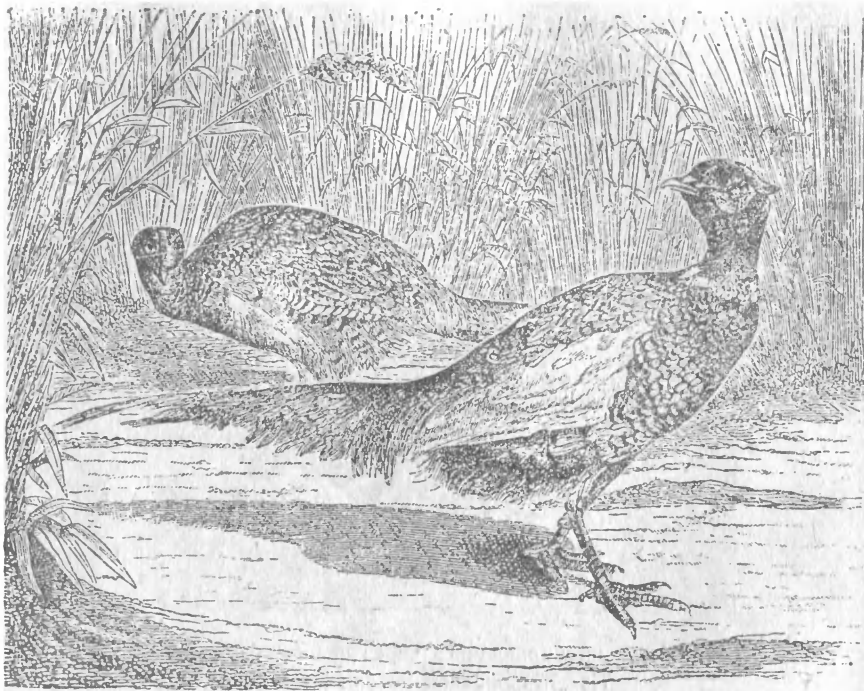
Тигр, пробирающийся через полосу барханов.
Из „Живописной России“, том X.

ваться кабаньими тропами и знать их, здесь нужна также сила и привычка ориентироваться в чаще.

Забавна бывает охота на фазанов, когда их много. Идете вы камышом или кустарником, вдруг из-под самых ног ваших с криком и шумом столбом кверху вылетает фазан. Дайте ему подняться вверх, насколько он может; затем, когда он начнет лететь по прямой линии, стреляйте. Нет ничего легче, как попасть в него в это время, — и, если у вас достаточно хладнокровия, вы можете в короткий срок настрелять десятки фазанов.

Глупость этой красивой птицы может поспорить с глупостью индейки. Проживая в непролазной чаще камышей, фазан воображает, что стоит ему притаиться, и никакой глаз не откроет его присутствия. Расчет этот

верен, но только до тех пор, пока фазан находится в чаще камыша. На свою беду, он нередко выходит на голые глинистые полянки, среди которых кое-где торчат чахлые кустики. Завидев охотника, он прячется под кустик, но прячется так, что его красный хвост, как сигнальный флаг, виден без малого за версту. Под этим прикрытием фазан сидит до последней возможности, т.-е.

Хивинский фазан среди камышей.
(*Phasianus oxianus*).

до тех пор, пока охотнику остается сделать еще два-три шага, чтобы наступить птице на хвост.

Так же искусно прячутся фазаны, когда сидят на ветвях джиды, где частенько лакомятся сладкими ягодами. Мне не раз случалось заставить их за этим занятием. На одном деревце сидят несколько штук фазанов. Подхожу к этому обществу шагов на двадцать, стреляю. Убитый фазан валится на землю, а остальные плотнее прижимаются к тонким ветвям дерева, очевидно, воображая, что их не видно. Стреляю второй раз, падает еще фазан. Тогда только оставшиеся в живых начинают догадываться, что дело их плохо, и улетают в чащу.

Много интересных птиц водится в аму-дарьинских камышах.

Истинным украшением здешних мест является зеленая щурка. Она придает пейзажу тропический отте-

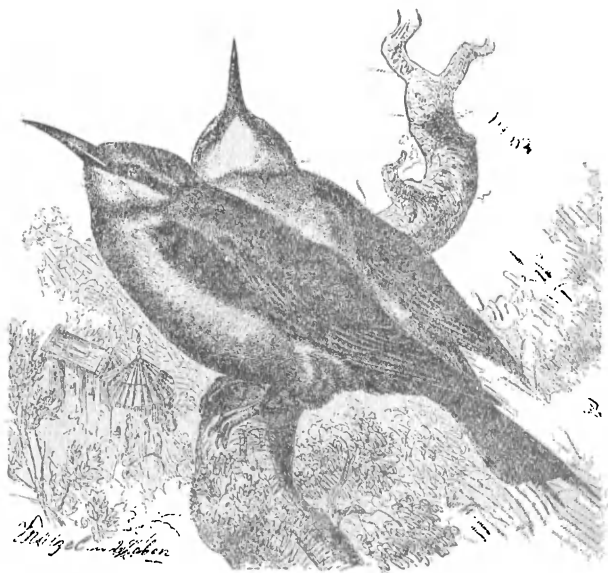
Фазан на взлете.

Из книги „По Средней Азии“, изд. Девриена.

нок. Небольшими стайками носятся эти милостивые птицы над камышом вблизи воды. По временам то та, то другая садится на стебель и тогда совершенно исчезает из глаз наблюдателя. Ее травяно-зеленое тело с

заостренным хвостом на некотором расстоянии чрезвычайно походит на лист камыша.

На ветках ивы близ самой воды нередко приходилось видеть гнезда ремеза. Это — самая маленькая из птиц не только туркестанской, но и всей нашей природы. Гнездо, имеющее вид кошелька с одним входным отверстием, построено из пуха ивы. Ремез подвешивает его на тоненьких ветках ивы над самой водой. При таком положении оно прекрасно защищено от всякого рода врагов. Ни ворона, ни крыса, никакой другой зверок не

Зеленые шурки.

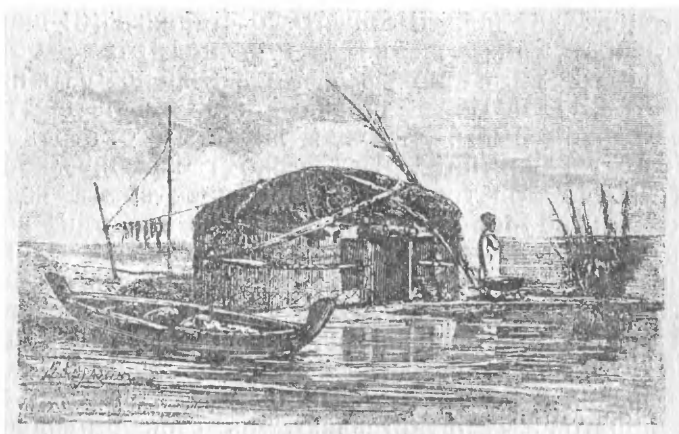
могут добраться до гнезда, так как тонкая ветка гнется, и любитель птичьих яиц или птенцов рискует свалиться в воду.

Особенное оживление царит в низовьях Аму-Дарьи на озерах с берегами, поросшими камышом. Тысячи крачек и чаек с криком носятся над водою. Стайки черных лысух, завидя приближающуюся лодку, спешат уйти в камыши. Там и здесь среди желтых или зеленых стеблей виднеются высокие фигуры пурпуровых и белых цапель. По временам пролетают мимо черные ибисы или каравайки, белые колпицы, пеликаны и утки...

12 июля, после многочисленных остановок с торговыми целями, Чулак, наконец, доставил меня на Кук-

ские рыбные промысла. На Куке нет постоянного населения. Летом, во время лова красной рыбы (шипа), сюда съезжаются каракалпаки, узбеки, киргизы, русские, даже армяне и евреи. Все эти рыболовы поселяются в юртах, или в наскоро сколоченных домиках и живут здесь, пока не окончится промысловый сезон. Еще более временный характер носят жилища каракалпакских рыболовов на озерах дельты Аму. Это просто на просто плоты с камышевым же навесом. На таких плотках каракалпаки живут среди озера целое лето: ночуют, варят пищу и только изредка на каюке навещают соседний аул.

На Куке уже ждали меня. Мне была поставлена каракалпакская юрта, в нее внесли кое-какую мебель, и,

Каракалпакская юрта.

вообще, заметно было желание доставить мне некоторый комфорт. Все это очень удивляло Чулака, и на его толстом лице с заплаканными глазками ясно можно было прочесть: „вот тебе на!.. я думал это казак, а это, видно, тюря“... — так называют туземцы чиновников.

Мой любезный хозяин показал мне все, что касается местного рыболовства. В это время порядочно ловился шип, единственный представитель красной рыбы в бассейне Аральского моря.

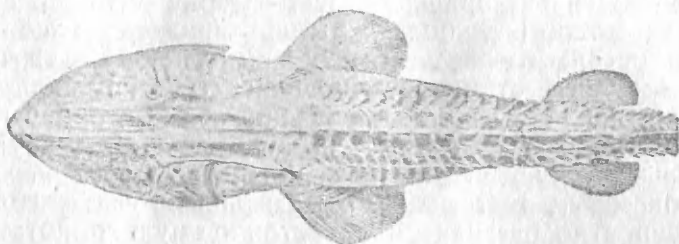
Шипов то и дело вытаскивали сетями; шипы плавали в садках; за обедом подавался вареный или жареный шип, и даже в плов из курицы кухарка моего хозяина не задумалась налить шиповьего жира. Пойманную рыбу здесь сажают в садки, чтобы выдержать ее до глубокой осени. Тогда ее режут и в свежем виде отправляют на верблюдах в Оренбург. Остальные породы рыб здесь в

полном пренебрежении. Только туземцы ловят еще сазанов, но и то исключительно для собственного употребления. Между тем сазанов здесь так много, что ими можно было бы прокормить все население Туркестана. Чтобы показать мне, как велико обилие рыбы, мой хозяин велел забросить в воду небольшой ручной бредешок. Не прошло и часа, как в нашей лодке лежало более сотни сазанов в пол-аршина длиной.

Тем же бредешком вытащили пару лопатоносов. Это — рыба в высшей степени интересная в научном отношении. Она относится к семейству осетровых, но представляет много особенностей. По величине лопатонос не больше стерляди средних размеров; вдоль тела, как у стерляди, тянутся пять рядов костяных бляшек. Зато нос его не имеет ничего общего со стерляжьим: широкий закругленный, похожий на заступ, нос этот вооружен сверху несколькими крючками, назначение которых никому неизвестно. Еще более странный вид имеет хвост этой замечательной рыбы. Верхняя лопасть его переходит в длинную тонкую нить. Интересно географическое распространение лопатоноса. В настоящее время известны только четыре породы этой рыбы; из них одна водится в Сыр-Дарье, две — в Аму-Дарье, и одна не ближе дальше, как в Америке, в реке Миссисипи. Нигде больше лопатонос не встречается. Это удивительное распространение объясняется причинами, можно сказать, историческими. В пластах очень древних эпох найдены остатки рыб, близких к лопатоносу. Надо думать, поэтому, что и сами лопатоносы представляют из себя рыб древнего происхождения. Это — животные далекого прошлого, прежних геологических эпох, уцелевшие до наших дней. В свое время они водились, вероятно, на всем пространстве Азии и Америки. С течением времени лопатоносы стали вымирать, вымерли почти всюду, за исключением Миссисипи и рек Аральского бассейна. Почему они уцелели только в этих реках и нигде больше, на этот вопрос мы не можем ответить. Надо полагать, что именно здесь они нашли наиболее благоприятные условия для своего существования; но в чем заключаются эти условия, никто не знает.

Отсюда мне надо было ехать в хивинский город Кунград, до которого от кукских промыслов считают около 40 верст. Один из временных жителей Кука снабдил меня лошастью и тележкой, а в качестве кучера и проводника послал своего 14-ти-летнего сына Васяньку. Васянька был бойкий мальчишка, но дорогу знал плохо. На первых же пяти верстах он сбился с пути, и, чтобы поправить ошибку, поехал пашней с неснятым еще кун-

жутом. Прибежал владелец пашни и задал моему кучеру здоровый нагоняй, но этот урок нисколько не прибавил у Васяньки опытности. Проехав еще несколько верст, он опять сбился с дороги и так продолжалось до позднего

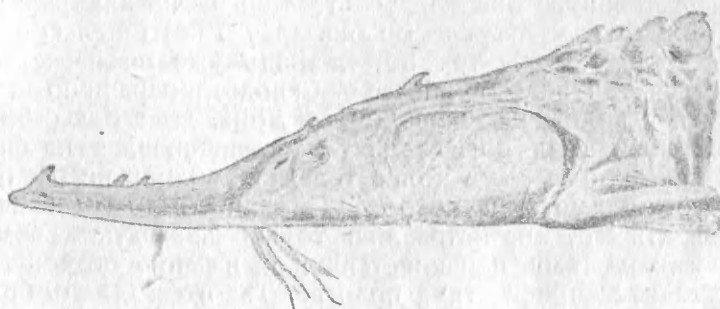

Вымирающая рыба лопатонос: голова и туловище сверху,
в $1\frac{1}{2}$ естеств. величины.

(*Scaphirhynchus Kaufmanni* M. Bogd).

Хвост лопатоноса сверху, в $1\frac{1}{2}$ естеств. величины.

Голова лопатоноса сбоку, в естественную величину.

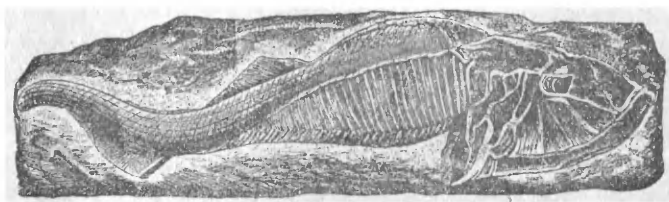
Хвост лопатоноса сбоку.

вечера, когда вдали показались высокие минареты Кунграда. Но тут-то, в конце пути, злой рок и приготовил для нас самую главную ловушку. Это был широкий и глубокий арык, чрез который нам надо было переправиться. Васянька с храбростью, свойственной его возрасту, въехал в эту канаву; но на середине ее лошадь

увязла в вязком дне и, несмотря на всевозможные ощущения, ни за что не хотела выбраться оттуда. Она металась из стороны в сторону, билась, попыталась было лягнуть, но из этого ничего не вышло; наконец, она легла на бок. Васяньке пришлось лезть в воду, чтобы распрячь лошадь, а тележка, сколько мы ни старались вытащить ее, так и осталась завязшей передними колесами в грязи. Тем временем стемнело, появились тучи комаров. Кое-как приладили мы полог, прикрепив одну сторону к задним колесам, остававшимся на сухом месте, а другую к жиденькому кусту. Затем, напившись вместо чаю воды с клоквенным экстрактом, мы завалились спать. Но злой рок, вероятно, рассудил, что не стоило ему и хлопотать для того только, чтобы мы выпалились, и стал действовать снова. Началось с того, что лошадь, привязанная к тем же задним колесам, стала метаться; очевидно, комары слишком старательно занимались своим делом. Полог дрожал, наконец, оторвался от куста и покрыл нас с Васянькой. Пришлось вылезать и поправлять беду. Ну, думаем себе теперь крепко, не упадет. Только мы успокоились, как лошадь сообразила, что сколько ни мечись и ни мотай головой, от комаров не избавишься. Давай-ка, я поваляюсь — решила она — и действительно начала валяться. Должно быть, этот способ оказался много целесообразнее, потому что с тех пор лошадь уже не переставала валяться почти до белой зари. Сквозь прозрачную стенку полога я видел, как наш добрый конь, лежа бок-о-бок со мной, вскидывал ноги кверху и поварачивался на спину. Так как, кроме двух колес тележки, вблизи не было никакого предмета, к которому можно было бы надежно привязать его, мне оставалось только заниматься размышлениями на тему, перекинется ли он на мою сторону, или постеснится присутствия полога. Такого рода соображения, конечно, не могли оказать на меня снотворного действия. К тому же, вся история происходила на сыпучем песке; лошадь подняла страшную пыль; сквозь редкую кисею пыль проникла и в полог, набилась нам в глаза, нос и рот; Васянька начал чихать, я стал кашлять, а лошадь продолжала валяться. Так дело тянулось до глубокой ночи, когда комары, испугавшись наступившей прохлады, улетели по своим домам. Навалившийся вдосталь конь встал, и мы под слоем песка начали было дремать. Но, видно, не суждено было нам спать в эту ночь. Скоро мы вскочили и слышим: лошадь неистово бьется, а где-то близко около нас, может быть, шагах во ста, раздается адский концерт. Га...га...га...и...и...и... га...га... доносилось до нас. Звуки переливались, то замирали, то снова раздавались с удвоенной силой, словно толпа трусливых

дикарей пыталась напугать нас криком, по временам прислушивалась, каков эффект, и снова принималась кричать. Это были шакалы, судя по вою, огромной стаей собравшиеся близ нашего полога. Не могу решить, чего хотели от нас эти трусливые обжоры; если их послал злой рок, чтобы не дать нам спать, он достиг своей цели. Долго услаждали они наш слух своим пением, наконец, это нам надоело, я выстрелил из револьвера, и певцы мгновенно замолкли. Воображаю, как они удирали! Тем временем стало светать. Как только окончательно рассвело, и на пашнях появились люди, Васянька сбегал туда и привел каракалпака, с помощью которого мы вытащили тележку из арыка.

Кунград — типичный среднеазиатский город. Настоящих домов в европейском смысле слова в нем нет. Вместо них, низенькие глиняные мазанки с плоскими крышами, с навесами, обращенными на улицу, и с дверью, проделан-

Ископаемая рыба девонской эпохи „цефаласпис“, похожая на
лопатоноса.

(*Cephelaspis Lyelli*).

ной под навесом. Наружные стены совершенно без окон, да и на двор, как говорят, выходят не окна, а просто четырехугольные дыры, в холодную погоду прикрываемые доской или тряпкой. Улицы кривые и узкие, так что в случае, если встретятся две арбы, одну необходимо оставить и на руках оттащить к самой стене, иначе они не разъедутся. Местами с одной стороны улицы на другую поверх крыш положены жерди, а на них набросаны ветви, камыш и всякий мусор. Всюду грязь и вонь... Вот какова физиономия Кунграда. Совершенно тот же облик имеют и все другие хивинские города, не исключая, как говорят, и столицы ханства. Как все азиаты, кунградские жители ведут уличную жизнь; в особенности большое оживление царит на базаре. Здесь по обе стороны довольно длинной крытой улицы тянется сплошной ряд лавок. Вот мясная лавка с бараньими тушами, с лошадиными окороками, висящими под навесом, и с тучами мух, носящихся над мясом. Рядом, среди обрезков кожи, хивинец точает

азиатские калоши. Напротив, через улицу лежат груды арбузов, дынь, луку и другой зелени; тут же в одном доме примостился мастер, деревянным штампом набивающий аляповатые узоры на бумажной ткани. Немного дальше вы встретите завод кунжутного масла, такую же мазанку, как и все; сквозь растворенные двери ее виден верблюд, вращающий пест в большой деревянной ступе. Рядом продают кирпичный чай, чуреки, т. е., пресные лепешки, рис, какие-то сухие корешки и травы, развешанные гирляндами, какие-то снадобья в виде порошков; там опять арбузы или ресторан с дымящимися котлами и с запахом горелого сала. Картину дополняет пестрая толпа

Крытая улица в Кунграде.

суесящихся около лавок людей. Тут и хивинцы в полосатых халатах, и каракалпаки; вон чернеет огромная яйцевидная папаха туркмена, а вот и киргизы с красными платками на бритых головах; в толпу замешался один казак из сотни, стоящей в Кунграде... Все это спорит, приценивается, кричит; где-то скрипит верблюд, пищит козленок, и весь этот содом покрывает оглушительный звон котельщиков, нещадно бьющих молотом по медной посуде. В Кунграде меня приютил агент российского общества транспортирования кладей. Как специалист по части путей сообщения в здешней местности, он помог мне снарядиться в дальнейшую дорогу.

III.

Усть-Урт.

Отъезд из Кунграда. — Путешествие в корзинке. — Подъем на Усть-Урт. — Вид на Аральское море. — История Кривохижина. — Рыболовство на Арале. — Мертвая степь. — Животные степи: жаворонок, грифы, сайга. — Степная полынь. — Выносливость наших верблюдов. — Распределение нашего дня. — Степные ночи. — Встреча с киргизами. — Темирское укрепление.

Наставало время подумать о возвращении домой в Петербург. Спрашивается, как надо ехать, чтобы по пути завернуть в Астрахань? По карте этот вопрос решается очень просто. От Кунграда перевалить через степь, разделяющую Арал от Каспия, на Каспийском море сесть на судно — и прямо в Астрахань. Первоначально я предполагал вернуться домой именно этим путем. Мне было известно, что от Кунграда до залива Яман-Айракты на Каспийском море можно прекрасно пройти на верблюдах. Этой дорогой, только в обратном направлении, генерал Черняев проехал даже в коляске, конечно, с запасом фуража для лошадей; сюда же направляли в то время партии новобранцев, идущих в Аму-Дарьинский отдел. Правда, мне было известно и то, что на пустынном заливе Яман-Айракты я рисковал засесть на неопределенно долгое время, так как ни пароходы, ни другие торговые суда туда не заходят. Но я имел маленькую надежду на гурьевских и астраханских ловцов, промысляющих там рыбу; они могли бы доставить меня в Гурьев, или прямо в Астрахань. Отчего бы не попытать счастья? В случае, если бы их там не оказалось, я мог бы заставить своего возчика везти меня дальше до форта Александровского на Мангышлаке, откуда уже ходят пассажирские пароходы. Все бы, повидимому, хорошо, да на беду в то время так называемый черняевский путь от Кунграда на Яман-Айракты был уже заброшен, и в Кунграде не нашлось ни одного возчика, который знал бы эту дорогу и взялся бы везти по ней. Мой хозяин созвал всех известных ему

караванбашей — так называются лица, занимающиеся поставкой верблюдов и проводников, — но ни один из них не нашел возчика, желающего везти на Каспийское море. Зато ничего не было легче, как нанять верблюдов на путь от Кунграда прямо на север мимо Аральского моря чрез верховья р. Эмбы по направлению к Оренбургу. На верблюдах здесь приходится идти верст 700 до Темирского укрепления, иначе называемого Каракамыш; отсюда до Оренбурга можно ехать уже на почтовых. Правда, сравнительно с черняевским путем, по этой дороге надо сделать без малого две тысячи верст лишних. Все же это было лучше, нежели возвращаться назад в Петро-Александровск, а оттуда в Казалинск; во-первых, верст на 800 ближе; а во-вторых, какой интерес тащиться знакомыми местами, да еще по кизыл-кумской песочнице?

Стало быть, чрез Темирское укрепление на Оренбург! Я охотно отметил бы предстоящий мне маршрут названиями промежуточных пунктов, да никаких других пунктов по дороге не существует. На подробных картах, впрочем, вся степь на север от Арала испещрена тюркскими названиями, но это или колодцы, по большей части иссякшие, или просто „урочища“, т.-е., участки степи, в пределах которых кочуют определенные киргизские роды. На старых картах изображены здесь даже озера; но от них не осталось и луж: все высохло, и только после таяния снегов — на месяц, или на два — на их месте скопляется немного вешней воды. Даже Эмба в своих верховьях иссякает в конце лета. К этому надо прибавить, что от Эмбенского укрепления также не осталось и следа: оно давным-давно упразднено.

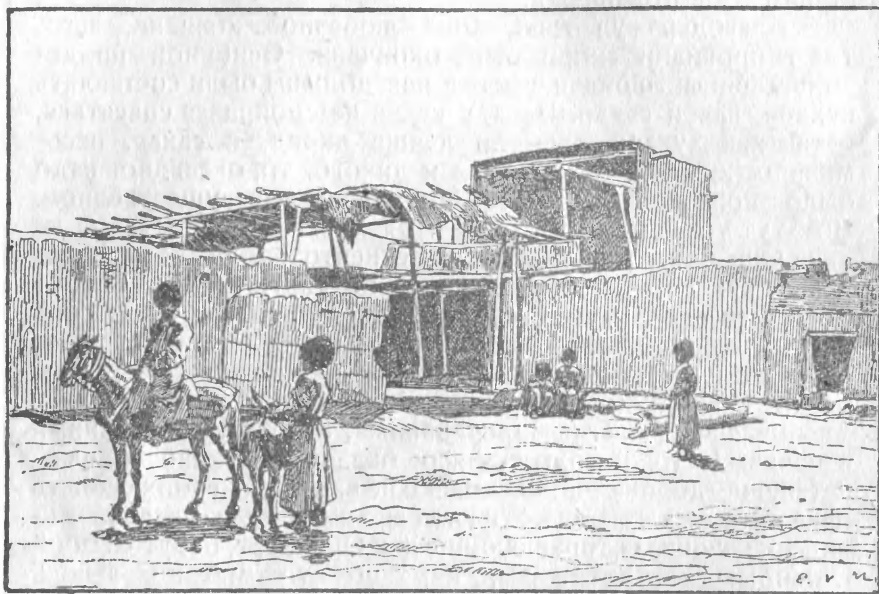
Итак, мне предстояло то же удовольствие путешествия по пустыне, какое привелось испытать в Кизыл-Кумах, с тою только разницей, что на этот раз не могло быть и речи о телеге, так как в некоторых местах дорога имеет вид выючных тропинок с крутым подъемом и спуском. Нечего было думать и о верховых лошадях, потому что на пути нет для них подножного корма. Только одни верблюды, оправдывая свою славу „кораблей пустыни“, могут довольствоваться той чахлой полынью, какая растет на протяжении 10—15 дней караванной дороги. Если Кизыл Кумы в летнее время почти безлюдны, то степь между Аралом и верховьями Эмбы в ту же пору абсолютно пуста: кроме изредка проходящих караванов, здесь, на расстоянии нескольких сот верст, не попадается ни единой живой души. В конце лета, когда высыхают хаки или степные лужи, путешественник по трое суток не встречает ни капли воды. Словом, географ, описывая эту местность, с полным правом может сказать,

что там ничего нет, и этого будет достаточно, чтобы дать довольно полное представление о ней. Нет ни людей, ни животных, ни травы, ни воды и, если хотите, нет даже настоящей земли: одно небо, да голая, растрескавшаяся на солнце глина. Этим-то живописным пейзажем мне предстояло любоваться с высоты верблюжьего горба не менее двух недель, в сообществе одного проводника киргиза. Жутко!— скажете вы. Великолепно!— подумал я, слезая с верблюда в Темирском укреплении... Однако, не станем забегать вперед.

Благодаря участию моей любезной хозяйки, заготовка провизии скоро была окончена. Основной продовольственный фонд и в этот раз должны были составлять сухари, чай и сахар. Но так как я не собирался спасаться, и так как сухари едва ли лучше акрид, а сахар, несомненно, хуже меда, хотя бы и дикого, то, очевидно, надо было позаботиться о чем-нибудь более существенном. Вот тут-то меня и выручила моя хозяйка.

Она приготовила мне тоже нечто вроде пеммикана, даже двух сортов, но только не по киргизскому способу (опасайтесь его!), а по своему собственному. Один сорт готовится так: куски сырого мяса без жира опускают на несколько секунд в крепкий кипящий рассол, затем сушат их в духовой печке. Другой сорт представляет мясной фарш, слегка поджаренный, а потом высушенный в печке. И то и другое мясо оказалось превосходным: в течение дороги оно несколько не изменило своих свойств и на вкус мало чем отличалось от свежего мяса. Хивинские купцы, отправляющиеся в Оренбург, берут с собой в особых клетках живых кур; но это мне показалось слишком большой роскошью для путешествия в пустыне. Деревянную флягу для воды я оставил в Петро-Александровске. По этой части я имел в виду следующую комбинацию: у меня была большая полутораведерная банка со спиртом, заделанная в толстый деревянный ящик; это та самая банка, куда, по договору с Дарьей Сидоровной, я обязан был сажать ящериц, змей и других „гнусов“; там же лежали у меня аму-дарьинские рыбы. Все эти драгоценности я запалял в особую жестянку, а банку, в виду ее несомненных достоинств, а в особенности в виду ее стеклянной притертой пробки, я произвел в звание сосуда для воды. Лично для меня со всем багажом достаточно было одного верблюда, другой нужен был для проводника с его пожитками, а третьего я взял про запас, на случай, если бы одному из первых вздумалось покончить свое существование в дороге. Чтобы не сидеть верхом, я приобрел для себя особую корзинку с навесом, сделанную из дощечек и ивовых прутьев. В ней можно сидеть, протя-

нув ноги вперед; если же согнуться в три погибели, то можно и лежать. Такая корзинка, напоминающая по форме кузов крытых детских колясок, подвешивается сбоку верблюда; с другой стороны горба она уравнивается кладью. Необходимо, чтобы с обеих сторон верблюда груз имел, хотя бы приблизительно, одинаковый вес: иначе одна сторона станет перетягивать, и весь выюк может свалиться. Весь мой багаж вместе с банкой для воды был связан в один тук, который своей 4-пудовой тя-

В хивинской деревне.

жестью почти как раз соответствовал весу корзинки вместе с ружьем и со мною.

Снарядившись таким образом, мы, наконец, выступили в поход вместе с проводником киргизом, молодым парнем Ахметом. Это было 12 июля. Проходя по базару, я захватил с собой десяток дынь, для которых здесь же купил большой очень толстый шерстяной мешок местной работы. Правда, дыни от тряски испортились уже на втором переходе, но мешок сослужил мне впоследствии тройную службу. Хозяин проводил нас до окраины города. Дальше мы поплелись вдвоем с Ахметом.

Если кого укачивает в море, то же самое будет с ним и на верблюде, в особенности, если он едет в корзинке; другими словами. путешественник, подверженный морской болезни, будет испытывать все ее последствия среди пу-

стыни, где на сотни верст нет ни капли воды. На меня почти не действует качка в море, но здесь первое время начинало мутить, и даже довольно ощутительно. Сначала разбирало также большое сомнение насчет устойчивости вьюка моего верблюда. Вдруг все это полетит на землю! — думалось мне. Хорошо еще, если багаж перетянет; а что, если я окажусь внизу, и с высоты горба на меня обрушится 4-пудовый тюк, этот ящик с острыми ребрами, окованными железом... Ну, будет история! — думаю себе. Однако, все эти страхи скоро миновали, да и тошнота прошла, так что уже на третьем переходе я чувствовал себя, как будто родился киргизом. Медленно и методически, с правильностью метронома, шагали верблюды; с тою же правильностью качалась моя люлька. Впереди ехал Ахмет, за ним шел мой верблюд, сзади всех плелся запасный, и все мы были связаны друг с другом. В своей корзинке я изображал собою не больше, как кладь, которую Ахмет взялся доставить в Каракамыш. Я мог только выражать свои желания, и это было единственное мое отличие от неодушевленного предмета. Самостоятельно я не мог ни остановить своего верблюда, так как он был привязан к переднему, ни тем более слезть с него, так как для этого надо было остановить и положить его. Сквозь овальное отверстие навеса я вижу ку-сочек степи, переднюю ногу верблюда, его шею и от времени до времени вижу, как из-за кузова корзинки выставляется мозолистая лапа задней. Сквозь дырочки, которые я проделал по бокам крышки, слева мне представляется вид на степь, а справа столь же живописный вид на верблюжьи горбы, одетые грязной кошмой. Сначала меня сильно донимал запасный верблюд. Это было тощее животное, с кожей, покрытой какими-то болезненными чесоточными наростами. Всю дорогу он думал только о том, как бы почесаться, а так как в степи, кроме других наших верблюдов, ничего подходящего для этой цели не было, то при малейшей остановке, или даже на ходу, он норовил подобраться к моей корзинке и всякий раз начинал тереть об ее край свою корявую спину. Корзинка трещала и, что хуже всего, под напором горба поднималась кверху, а вьюк опускался вниз; одним словом, грозило сальто-мортале, которого я так боялся сначала. Шомполом от ружья я прогонял несносную животину; но как ни в чем не бывало, верблюд переходил на другую сторону и начинал чесаться о вьюк. Еще того хуже! Тогда я опускался вниз, а тюк собирался обрушиться на меня своей 4-пудовой тяжестью. Пришлось перевести этого любителя чесаться в середину, а меня в хвост каравана, но на остановках продолжалась та же история, и,

вообще, этот возмутительный верблюд причинил нам много хлопот, а пользы от него не было ни на грош, так как всю дорогу он только и делал, что чесался.

Первый день мы шли по дну высохшего Айбугирского залива. Еще не очень давно он изображался на картах настоящим заливом, вдающимся вглубь степи от южного конца Аральского моря. Теперь он высох совсем, так что там, где еще недавно жили морские ракушки и плавали рыбы, теперь растет колючка и бегают фазаны. Вообще, как известно, Аральское море сохнет, что называется, не по дням, а по часам. Если бы не Аму- и Сыр-Дарья, по его дну давно бы ходили верблюды. Впрочем в последнее время было замечено, что уровень его стал опять повышаться.

В конце второго дня пути по крутой узкой тропинке мы поднялись на ровное, как пол, плато Усть-Урт, отделяющее Арал от Каспия, откуда перед нами открылся вид на море. Ну, уж и вид! ну, уж и море! Это та же пустыня, как степи вокруг него, только пустыня водная. Когда мы взошли на Усть-Урт, было тихо. Как зеленое стекло, блестела гладкая поверхность Арала. На море ни паруса, ни чайки, никакой другой птицы. Всюду пусто, мертво и тихо. Такая же мертвая однообразная пустыня подходит к берегам Арала. Насколько хватает глаз, вдоль берега тянется крутой обрыв Усть-Урта, серый, мрачный и мертвый. Нигде ни кустика, ни зеленой травы, ни ручья; не слышно щебетания птиц, не стрекочут кузнечики. Словом, как на море, так и на берегу нет ничего. Там одна вода, здесь голая глина. Суда Аральской военной флотилии, вероятно, были первыми судами, которые стали бороздить поверхность открытого моря, а команда их была первыми людьми, которых видели антилопы и лисы, живущие на необитаемом острове „Николае“. Как этот остров, так и некоторые другие были открыты и названы нашими моряками. Поэтому на карте Арала среди тюркских имен, вроде Барса-Кельмес, Куг-Арал и других, встречаются и русские: остров Лазарева, залив Чернышева и проч. С тех пор, как флотилию упразднили, а пароходы и баржи ее вытащили на берег в Казалинске, море снова опустело.

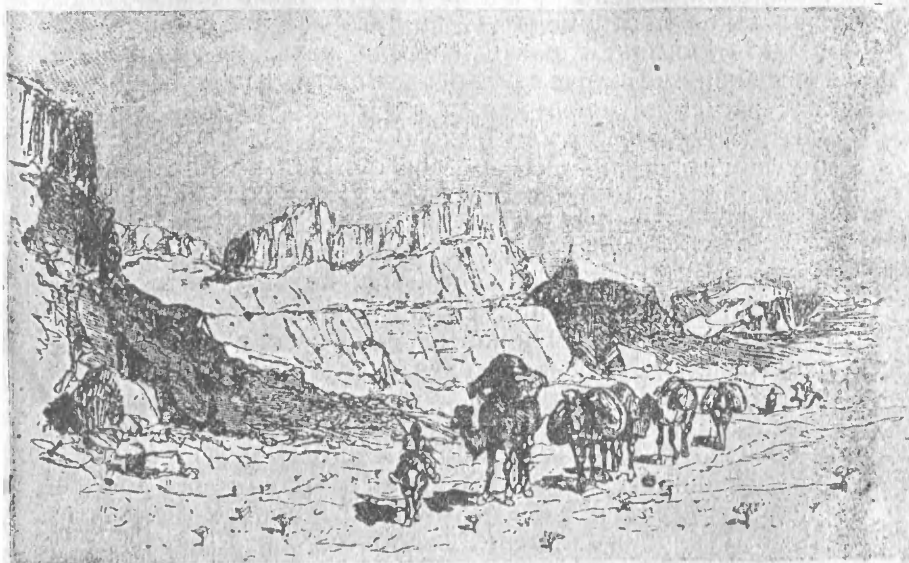
В 1876 г. фирма бр. Ванюшиных снарядила было на Арале два морских судна с целью рыболовства, но дело скоро лопнуло, и суда были разобраны на дрова.

Немного позже пытался плавать по морю казалинский житель Кривохижин. Но его затея кончилась настоящей робинзонадой, только с трагическим концом. Эга история стоит того, чтобы рассказать ее.

Кривохижин построил морское судно по типу каспийских кусовых, с тем, чтобы доставлять пшеницу¹⁾ и другие произведения Хивинского оазиса с низовьев Аму в Казалинск. В один несчастный день с командой из 5 человек он отправился в Кунград за хлебом. Тот год оказался в Хиве неурожайным, пшеница была дорога, и Кривохижин, чтобы не возвращаться без всякого товара, пошел на необитаемый остров „Николай“ за саксаулом, который продается в Казалинске на дрова по 10 коп. за пуд. В небольшой бухточке острова кусовая села на мель и притом так крепко, что все усилия стащить ее оказались напрасными. Нимало не медля все участники плавания перебрались на берег, перетащили туда все, что было нужно и можно, построили шалаш и стали жить. Вскоре вышла вся провизия. По русской беспечности Кривохижин не захватил с собой ни ружья, ни удочек, никаких других орудий, которыми можно было бы промыслить пищу. Поэтому нашим робинзонам оставалось только поглядывать на антилоп, из любопытства подходивших к их лагерю, и на рыб, плескавшихся около берега. Так как поверхность острова представляет клочек той же пустыни, какая на необозримое протяжение тянется по берегам моря, не могло быть и речи о применении изобретательности по образцу Робинзона. Глина, песок и саксул мало могли принести пользы в данном случае. Хорошо еще, что на „Николае“ нашлась пресная вода: могло и не быть ее. К счастью, в команде Кривохижина было двое киргиз. Они-то и выручили экспедицию. Хорошо зная пустыню и ее растительность, они вспомнили об одном степном растении, чочимулдуке¹⁾, у которого на корнях находится по одному клубню, вполне съедобному и напоминающему по вкусу картофель. Этими-то клубнями и стали питаться Кривохижин и его рабочие, когда был съеден последний сухарь. Такое существование, конечно, не могло быть продолжительным. Приходилось искать радикальное средство спасения, потому что не было ни малейшей надежды на помощь со стороны. Флотилию в то время уже упразднили, и на Арале, кроме той самой кусовой, которая сослужила такую скверную службу, не было ни одного судна. Поэтому Кривохижин решился на отчаянную попытку: он задумал плыть к берегу моря ни больше ни меньше, как на душегубке, бывшей при судне. Лодчонку покрыли сверху брезентом и, приколотив края его к бортам, устроили нечто вроде палубы. На носу против скамейки для гребца и на корме в брезенте прорезали по отверстию такой ширины, чтобы туда мог пролезть чело-

¹⁾ *Megacarpaea lacin'ata*.

век. Затем, когда в душегубку был положен запас чочимулдука, боченок воды и компас, стали усаживаться люди. Двое киргиз залезли под брезент, русский рабочий сел в весла, а Кривохижин на руль, при чем тот и другой привязали веревкой к поясу края отверстия в брезенте. В таком виде мореплаватели тронулись в опасный путь, придерживаясь курса на восток. Остальные двое рабочих, оба русские, не рискнули присоединиться к своим товарищам и решили остаться на острове. Впрочем, все равно кому-нибудь надо было обречь себя на это, так как в

Усть - Урт.

лодке было слишком тесно. Семь дней носились по морю. Уже в начале пути задул сильный ветер, волны перекатывались поверх лодки, и, если бы не импровизированная палуба, первый такой вал залил бы маленькую душегубку: руль все-таки был смыв. В довершение несчастья, не хватило чочимулдука; он был съеден до последнего клубня; вода также была выпита. Как раз в то время, когда смерть от жажды была уже не за горами, выпал легкий дождь. Путешественники принялись сосать намокшее платье и брезент. Наконец, на седьмые сутки они пристали к берегу где-то между Аму и Сыр-Дарьей. Но спасение было еще далеко. Пройдя широкую полосу густых камышей, они вышли в песчаную пустыню Кызыл-Кумы. Долго та-

зились они по сыпучему песку. Кривохижин первый выбился из сил; изнуренный голодом и жаждой, он упал. Остальные пошли дальше и вскоре заметили вдали голову барана, торчавшую из-за верхушки холма. Там оказалась одинокая семья киргиз, приютившаяся у колодца. Наскоро утолив голод и жажду, рабочие Кривохижина захватили верблюда и отправились отыскивать своего хозяина. К их радости, он был еще жив. Ему дали немного воды, молока, затем доставили в киргизскую юрту, где он скоро поправился. Отсюда при содействии киргиз, или, вернее, их верблюдов, уже не трудно было добраться до Казалинска. Чудом избавившийся от смерти Кривохижин считал своим священным долгом употребить все усилия, чтобы спасти двух своих рабочих, оставшихся на острове.

Немедленно по прибытии в Казалинск, он телеграфировал в Петербург Обществу спасения на водах. Но что могло сделать Общество в этом случае? Оно, конечно, ответило, что совершенно бессильно помочь горю. Кривохижин, однако, не потерялся. Так поспешно, как только было возможно, он стал строить новую кусовую. В конце осени он окончил постройку, забрал в избытке провизии и с большой командой поплыл на выручку. Еще когда судно шло Сыр-Дарьей, по реке плавали льдины. Кое-как все таки Кривохижин выбрался в открытое море. Но скоро кусовую затерло льдом уже недалеко от „Николая“, именно, у острова Барса-Кельмес, где и пришлось зимовать. Ранней весной, как только позволили льды, мореплаватели пошли дальше и на другой день бросили якорь у острова „Николая“. Но уже было поздно. На берегу бухты они увидели такую картину: все так же накрепившись на бок, стояла на мели кусовая; на земле, близ моря лежал высохший труп одного из несчастных; недалеко от него на небольшом возвышении стоял саксауловый крест; под ним, очевидно, был похоронен второй рабочий. Около трупа лежала палка, на которой зарубками отмечались прожитые дни. Шесть месяцев насчитал Кривохижин на этой палке. Последняя зарубка была сделана за 40 дней до прибытия запоздавшего спасения. Кривохижин похоронил несчастного подле его товарища, затем снял с мели кусовую и с двумя судами вернулся в Казалинск. С тех пор у него пропала всякая охота плавать по Аралу.

В устье Сыр-Дарьи я видел его злосчастную кусовую; она уже была вытащена на берег. Ее ободранный вид, уныло отвисшие ванты производят удручающее впечатление. Впрочем, такому впечатлению, вероятно, больше всего способствует сознание, что это та самая кусовая, которая предала доверившихся ей людей.

Такова эта печальная история. Трагический исход ее, конечно, не больше как несчастная случайность, которая, надо думать, не остановит других попыток.

Аральское море еще может ждать более светлой будущности. Несмотря на свой пустынный вид, оно очень богато рыбой. Правда, из осетровых здесь водится один только шип, нечто среднее между осетром и стерлядью; но частиковая рыба живет в Арале, как в садке. Сазан, усач, лещ, судак, шемая и другие наши обыкновенные породы водятся здесь в несметном числе. В настоящее время ¹⁾ промысел сосредоточивается в устьях Аму и Сыр-Дарьи, откуда рыба вывозится, главным образом, в Оренбург. При первобытных путях сообщения, доставка ее на верблюдах обходится слишком дорого. Поэтому теперь перевозятся только наиболее ценные продукты, именно: шип, его икра, клей и вязига, а также шемая. Все остальные рыбы ловятся почти исключительно для местного потребления в количестве очень незначительном. Можно ожидать, что в недалеком будущем это нетронутое рыбное богатство найдет прекрасный сбыт среди увеличивающегося с каждым годом населения южного Туркестана и Закаспии области.

Берегом Арала мы шли не более часу. Забрав воды из колодца в уступе обрыва Усть-Урта, мы направились в глубь степи. Потянулись дни за днями; началась однообразная дорога; завтра, как сегодня; после-завтра, как завтра; все та же ровная, как пол, глинистая степь, широкая, как море, и голая, как ладонь. Ни малейший бугорок, ни один кустик не разнообразят этого унылого пейзажа. Степь впереди, степь сзади и, куда ни взглянете, до самого горизонта все степь и степь, покрытая синим куполом безоблачного неба.

Изредка из-под ног верблюда выпорхнет грязно-желтый, как глина, крошечный жаворонок, зачем-то поселившийся здесь. Один раз вдали, как тени, промелькнули три антилопы сайги и, как бы растаяв, скоро исчезли в пустыне. Где-то по середине дороги мы встретили стаю грифов, сидящих около растерзанного трупавпавшего верблюда. Вот и все обитатели этой страны глины, которых мы видели в течение девяти дней пути. Здесь только становится понятным, что значит „корабли пустыни“. Действительно, надо только удивляться, как могут верблюд», при всей их неприхотливости, поддерживать свое существование в здешней степи.

Правда, присмотревшись к ее поверхности, не трудно убедиться, что она не так уж гола, как кажется с первого

¹⁾ Автор был в Туркестане в 1885 г.

взгляда: на ней все-таки есть растительность. Но что это за растительность! Кое-где торчат былинки выжженной солнцем полыни, высотой около 13—18 сантиметров. Они такого же грязного цвета, как сама глина; поэтому они и незаметны при поверхностном взгляде. К тому же, нельзя сказать, чтобы былинки эти слишком жались друг к другу. Местами одна от другой растет не ближе, как на метр, а в промежутках чистейшая глина.

Вот этим-то призраком травы и питается верблюд. Сколько надо ему отдельных травинок, сколько щипков должен он сделать, сколько верст нужно пройти ему по степи, чтобы набить свой трехэтажный желудок! Между тем и на этом подобии корма, без воды в течение 4, даже 6 суток, верблюд идет, да еще как идет! Мы выступали обыкновенно вскоре после полуночи. Начнется рассвет, я уж выпался в своей корзинке; а верблюды все еще идут. Опять засну, снова проснусь, уже солнце начинает печь, а верблюды все идут да идут. Незадолго до полудня мы останавливались часа на два варить обед, а затем снова шли до самого вечера. 14 часов в сутки изо дня в день две недели шагали наши верблюды; на остановках, хотя и без выюка, они все-таки бродили по степи, отыскивая призраки пищи. Едва-ли они отдыхали более двух-трех часов в сутки. Так работали наши „корабли пустыни“. Что же делали мы сами? А вот что.

Ахмет, в качестве специалиста по пустынным делам, был в некотором роде начальником движения. Он назначал место остановок, время выступления и проч., так как он один знал положение колодцев, знал дорогу, или, вернее, чутьем угадывал, куда надо идти; местами не было никакого подобия тропинки. Чем руководствовался в этих случаях Ахмет, не представляю себе. Ночью, должно быть, звездами, или ветром, с вечера до утра дующим здесь в одном направлении; а днем, вероятно, солнце показывало ему дорогу, а, может быть, жаворонки, или полынь, или вон тот уголок отставшей от земли глиняной плитки, как знать?

Киргизы, как истые дети пустыни, знают ее как собственную нагайку. Там, где для постороннего природа пустыни молчит, киргиз ясно слышит ее голос. Мог ли я после этого вмешиваться в распределение времени в дороге? Положим, я хочу ехать, а Ахмет заявляет, что в этом месте надо идти только в то время, когда солнце будет на три нагайки от земли, или когда Джитты-карабчи¹⁾, Большая Медведица, своим хвостом подойдет

¹⁾ *Джитты-карабчи* в переводе значит семь воров. Эти семь воров, по представлению киргиз, бегают вокруг железного кола (Темир-кызы) или полярной звезды.

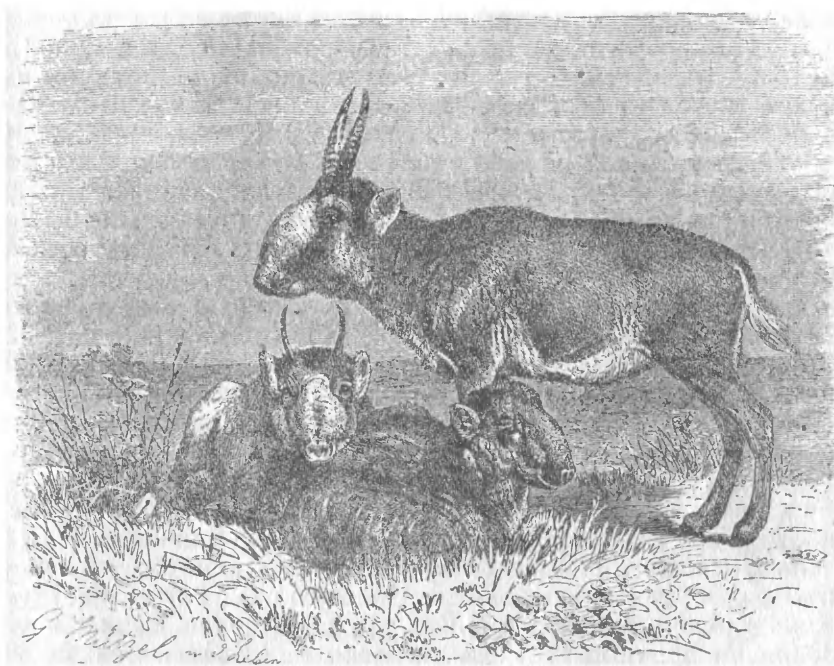
к земле на высоту трех верблюдов. На вопрос — почему? он может ответить, что в таком только случае на ночевку придем как раз к колодцу, или на остановке корм будет лучше. Глядишь, так оно и выходит! Словом, Ахмету и книги в руки.

Обыкновенно еще задолго до рассвета, иногда ровно в полночь он подходил к моей корзинке и со словами „тамыр¹⁾, айда!“, дергал меня за ногу. Это означало, что „тамыр“ должен был вставать и итти выючить верблюдов. „Тамыр“ вдвоем с Ахметом поднимал на горб сидящего верблюда 4-пудовый тюк, затем подставлял под него свою спину, а Ахмет переходил на другую сторону верблюда связывать с выюком корзинку. Покряхтев, сколько надо было для связывания, „тамыр“ получал, наконец, отпущение грехов, затем залезал в свое висячее логово, Ахмет на свое, верблюды, колыхнувшись три раза, вставали, и караван выступал в путь... Скрючившись в три погибели, укачиваемый в своей люльке, я обыкновенно засыпал. Сквозь сон я думал об Ахмете: каково-то ему бедному сидеть верхом на горбе, когда так хочется спать? Однако, проснувшись как-то на рассвете, я совершенно успокоился на этот счет, увидев, что и Ахмет не дает маху. Со свесившимися вниз головой, руками и ногами, обняв ими кошемную площадку на горбах, лежа спиной кверху он спал, и спал так крепко, что не слышал, как запасный верблюд рысцой поравнялся с ним и, сгорая желанием почесаться, пнул боком его сиденье. Тогда и я свернулся зигзагом и тоже заснул, только одни верблюды продолжали бодрствовать и шли себе да шли по пробитой тропинке.

Во время остановок приходил мой черед обнаруживать свои таланты. Из всех наших общих дел единственное, не выходившее из пределов моего понимания занятие было кулинарное дело, но зато во всем его объеме, начиная с добывания топлива. Пока Ахмет возился с верблюдами, удовлетворяя их справедливые требования, я забирал шерстяной мешок, взятый первоначально для дынь, и отправлялся собирать верблюжий кизек. Дело это было простое, в особенности, если мы стояли у колодца, где каждый караван оставляет по себе следы. Гораздо труднее набрать здесь сухих полынных былинки для растопки, а еще труднее разжечь кизек. Так как погода была по большей части тихая, приходилось раздувать костер, и я дул, дул до тех пор, пока глаза не начинали обнаруживать несомненного желания выскочить на лоб. Тогда приходил Ахмет и тоже дул и до тех же

¹⁾ Тамыр — парень или господин.

самых пор. При таком усердии кизек, конечно, разгорался, и я начинал варить нечто вроде каши из риса и сухого мясного фарша. Когда это блюдо моего собственного изобретения оказывалось готовым, мы постилали, вместо ковра, все тот же шерстяной мешок и начинали есть. Ели мы с одинаковой готовностью уничтожить свою порцию до тла. Затем принимались за чай. Вот по этому пункту наши взгляды с Ахметом расходились. Я, как это и сле-

Сайга.
(*Antilope saiga* Pall.).

дует, относился к чаю, как к напитку; поэтому пил его с клюквенным экстрактом; выходило освежительно, да и соленый вкус колодезной воды скрадывался. Ахмет же видел в чае род похлебки; поэтому норовил, чем только возможно, сдабривать его. Для этой цели он вез с собой небольшой кожаный турсучек с жидким бараньим салом. В чай же он клал сухари, и, если была под руками соль, то и соль. Получалась настоящая похлебка, но, я думаю, она была не лучше спартанской. Признаться, было довольно-таки тошно смотреть, как Ахмет, причмокивая, пил это пойло; поэтому мне очень хотелось научить своего полудикого спутника пить чай, как чай, и я пред-

ложил вместо сала прибавлять клюквенного экстракта. Сначала Ахмет подозрительно относился к этой красной тягучей жидкости, но когда я объяснил, что это, дескать, „бульдрюгун“ (ягода), он решился сделать опыт.

„Якши?“ (хорошо) — спрашиваю я. — „Якши“, — отвечает Ахметка и вслед за этим в тот же чай наливает с полстакана сала.

„Якши?“ — любопытствую я опять. — „Чок якши“ (очень хорошо), — говорит Ахмет, прибавляя туда же сахару.

Должно быть, это было действительно „чок якши“, потому что с тех пор мой ученик неизменно придерживался этого нового способа приготовления чая и скоро перевел весь экстракт.

Что касается нашего туалета в дороге, то у Ахмета его не полагалось, да и я очень скоро приблизился к такому киргизскому идеалу. Только у колодцев, стало быть дня через два три, я мыл руки; это было все, чем отличался я в отношении туалета от своего спутника. В промежутках между колодцами такую роскошь нельзя позволить из экономии в воде, а беречь воду нам приходилось в особенности потому, что турсук Ахмета еще в начале пути прорвался. Хотя дыру завязали веревкой, но он снова прорвался в другом месте, и мы остались при одной моей банке. Лично я был даже доволен этим приключением с турсуком: судите сами, какая вода должна быть, если она пробудет дня два-три на солнце, в мешке, сделанном из цельной бараньей шкуры. Не было бы большой беды, если бы вода только нагревалась; но она приобретала запах сырой подгнившей кожи; мелкие охлопки кожи плавали в ней в таком изобилии, что она теряла всякие признаки прозрачности. Если прибавить, что сама по себе она имела солоноватый вкус, этого будет достаточно, чтобы составить представление о том пойле, которое находилось в турсуке Ахмета. Никакие экстракты в мире не в состоянии были бы сделать такую воду годной для питья. Впрочем, Ахмет пил и говорил: „якши“. На Усть-Урте в течение 9 дней пути только один раз мы встретили „хак“. Это была лужа не больше обеденного стола и в сантиметр глубиной, так что воду приходилось чрезвычайно осторожно снимать сверху, как сливки, при помощи блюдечка; без такой предосторожности со дна поднималась глинистая муть. Хотя поверхность лужи отливала зеленцой плесени, но, к моему удивлению, вода, сравнительно с колодезной, оказалась превосходной; во всяком случае, она имела совершенно пресный вкус, а легкому букету плесени можно было не придавать особого значения.

Стало быть, нас нельзя было упрекнуть в том, что мы чересчур занимались своей внешностью. Это еще виднее будет, если прибавить, что, согласно примеру Ахмета, я спал не раздеваясь и все 14 дней до самого Каракамыша ни разу не умывал лица. Словом, мы жили совершенно по-киргизски. Как можно спускаться до степени номада, хотя бы и в пустыне! — может заметить по этому поводу досужий моралист. Не лучше ли было бы, прибавит он, — своими европейскими привычками, по крайней мере, хоть чистоплотностью, подавать пример киргизу? Виданое ли дело не умываться в течение двух недель! Все это, может быть, и так, но только посмотрел бы я на этого моралиста в то время, когда, прожив среди лета несколько дней под открытым небом в степи, он вздумал бы умыться своей выхоленной физиономией. Воображаю, какой поднимет он крик на всю пустыню, когда лицо его начнет гореть, как в огне, а кожа станет лупиться, как у ящерицы. А это всегда бывает, если в тех условиях, в каких находились мы с Ахметом, обращать внимание на чистоту своей физиономии, да еще прибегать к помощи мыла. Вот зубами мы могли бы шегольнуть с успехом. Что всего удивительнее, так это то, что в степи и у меня

Нищий киргиз.

они приобрели известную киргизскую особенность, именно, сделались белы, как слоновая кость, хотя я не чистил их ни разу. Между тем в Петербурге, несмотря на ежедневную чистку, у меня были... ну, самые обыкновенные зубы, не лучше, чем у любого столичного жителя. Не знаю, известно ли дантистам это чудотворное явление степной жизни на зубы, а если известно, — как они объясняют его?

Так протекала наша кочевая жизнь. Как уже сказано было, часов 14 в сутки мы шли. Собственно шли-то верблюды, а мы, сидя на них, глазели по сторонам, подмечая каждую былинку полыни, если она повыше других сантиметров на 8, или просто на просто спали. Впрочем, надо правду сказать, что спал больше я; Ахмету же, хотя он и вынос на верблюжьих горбах, все-таки не флишком удобно было лежать со свесившейся вниз головой. Поэтому на местах ночевки при первой возможности он по-

стирал на землю свой халат там, где стоял перед этим, ложился и мгновенно засыпал, а я отправлялся бродить по степи.

Удивительные ночи бывают в здешней пустыне! Звездные, теплые и тихие, тихие! Как теперь, помню одну такую ночь, когда меня особенно поразила тишина. Можно описать какой угодно шум, крик, звон, но как описать тишину, в особенности, ту абсолютную тишину, какая бывает здесь ночью. Ни малейшего звука! — вот и все. В других местах, как бы тихо ни было, всегда можно открыть хоть какой-нибудь звук. Если тихо в комнате, вы все-таки слышите или гул, доносящийся с улицы, или чирикание сверчка за печкой. Если этого нет, то таракан шуршит по обоям, или, наконец, гудит горящая лампа, или щелкает пламя свечки. Ночная тишина леса, сада, пашни никогда не бывает полной: непременно дрогнет лист, крикнет сонная птица, прожужжит летящий жук, пискнет комар, а не то так раздастся один из тех неясных таинственных ночных звуков, происхождение которых никому неизвестно. Словом, везде и всегда слышно хоть что-нибудь, а здесь ничего, так-таки ровно ни малейшего звука. Да и откуда взяться ему в тихую ночь среди спящей пустыни, когда воздух совершенно неподвижен! Тихо так, что, когда я зажигаю спичку и поднял ее над головой, пламя стояло без движения, как в комнате. Это не та минутная удушливая тишина, какая бывает у нас перед грозой. Здесь дышится легко, воздух чист и спокоен. Вы чувствуете, что так будет всю ночь, так может быть и завтра ночью, и послезавтра, и целые недели, пока не разыграются стихии, а стихии играют здесь больше зимой. Я бродил по степи и, глядя на серп молодой луны, думал, что, должно быть, только там, на луне, где нет ни атмосферы, ни жизни, бывает так же тихо, как здесь ночью. Я бродил и прислушивался, не зашуршит ли где, бегая по глине, хотя бы фаланга, но и ее не было.

Вот белеет крышка моей корзинки, а рядом, наверно, спит Ахмет. Но и тот не храпит, и даже не сопит, иначе было бы слышно за несколько верст. Нагнувшись, я вижу на небе черный силуэт нашего верблюда, беззвучно, как привидение, шагающего по степи. Вон, опустив голову вниз, стоит и другой. Чтобы нарушить мертвую тишину ночи, я крикнул, но и сам испугался собственной дерзости. Звук замер мгновенно без малейшего эхо. Ахмет отозвался на крик... и опять стало тихо.

Я еще ничего не сказал о наших встречах с людьми во время дороги. Их было немного. Где то на середине пути мы повстречали длинный караван, направлявшийся

в Хиву из Оренбурга с грузом чугунных котлов, таганов и каких-то ящиков. Караван сопровождали четверо киргиз, загорелых, как мы с Ахметом, оборванных, как нищие на картинках, и голодных, как шакалы: последнее было видно по их лицам. Каждый по очереди, по мере того, как равнялся с нами, неизменно задавал вопрос: „шунда су бар-ма?“ (есть ли там вода?). Они спрашивали о хаке, который мы прошли накануне и в котором не нашли ни капли воды. Так как приблизилось время дневной остановки, я предложил киргизам сделать привал с целью напоить их чаем. Они выпили два чайника, съели изрядное количество сухарей и, как потом оказалось, ухитрились прорезать мешок и утащить у нас все сушеное мясо. Мы остались при одном фарше, который, к счастью, лежал отдельно.

Другой раз, уже в конце дороги, нас разбудил однажды утром окрик нескольких голосов. Проснувшись, мы увидели вокруг себя целую орду киргиз на верблюдах. Тут были и старики, и молодые, и несколько женщин. Мужчины обступили Ахмета и принялись допрашивать его, как и что. Судя по тому, что при этом они ежеминутно заглядывали в мою корзинку, допрос касался меня. Как все азиатские кочевые народы, киргизы любопытны, как бабы, и в десять раз больше их любят сплетничать. Сплетни составляют у них привилегию и часто единственное занятие мужчин. Киргиз не задумается оседлать лошадь и скакать верст 30—40 к приятелю, единственно затем, чтобы сообщить ему, что у какого-нибудь другого приятеля окошел верблюд, или лошадь принесла жеребенка. Всякая из ряда выходящая новость, например, появление в степи русского чиновника, или случай крупной баранты¹⁾, разносится по степи с быстротой телеграфа. Ахмет с важным видом вполголоса отвечал на вопросы своих соплеменников. Должно быть, он врал преисправно, если судить по тому, что киргизы в ответ на его слова прищелкивали языками,

Киргизка.

¹⁾ Угон скота.

качали головами, ахали и все с большим и большим любопытством заглядывали в мою корзинку.

Пока шли эти разговоры, наш запасный верблюд сообразил, что не следует упускать такого прекрасного случая почесаться, и потому, подойдя втихомолку к своему новому знакомому, на котором сидели две киргизки, начал тереть свою корявую спину об их кошмное сиденье. Сиденье сползло на-бок, бабы начали падать и, цепляясь за кошму, завизжали на всю степь, а мужчины принялись хохотать. Когда, наконец, Ахмет отвел не-

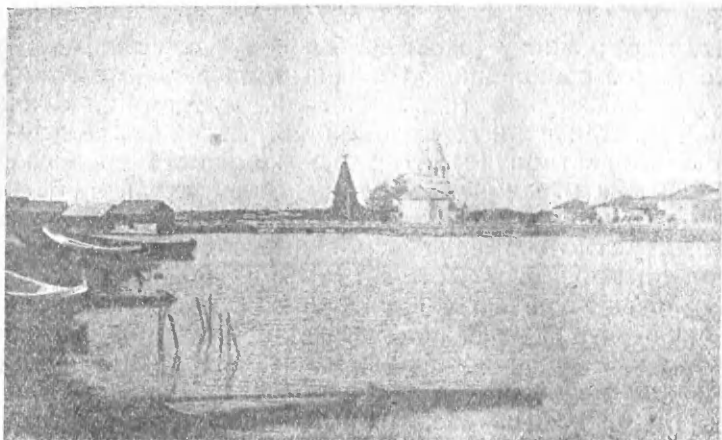

Киргизы в степи.

сносную животину в сторону, я, чтобы чем-нибудь вознаградить перепуганных дам, подарил им две перламутровые пуговицы от блузы и столько же пустых револьверных патронов, и мы расстались друзьями. Наверно, все это киргизки подвешат себе на кончик косы.

Почти восемь суток от самого Аральского моря шли мы ровной, как пол, глинистой степью. Казалось бы, что, пройдя такую обширную равнину, путешественник должен будет подниматься в гору, между тем на девятый день мы подошли к крутому спуску: то был северный край плато Усть-Урта, по которому мы шли до сих пор. Впереди, как в тумане, виднелись неясные очертания Мугод-

жарских гор; внизу расстилалась другая степь, но уже много более оживленная. Полюнь была гуще, местами попадаась даже зеленая трава и низкий кустарник. Степные пиголицы, стаи черных жаворонков, мелкие сокола — все это свидетельствовало, что здесь кончается среднеазиатская пустыня и начинается черноземная степь предгорий Урала. По мере нашего движения к северу, ночи становились заметно свежее, в особенности, мне холодно было на ходу в корзинке. Вот тут-то мой шерстяной мешок сослужил мне третью и последнюю службу. По ночам я залезал в него, а края подвязывал к телу под мышками. Выходило совершенно по-эскимосски, только мешок был хивинский. Не помню, в какой по счету день перешли мы Эмбу. Во всяком случае, это было совершенно незаметное событие: верблюды просто перешагнули через нее, не замочив лап. Наконец, на 14-й день среди ровной степи показались крыши Темирского укрепления. „Начальник кибит“ — проговорил Ахмет, указывая нагайкой по направлению самой высокой красной крыши; так величал он двухэтажный дом уездного начальника. Впрочем, киргизы любой дворец назовут кибиткой, разве только прибавят „улькун“ (большая). В Каракамыше я распрошлся со своим спутником, подарил ему корзинку и всю лишнюю мелочь; но мешок, мой великолепный мешок, взял себе на память, хотя Ахмет и поглядывал на него очень красноречиво. Отсюда уже на почтовых чрез Илецкую Соляную Защиту я доехал до Оренбурга.

II.

НА ЛЕДОВИТОМ ОКЕАНЕ.

От Петрозаводска до Сумского посада. — На клипере по Белому морю. — Стеклённые животные: ребровики; медузы; крылоногие моллюски. — Соловецкие острова. Архангельск. — На острове Вешняке: полярные растения; жизнь гаг. — На Ледовитом океане: чайки; „кит у борта“ — Вдоль Мурмана. — Полночное солнце. — Рыбачье становище Гаврилово. — Ловля трески. — Палтус. — Акула. — Песчанка и мойва. — Киты. — Белухи; нарвал. — Мелкие обитатели океана: рак-отшельник, его дружба с морской розой; крабы; морские звезды; гидроиды; мшанки. — Среди прибрежных скал: ракушки; морские жолуди. — Остров Гусинец: „птичьи горы“; гагарки; кайры; самоотвержение чаек; поморник; топорики. — На берегу Лапландии: наследие ее озер; лемминги. — Становище Териберка. — Мертвый кит. — Шторм. — Прощанье с клипером.

В Петрозаводске наша многочисленная экспедиция собралась в полном составе. По дороге сюда к нам присоединились еще два финляндских натуралиста, пробиравшиеся в Лапландию.

Из Петрозаводска пароход доставил нас в северную оконечность Онежского озера, в город Повенец, где, по выражению местных жителей, всему свету приходится конец. Конец, не конец, а место действительно глухое. Город похож на деревню, или, вернее, на любой из маленьких сибирских городков, название которых оканчивается на орск или анск, например, Обдорск, Туруханск и т. д. Если бы не распоряжительность местного исправника, предупрежденного о нашем путешествии заранее, надолго бы засели мы в Повенец! Судите сами: двести пудов багажу и 14 человек пассажиров при одной собаке!

Сколько надо лошадей и повозок для того, чтобы увезти такое тяжеловесное общество? Где и когда мы нашли бы их?

На самом же деле, мы нашли все, что нам было нужно у самой пристани парохода, где нас ожидали 9 подвод для клади и 7 экипажей для живого состава экспедиции. Часа через три мы уже выехали из Повенца прямо на север, по направлению к Белому морю. Проехав 46 верст лесом, около часа ночи мы прибыли в деревню Телекину, отсюда по реке Телекиной на лодках спустились в Кой-Киничи. Последняя деревушка настолько мала и бедна, что даже распорядительное начальство не могло отыскать в ней необходимого количества экипажей, поэтому некоторым из нас пришлось ехать отсюда верхом. Верхом поехал и Г., никогда в жизни не сидевший в седле. Много приключений суждено было испытать ему во время нашей экспедиции. Необыкновенная ученость соединялась в нем с детским неведением практической стороны жизни; его редкое добродушие могло поспорить разве только с его рассеянностью. „Но, но, добрая лошадка!“ — погонял Г. своего деревенского коня; при этом, чтобы не обидеть его, очень деликатно подергивал за повод. Но добрая лошадка сразу поняла, с кем она имеет дело. Не обращая никакого внимания на того, кто сидел на ее спине, она просто напросто начала пастись; пощипывая траву, она чуть-чуть подвигалась вперед; по временам, завидя лакомую зелень среди деревьев, она сворачивала с дороги в лес и, несмотря на ласковые увещания своего седока, продолжала кормиться, покакто-нибудь менее добродушный, нежели Г., не выводил ее под уздцы на прежний путь. Наконец, невнимание „доброй лошадки“ к своему седоку дошло до того, что она начала валяться под ним, как будто на ее спине лежал неодушевленный предмет.

Финляндский ботаник ехал в тележке и всю дорогу делал уморительные попытки говорить по-русски с помощью словаря.

„Клячи суть?“ — спрашивал он почтового старосту, подъезжая к станции и отыскав предварительно в словаре, как по-русски „Pferd“. „Тёпёръ нет ночери“ — выпалил он в другой раз, глядя на верхушки деревьев, позолоченных ночным солнцем. В таком роде упражнялся ботаник почти до самого Сумского посада, пока, наконец, не устал и не задремал в тележке... Вот, наконец, и посад, беспорядочно раскинувшийся в устье реки Сумы близ берега Белого моря. Как везде в приморских местечках Архангельской губернии, в Сумском посаде на две или на три женщины приходится всего по одному мужчине,

да и те по большей части ушли теперь на промысел; поэтому мы застали здесь настоящее бабье царство. Женщины поддерживают почтовое сообщение на лодках, ходят обходом; когда надо, сажают в кутузку провинившихся; они же исполняют и все домашние работы.

От посада вниз по речке до самого моря и на необозримое пространство в стороны раскинулась тундра, мокрая кочковатая тундра, поросшая мхом и морошкой. Прыгая с кочки на кочку, стрелки экспедиции отправились стрелять птиц тундры, а Г., занимавшийся низшими животными, пошел к берегу моря. Моросил дождь. Когда Г. при свете полуночной зари в своем кожане и в кожаном капюшоне на голове, сам черный и весь в черном, бродил по пустынной отмели моря и, согнувшись в три погибели, шарил под камнями, проезжавшие по морю суеверные ловцы приняли его... За кого бы, вы думали, приняли они нашего добрейшего Г.? Ловцы признали в нем ни более ни менее, как чорта; как впоследствии мы догадались, — одного из тех чертей, которые нарисованы на стенах Соловецкого монастыря в картине мучения грешников. „Провались ты, окаянная сила! Что ты бродишь по ночам!“ — кричали рыбаки по адресу Г., и „окаянная сила“, не успевшая на нынешний раз загубить даже десятка моллюсков, обескураженная этим приветствием, поплелась домой.

В Сумском посаде наша многочисленная экспедиция должна была разбиться на партии. Часть отправлялась на пассажирском пароходе на Соловецкие острова, несколько человек должны были ехать в Кандалакшу, откуда пешком итти поперек Лапландии до города Коды, а ядро экспедиции в числе пяти человек предполагало совершить плавание на парусном судне по Белому морю и далее по Ледовитому океану вдоль Мурманского берега к северо-западу, насколько позволят обстоятельства. Уже на другой день по прибытии в посад мы наняли судно с полным составом команды. Это был так называемый клипер, самое маленькое судно, которое решается ходить на Мурман. При 8 саженях в длину, оно было вооружено двумя мачтами и 6 парусами, из которых, впрочем, 3 кливера, т. е., маленьких треугольных паруса на носу. На корме находилась крошечная каюта, в которой с трудом могли поместиться двое пассажиров; на носу было столь же крошечное помещение для команды и печка для приготовления пищи.

Вся середина клипера была занята трюмом, в который прежде грузили соленую треску; теперь в нем поселились мы, устроив там нары. В это помещение можно было попасть по лестнице через небольшой люк, плотно

закрывающийся крышкой. Если люк закрыть, в трюме становилось темно, как в пещере, так как ни в стенках судна, ни в палубе никаких окон или иллюминаторов не существовало. Впоследствии мы по достоинству оценили эту особенность нашего помещения: она позволяла нам устраивать искусственную ночь в то время, как полночное солнце светило на небе и, раздражая нервы, мешало спать.

О том, как велик был наш корабль, можно судить по составу его команды. Владелец клипера состоял в то же время его капитаном. Кроме него, у нас был только один вполне работоспособный матрос. Третий член команды, довольно дряхлый старик, исправлял должность повара или, по здешнему, кока. Четвертым был сын капитана, мальчик 14 лет, состоявший в качестве юнги или, по местному, зуйка. Итак, весь экипаж корабля состоял из трех с половиной душ. Само собой разумеется, при клипере находилась лодка (карбас), которую во время пути мы поднимали на палубу.

Чтобы запастись на трехмесячное плавание провизией, а также веревками для драг и некоторыми другими предметами, решено было сначала зайти в Архангельск. Такая программа плавания была как нельзя более на руку нашим финляндцам. Они сели на клипер в качестве пассажиров с тем, чтобы из Архангельска отправиться на пароходе в один из поселков в Лапландии, в Поной.

9 июня, на прощанье с сухопутной частью нашей экспедиции, на палубе судна была устроена пирушка. На другой день, протолкавшись на шестах по реке Суме, полюбовавшись мимоездом на промысловые амбары, мы вышли в море.

Г. тотчас же вытащил свои сачки и принялся через борт судна ловить мелких животных, плававших близ поверхности моря.

Было тихо. Клипер с повисшими парусами медленно скользил по зеркальному морю. Над судном вились чайки, выжидавшие, не бросят ли что-нибудь за борт. Мимо нас с писком пролетали кулики-сороки. Вдали, в том месте, где небо сливалось с водой, белелись два-три паруса. Чем дальше судно уходило в открытое море, тем гуще становился синевато-зеленый цвет воды и тем больше попадалось на поверхности ее всякой живности. Что это за удивительная живность! При первом взгляде через борт кажется, что в воде нет совсем ничего. Но присмотритесь поближе, и вы увидите бесчисленное множество странных существ, прозрачных, как хрусталь, и отливающих на солнце всеми цветами радуги. Вот плывет прозрачный колпачок, величиной с графинную пробку; это — ребровик. Вот, изгибая края своего колокола,

величиной с блюдечко, приближается к борту медуза; попробуйте поймать ее ведром и взять в руки, — она расплывется, можно сказать, вытечет из рук, как жидкий кисель, оставив после себя ощущение ожога. Там машет своими крылышками крылоногий моллюск; а в банке воды, взятой из моря, вы увидите множество мелких медузок и разных других животных, которых вы не замечали в море, благодаря их удивительной прозрачности.

Прозрачность эта настолько велика, что сквозь тело их можно читать, как сквозь стекло. Поэтому немцы называют таких животных „стеклянными“. Эта удивительная особенность, без сомнения, существует не даром: она превращает морских животных в невидимок и спасает их от преследования многочисленных врагов.

Рибровик.
(*Beroe Forskalii*).

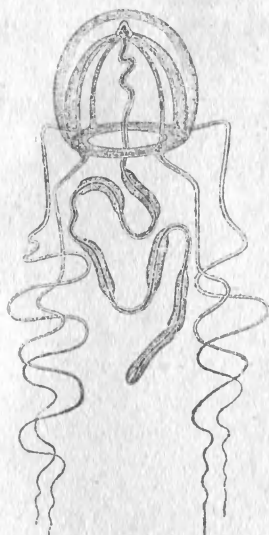
Большинство этих прозрачных животных устроены довольно просто.]

У ребровика, например, тело представляет просто-напросто колпачок, на поверхности которого расположено несколько рядов пластинок. Работая этими пластинками, как веслами, ребровик передвигается с места на место. По краям колпачка висят нити, которыми животное ловит добычу. Пища переваривается в полости колпачка.

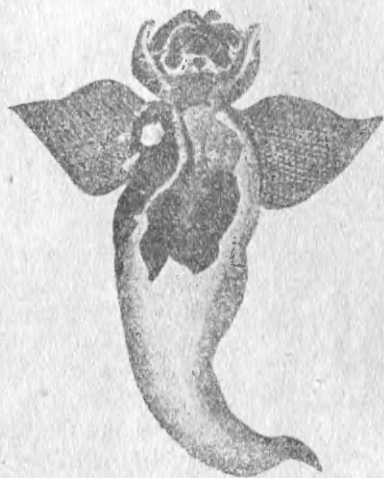
Медузы имеют вид глубокого блюдечка или плоского колокола, обращенного отверстием книзу. В том месте, где у колокола свешивается язык, у медузы висит длинная трубка. Отверстие, находящееся на ее конце, служит ртом. По краям блюдца подвешены длинные нити, которые так же, как у ребровика, захватывают добычу. Кроме них, в теле медузы имеются другого рода нити: тонкие, закрученные спирально и совершенно незаметные для простого глаза. Попробуйте дотронуться до медузы, — сейчас же эти нити выпрямятся, и вы получите ощущение ожога. Без сомнения, это — орудие нападения и защиты. Края колокола то сжимаются, то расширяются; благодаря этому, совершается передвижение животного в окружающей среде.

Гораздо сложнее устроены крылоногие моллюски: у них имеется кишечный канал, сердце и хорошо развитая нервная система. Сидящие по бокам головы крылышки машут с такой же быстротой, как крылья бабочки. Поэтому крылоногие моллюски плавают гораздо быстрее, нежели медузы, ребровики и многие другие сотоварищи их по жизни в открытом море.

11 июня ночью клипер бросил якорь у одного из Соловецких островов. Мы тотчас же спустили карбас и высадились на берег. В то время как в Сумском посаде листья на деревьях уже распустились, здесь была еще ранняя весна: местами не стаял снег; на крошечных корявых березках острова едва-едва начинали зеленеть почки. Хотя наш старик-кок и уверяет, что „бог дает тепла“; но термометр показывает всего только $+4^{\circ}\text{C}$. Таково влияние студеного моря, а, в особенности, холодного течения, омывающего группу Соловецких островов. Вдоль берега летали гаги, чайки, разные кулики. В тот же день на кар-

Медуза „сарсия“.
(*Sarsia strangulata*).

Крылоногий моллюск „северный
клион“.
(*Clio borealis*).

басе мы отправились и в самый монастырь. Странный контраст с унылой природой острова и пустынностью окружающего моря составляют роскошь построек и оживленность обитатели. От самого Петербурга мы не встречали таких великолепных храмов и таких красивых домов.

Внутри стен обители находится настоящий птичий двор, населенный чайками. С криком, похожим то на плач ребенка, то на скрип железа, чайки летали над домами, сидели на крышах, на перилах, бегали по земле; тут же на дворе, в ямках, лежали их птенцы всех возрастов, и рядом с ними их родители; взрослые птицы разевали рот навстречу прохожим, хватали за платье, вырывали из рук куски хлеба, которые те подносили к их рту; словом, вели себя совершенно непозволительно для дикой

птицы. Несмотря на столь полную прирученность, соловьиные чайки осенью улетают в более теплые края. Весной они снова возвращаются в монастырь.

Недолго пришлось нам побыть на Соловках: задул свежий попутный ветер, и мы тотчас же сели на свой карбас.

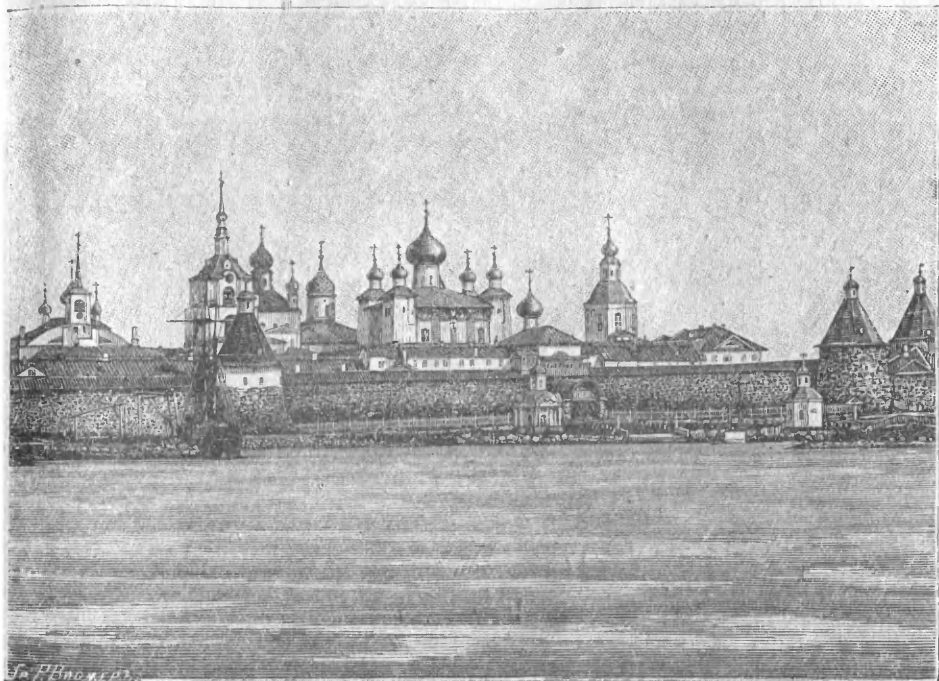
Монахи-матросы на своем пароходе.
С фотографии А. О. Графтио.

Вечером наш клипер снялся с якоря и, накренившись на один бок, поплыл в Архангельск. Уже на другой день мы были в 70 верстах от устья Северной Двины.

Здесь пришлось повернуть против ветра. Так как в это время был отлив и, стало быть, встречное течение, мы принуждены были бросить якорь. Только с наступлением прилива мы тронулись дальше. Ветер то затихал, то начинал дуть с кормы, то снова становился противным, и клипер наш то медленно тащился вперед, то пятился задом. Наконец, 16 числа мы бросили якорь у Архангельска. Близ города мы высадили наших финляндцев,

которые пожелали идти пешком, чтобы собрать растений и насекомых. Не успели мы устроиться в гостинице, как в один из наших номеров явился ботаник и, запыхавшись, сообщил, что вся их ученая экспедиция, включая и переводчика, угодила в полицейский участок.

На окраине города наших ученых окружила толпа, принявшая их жестянки для растений и насекомых за шарманки, а самих натуралистов за шарманщиков. Пока

Соловецкий монастырь.

С фотографии, А. О Графтио, снятой в 1 ч. ночи.

их упрашивали сыграть, предлагая за труды пять копеек, явился полицейский и потребовал у них свидетельство на право развлекать публику музыкой. Так как такого свидетельства у финляндцев не оказалось, их свели в участок; там, как водится, все разобрали, и экспедицию тотчас же отпустили на свободу.

Сверх всякого ожидания, Архангельск оказался прехорошеньким городком. Приличная мостовая, чистенькие, по большей части деревянные домики и, что всего удивительнее для этого северного города, при домах садики.

21 числа все приготовления были окончены. Казенный паровой баркас вывел наш клипер за бар Двины, т.-е., за ту отмель, которую нагромодила река при выходе в море. Здесь мы были предоставлены своим соб-

Рыбаки Архангельской губернии.
С фотографии географическо-антропологического кабинета
С.-Петербургского университета.

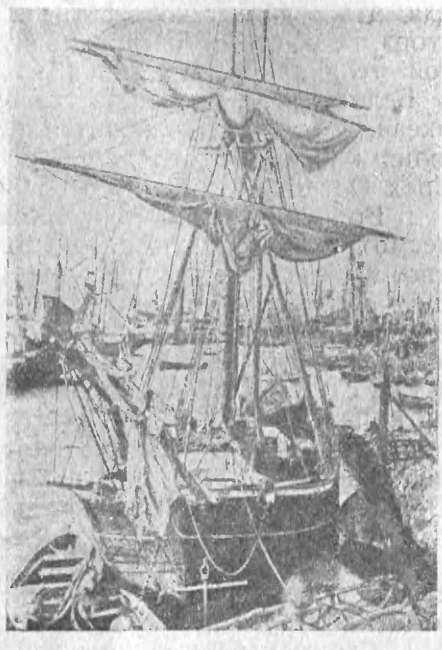
ственным силам. В полной надежде на эти силы, мы поставили паруса и при свежем ветре поплыли вперед. Не долго продолжалось наше плавание. Ветер вдруг переменялся на противный, и наш клипер осрамился. Он не мог лавировать против встречного ветра, как то подобает

доброму морскому судну, а потому позорно попятился назад. Капитан, не желая подвергаться такому позору, решился лучше добровольно вернуться на старое место, и вскоре мы были снова у бара. На другой день повторилась та же история, и только на третьи сутки ночью нам удалось выбраться в открытое море. 25 числа целый день плыли; свежий ветер гнал клипер очень исправно, но вместе с тем развел огромные крутые волны, по которым наше суденышко принялось прыгать, как скорлупа ореха. Вот клипер

затем, наклонившись носом вниз, стал спускаться под гору. Вот он внизу в долине между водяными горами, заслоняющими от нас весь свет. Еще несколько секунд, и мы опять на верхушке: перед нами расстилается изборожденная поверхность моря; до самого горизонта катятся ряды волн; ветер рвет их белые гребни; над ними с криком носятся чайки...

Но прежде чем успеешь окинуть взором эту картину, клипер снова катится вниз. Так „с горки на горку“ подвигалось наше судно вперед. Банки летели с крышки каюты на палубу; за ними вскоре поползла туда же чернильница, и даже складной стул, стоявший от-

крытым, покатился к борту, грохнулся там и успокоился, уже лежа на-боку. Г., в страхе за свои банки, отправляется ловить их по палубе. Цепляясь за борт, за крышку каюты, неверными шагами пробирается он вдоль судна; вот он уж наметил банку, протянул к ней руку; вдруг клипер сразу наклоняется на другую сторону, банка куда-то исчезает, а Г. оказывается у противоположного борта, стоящим на четвереньках. М. и Х., делая всевозможные усилия, чтобы не кататься, подобно банкам, лежат на палубе и жалуются, что их мутит. Б. уже два раза подходил к борту и срамил свое отечество. Даже наш четвероногий спутник, Ильза, с унылым видом снует от борта к борту,

Буянова пристань в Архангельске.

отыскивая место, где бы не качало. Так болтались мы целый день до самого вечера, когда показался Терский берег, где качка сделалась легче. Мы были в проливе, соединяющем Белое море с Ледовитым океаном, или в так называемом „горле“ Белого моря.

Горло это настолько не широко, что оба берега видны совершенно ясно. Мы держимся западного или Терского берега и плывем то очень быстро, то очень медленно, смотря по тому, куда направляется течение. Дело в том, что во время прилива Ледовитый океан начинает изливать свои вздувшиеся воды в Белое море, и, так как в узком горле для этого гигантского натиска волн нет достаточно простора, вода старается восполнить этот недостаток быстрой течением. С наступлением отлива вода, излившаяся в Белое море, возвращается из него снова в Ледовитый океан, и течение становится нам попутным. Вечером 26 июня клипер бросил якорь в проливе между одним из Трех Островов и Терским берегом. Все ожили.

Вода под нашим клипером настолько прозрачна, что, несмотря на двадцатиметровую глубину, мы ясно различаем дно, мы видим настоящие подводные леса, — рыб, плавающих среди зелени, и каких-то других животных, но каких именно, разобрать невозможно. Со дна огромными зелеными лентами поднимались водоросли, по преимуществу фукусы. Ленты наклонялись то в сторону Белого моря, то к Ледовитому океану, смотря по тому, куда направлялось течение. В разных местах этих лент расположены небольшие вздутия или пузыри, наполненные воздухом. Они служат фукусам поплавками, которые приподнимают растение со дна и придают ему вертикальное положение.

Немедленно спустили на воду карбас, Г. наладил свои сачки, мы надели патронташи, а Ильза, завидя вынутые из чехлов ружья, от радости принялась прыгать по палубе.

Скоро мы высадились на острове Вешняке. Островок весь сложен из камня, и только на верхней площадке его имеется тонкий слой рыхлой земли.

Несмотря на холод и снег, лежащий в расселинах скал, здесь существует кое-какая растительность. Но это — растительность полярных стран, да и то при последнем издыхании. Каждый кустик носит на себе печать упорной борьбы с холодом и ветром. Ива и полярная березка не в силах подняться больше, чем на 18 сантиметров от земли. Их ветви стелются над самой землей, образуя своим сплетением настоящий ковер. Зимой все это покрыто снегом. Стоит какой-нибудь веточке подняться над поверхностью снежного сугроба, она неизбежно отмерзает. Таким образом, странная форма полярных деревьев — одно из средств защиты против холода и ветра. Иногда кусты и деревья

принимают здесь так называемую шпалерную форму: все ветви растения располагаются в одной плоскости; получается подобие раскрытого веера. Замечательно, что такой веер всегда стоит ребром к господствующему холодному ветру. Благодаря этому, растение меньше страдает от холода.

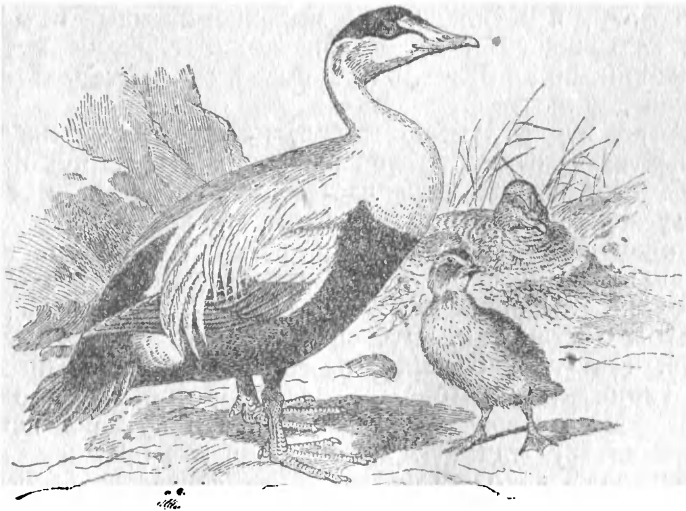
В общем, кустов и деревьев на острове немного. Брусника и вороника решительно преобладают над всеми другими растениями Вешняка. Местами попадаются какие-то белые цветы, приютившиеся под камнем. На них копошатся шмели, которые вместе с комарами, повидимому, были единственными представителями насекомых, населявшими остров.

Зато—сколько птиц! На Вешняке вьют гнезда чайки, альпийские жаворонки, снежные подорожники и полярные шеврицы. Здесь же выводят детей гаги, но гнезда их были разорены, вероятно, проезжающими мимо ловцами. Яйца бедных птиц лежали почти на голой земле или на скудной подстилке из мха. Если бы не эти охотники за пухом, гагам было бы раздолье на острове. Прилив здесь достигает огромной высоты шести метров. Во время отлива обнажаются огромные косы и целые острова, на которых остается бесчисленное множество всякой морской живности, идущей в пищу гагам. Тут и раки, и моллюски, и морские звезды, и мелкие рыбы, зарывшиеся в мокром песке; тут же целые тучи длиннейших водорослей, в которых, в свою очередь, сидят различные животные.

Гага строит гнездо почти исключительно из пуха, который выщипывает у себя на груди. Чтобы пух не развеяло ветром, она скрепляет его палочками и мхом. К тому же, самое положение гнезда на земле, между стеблями низкого кустарника, защищает его от ветра. Когда гага сидит на нем, ее трудно заметить даже на близком расстоянии. Ее окраска удивительно гармонирует с цветом обстановки. Это спасает ее от многочисленных врагов. Как только молодые гаги выклюнутся из яйца, мать уводит их в море, а гнездо бросает на произвол судьбы. В это время можно собирать пух без всякого вреда для гаг, так как на будущий год прежнее гнездо не годится: от дождя и снега пух свивается в комок и превращается в войлок.

В Норвегии, где существует правильный гагачий промысел, жители обязательно дожидаются того времени, когда птицы уведут детей в море. Мало того: норвежцы принимают различные меры, чтобы оградить утят от нападения хищных птиц, которые стерегут их при выходе из гнезда. Промышленник каждый день осматривает гнезда.

Как только птенцы вылупились из яиц, он обирает пух, а птенцов в корзинке относит в море. Туда же следует за ними мать. В море утята чувствуют себя, как дома; пре-

Гага и ее гнездо.
(*Somateria mollissima*).

красно ныряя, они всегда сумеют избежать нападения сокола или крупной чайки. При таком разумном отношении к делу гагачий промысел в Норвегии дает жителям прекрасный

заработок: иногда на маленьком острове живет несколько тысяч гаг. У нас же не существует правильного промысла. Мурманские рыболовы собирают пух попутно и притом во всякое время, как только гнездо попадется на глаза. Если пух вынуть раньше, чем вывелись птенцы,

Настоящая гага ((*Somateria mollissima*). $\frac{3}{10}$ ест. вел.

яйца обыкновенно не развиваются, и гага остается без детей. Как бы добросовестно ни высиживала она свои яйца, ей все-таки приходится отлучаться с гнезда, хотя бы затем, чтобы поесть; тем временем насиженные яйца, не защищенные пуховой покрывкой, остывают, и зародыши в них погибают. Ограбленные птицы пытаются поправить

беду необыкновенным усердием. Они не оставляют гнезда до последней возможности, так что нам случалось ловить гаг, сидящих на яйцах, живьем.

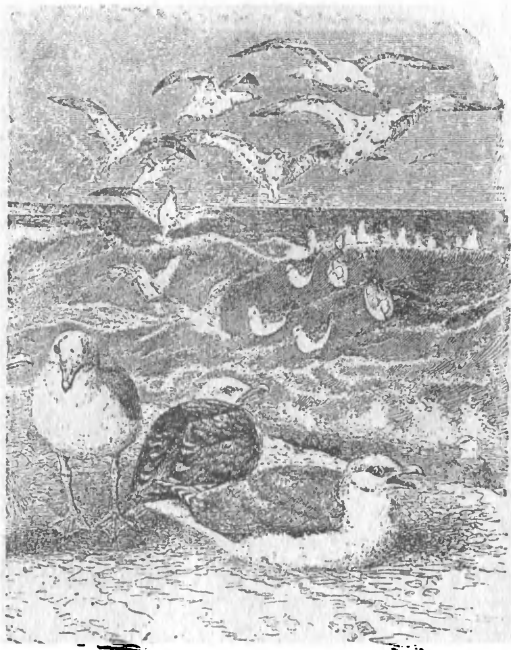
Вообще, в заботах о потомстве гага проявляет настоящее самоотвержение. Замечательно, что самцы держат себя совсем иначе, нежели самки. Последние постоянно рискуют своей жизнью. Самцы же небольшими стайками плавают в море, обнаруживая необыкновенную осторожность. Несмотря на все наши ухищрения, нам не удалось убить ни одного самца. Когда гнездо разорено промышленниками, гага привлекает к делу и своего супруга. Она выщипывает у него пух, чтобы построить новое гнездо. Нужно сказать, что самец не обнаруживает ни малейшей охоты пожертвовать своим теплым покровом. Он принимает всевозможные меры, чтобы уклониться от неприятной операции: оттопыривает перья, увертывается; но дело все-таки кончается тем, что самка ощипывает его, если только он не предпочтет покинуть свою супругу навсегда. Материнский инстинкт самок простирается до того, что они нередко берут под свое покровительство чужих осиротевших детей. Нам очень часто приходилось видеть гаг во главе большого стада детенышей различного возраста, от самых крошечных до выросших на половину. Очевидно, часть этих детей были приемыши, по каким-нибудь причинам потерявшие свою мать. Мало того: случается, что гага в отсутствие своей соседки ворует из ее гнезда яйца, и это делается единственно для того, чтобы высидеть побольше детей.

28 числа, забившись от холода в трюм, мы целый день убрали собранный материал. На следующий день решили ехать на Терский берег. Холодно, моросит дождь, ветер пронизывает до костей. Мы надеваем полушубки, на них тяжеловесные кожаны, садимся в карбас и едем. Самый берег производит еще более удручающее впечатление, нежели остров. Дикие, испещренные большими пятнами снега, скалы тянутся далеко на север и юг, насколько берег доступен глазу. Наверху ни кустика, ни зеленой травы; всюду камень и снег. Только кое-где под хорошей защитой от ветра ютятся крошечные площадки муравы или отдельные стебли черемичы. Волны с глухим ревом разбиваются о прибрежные скалы; большие, белые, как снег, полярные чайки носятся над бушующим прибоем и с криком, похожим на скрип ржавого железа, то там, то здесь выхватывают из моря добычу. Откуда-то из скал доносится до нас раздирающий душу крик сарыча, где-то ноет гагара, и к этой тоскливой местной музыке присоединяется еще гул ветра в дуле наших ружей. Удивительно, как последовательна природа в своих творениях.

Уж если она создала мрачную страну, так и населяет ее птицами, которые не поют и даже не кричат, а стонут и ноют; если она окрасила землю в тусклые краски или посыпала ее снегом, то и птиц для этой местности создает черных, серых или белых.

Мы охотились до глубокой ночи, которая, впрочем, ничем не отличалась от дня; настреляли чаек, мелких птиц, а мне посчастливилось убить одну белую куропатку. На следующий день Х., забрав с собой собак, отправился отыскивать эту дичь. Не прошло часа, как он вернулся, неся в руках убитую куропатку и окровавленную Ильзу. И ту, и другую он подстрелил одним выстрелом в то время, когда птица взлетела, а верная своему призванию Ильза бросилась вслед за ней. Собака, впрочем, вскоре поправилась, но уже более не годилась для охоты; поджав хвост, она плелась сзади охотника, и никакими средствами нельзя было заставить ее бежать вперед.

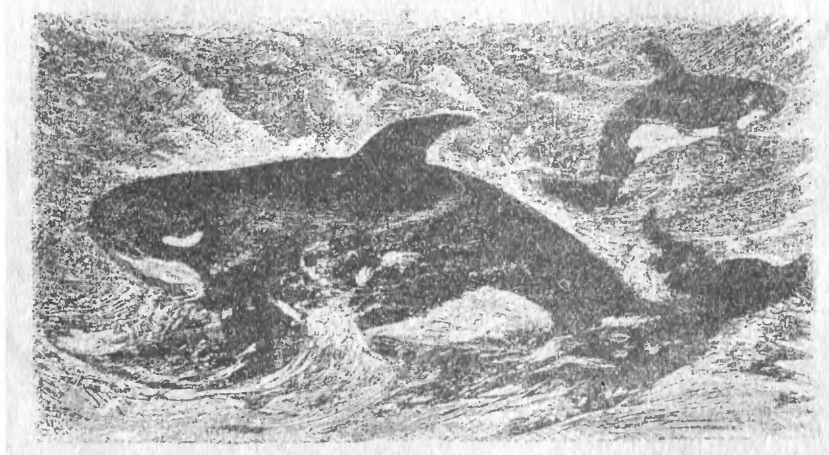
Утром 3 июля мы снялись с якоря. Дул свежий попутный ветер, и наш клипер, опять при-

Чайки на волнах океана.

нялся переваливаться с боку на бок. Банки запрыгали, камни нашего балласта принялись стучать, судно заскрипело, а мы в полушубках и кожаных дрогоги на палубе, так как в трюме одолевала качка. Зато в этот день мы прошли около 150 верст, пересекли полярный круг и к вечеру были у Святого Носа, откуда уже начинается Ледовитый океан. Об этом свидетельствовали киты, эти чисто океанские жители, которые только случайно и редко заходят в Белое море. То там, то здесь поднимались белые столбы пара, выбрасываемые этими исполинами из дувня, чернелись их лоснящиеся спины или мелькали в воздухе их могучие лопастные хвосты. Тут же над китами тучами

носились мелкие изящные чайки. Очевидно, и птицы, и звери пробавлялись здесь одной и той же пищей, именно плавающими моллюсками, в несметном множестве живущими на поверхности. Поразительно красивую картину представляют бесчисленные стаи белоснежных чаек, подобно клубам пены качающихся на темных волнах океана. „Как описать“, говорит Брэм: „величие этого зрелища? Достаточно ли сказать, что в темную волнистую одежду моря вплетались миллионы и миллионы светлых жемчужин? Или лучше сравнить море с небесным сводом, а чаек со звездами? Не знаю, но я знаю только, что на море я никогда не видал ничего прекраснее. И, как будто

Косатка.
(*Orca gladiator*).

этого очарования было еще недостаточно; полуночное солнце, скрывшееся на короткое время, вдруг облило своим розовым светом море и птиц, осветило все гребни волн, как будто набросив на море крупную золотую сетку, и выделило еще ярче ослепительно белых чаек, озарив их розовым светом“. Мы имели случай любоваться подобным зрелищем у Святого Носа.

Ночью ветер стих, а на следующий день был почти полный штиль. Правильные ряды седых волн сменились мертвою зыбью. Вместо крутых валов поднимались теперь пологие невысокие холмы воды с гладкой, как зеркало, поверхностью. Если мучительна качка во время ветра, то еще более невыносима она при мертвой зыби. Прыгая по гребням правильных волн, судно качается однообразно или по килю, от носа к корме, или с боку на

бок. Вы можете приспособиться к такой качке, приняв наиболее удобное положение. Но мертвая зыбь бросает вас в судне, как крупу, которую просеивают чрез решето. Только что вы улеглись поперек судна, как оно поднимается носом кверху, и вы катитесь к корме; вы переменили положение и легли вдоль киля, судно вдруг накренивается на бок, и вы летите к борту. В такой-то толчее очутился и наш маленький клипер. Б. с унылым видом уже два раза успел заглянуть за борт, М. и Х. стонали, и только мы с Г. крепились до последней возможности.

„Кит у борта!“ — крикнул нам капитан, и все мы, забыв качку, повскакали на ноги. Действительно, молодой китенок, метров в шесть длиной, плыл рядом с клипером. Выставив голову из воды, он вдруг тяжело вздохнул и тотчас же скрылся в глубине прозрачного, как хрусталь моря.

Удивительно, как неосторожны эти исполины животного царства. Не только молодые, но и взрослые, матерые животные нисколько не боялись нашего судна. Выставив из воды свою чудовищную лоснящуюся спину, они резвились около нас на расстоянии выстрела из дробовика. Будь у нас китобойная пушка, мы могли бы застрелить не одного такого зверя. Я думаю, что эта смелость китов говорит не в пользу их ума, потому что, несмотря на исполинские размеры, они имеют немало врагов. Кроме общего врага всех диких зверей, человека, их преследуют еще косатки, крупные хищные дельфины, — настоящие волки Ледовитого океана. Косатки плавают обыкновенно большими стадами. Набросившись на кита целую толпою, они врываются в его необъятную пасть и по кускам вырывают его толстый и жирный язык, после чего кит вскоре умирает.

После полудня штиль сменился противным ветром. Плохо наше дело. Чувствуем, что клипер, наш позорный клипер, осрамится; однако, ставим его под углом градусов в 30 к ветру и делаем попытку итти реем, или лавировать. Вот из верхнего пузырька песочных часов выпалась последняя песчинка; наш капитан делает поворот и ставит судно опять под углом в 30 градусов к ветру, но в другую сторону; матросы перебрасывают паруса, и клипер, сильно накренившись на один бок, как будто идет вперед; по крайней мере, вода журчит под носом, а за кормой тянется дорожка пены. Так метались мы из стороны в сторону по указанию песочных часов и в результате ночью очутились у того самого Святого Носа, который прошли полсуток тому назад.

Да, быстро мы пятимся назад, быстрее, нежели идем вперед! Уж не продолжать ли нам плавание кормой впе-

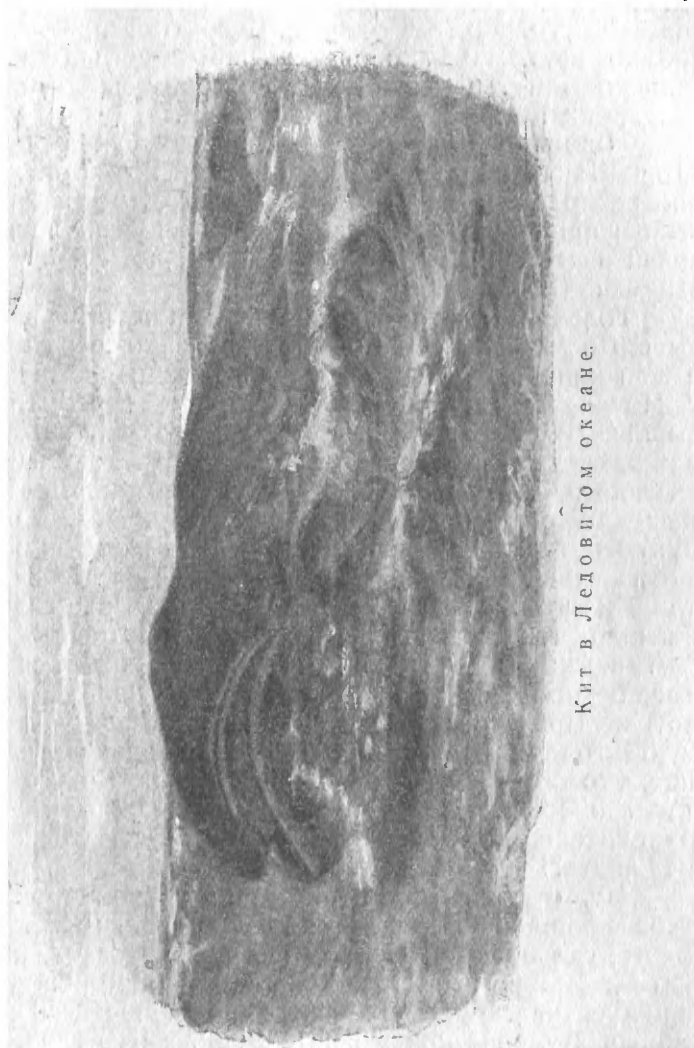
ред?—говорим мы капитану. Но он не согласен с нашим предложением и с мрачным видом снова ставит судно под углом к ветру. На беду, по близости не было гавани, где можно было бы переждать противный ветер. Поневоле приходится держаться в море, в надежде, не смилуется ли над нами стихия. Всю ночь и весь следующий день мы не все еще теряли надежды; наконец, к вечеру лопнуло терпение, и наш капитан повернул назад к Иоканским островам.

Острова расположены близ самого берега Лапландии, который в этом месте вплоть до Норвегии уже называется Мурманским. Мы находились севернее Трех Островов, между тем природа была здесь много оживленнее, нежели там. Снег виднелся только небольшими пятнами в очень глубоких лощинах; растительность была богаче. Береза, хотя и корявая, поднимается здесь до высоты человеческого роста; трава заметно выше, нежели у Трех Островов, черемица в цвету, между тем там на ней не было еще и бутонов. Словом, во всем чувствовалось влияние какого-то источника теплоты. Источник этот, конечно,—Гольфштрет, омывающий своими сравнительно теплыми водами весь Мурманский берег и проходящий мимо горла Белого моря до Новой Земли. По берегам Новой Земли находят множество плавучего леса, приносимого Гольфштретом.

В проливе между одним из островов и берегом держится много чаек, гаг, а, в особенности, чистиков-пискунов. Эти милovidные, черные, как уголь, величиной с галку, морские птицы были постоянным предметом наших охот. Забавно было смотреть, как они ныряли под выстрелами. Если чистик видит стрелка, он ни за что не позволит осыпать себя дробью. Лишь только из дула ружья покажется дым, чистик скрывается под водой, прежде чем дробь успеет долететь до него. Мало того: он еще занимается в это время рыболовством. Случалось, что нырнувшая от выстрела птица выходила из воды, держа в клюве маленькую рыбку.

Три дня стояли мы в проливе, пережидая ветер. Днем или ночью, как случится, бродили мы по острову или на материковом берегу; точно также в самое различное время ложились спать, устраивая себе искусственную темноту в трюме. Случалось, что мы совершенно сбивались со счета, не зная, что в настоящую минуту на небе: день или ночь. Часы показывают два, а какой половины суток, дня или ночи, этого на них не видно. Можно было бы узнать об этом от солнца, но оно по целым суткам прячется за свинцовыми тучами. Только раз случилось нам видеть солнце ровно в полночь, когда оно погрузило

свой нижний край в море. Солнце, как солнце; ничего особенного в нем нет. Только бурун, с белой пеной разбивающийся о прибрежные скалы, да фигура северного оленя, рисующаяся на фоне неба, придавали картине пол-

Кит в Ледовитом океане.

ночного солнца некоторую характерность. Если англичане ездят в Норвегию смотреть дневное светило в полночь, то, наверное, только затем, чтобы получить право говорить впоследствии: „Я видел полночное солнце“. Дневной свет, продолжающийся круглые сутки, мешал спать не только нам, но и птицам. Когда бы вы ни взгля-

нули на море, постоянно вы увидите: чаек, снующих над ним; чистиков, с жалобным писком плавающих на его поверхности; вереницы серых гаг и их белых самцов, перелетающих вдоль пролива; вечно птицы в движении, вечно охотятся, и засыпают ли они хоть ненадолго, известно только им одним. Вероятно, приткнется где-нибудь неутомимая пернатая работница, подремлет несколько минут и опять летит по своим делам, опять кормит своих детей, или кормится сама.

9 июля наш клипер сделал маленький переход в устье Иоканки, довольно широкой, но короткой реки; оно расположено в 12 верстах на юг от островов. Берега реки гористы, склоны их, в особенности, лощины, поросли настоящим березовым леском; но, сверх ожидания, в нем почти совсем не было птиц.

Только 12 числа задул было попутный ветер. Мы вышли в море. Но ветер скоро сменился на противный, и наш клипер едва успел добраться до прежней стоянки у Иоканских островов. 13 числа к вечеру мы снова вышли. В течение ночи и следующего дня ветер менялся два раза, два раза клипер относилось назад; однако, мы не сдавались, и 15 числа к вечеру все-таки почти добрались до рыбацкого становища Гаврилова. Однако, до бухты оставалось еще версты полторы. „Вон за тем мыском начинается поворот в бухту!“ — указывал нам капитан. И что ж бы вы думали? Вдруг заштило. Это значило, что часа через два задует противный ветер; затем в скором времени должен был начаться отлив, а тогда — прощай Гаврилово до следующего попутного ветра. Предательская стихия выхватывала у нас прекрасную стоянку из-под самого носа и обрекала на бесцельное, утомительное бултыхание в море. Не угодно ли при таких обстоятельствах оставаться спокойным?! Можно ли относиться равнодушно к такому издевательству ветра над нами?!

Ну, стой же ты, воздушная стихия, устроим мы тебе сюрприз! Недаром мы с Х. выросли на Волге в том месте, где она разливается на сотню рукавов, прежде чем уйти в море; не напрасно же мы мозолили себе руки, проводя на лодке целое лето в течение всей гимназической и студенческой жизни! „Карбас на воду“, — скомандовал капитан, в ответ на наше предложение устроить сюрприз. Через пять минут мы с Х. уже сидели на веслах. Впереди нас греб единственный работоспособный матрос нашей команды; на руль сел старик кок, капитан остался на руле клипера; и карбас, качаясь на волнах мертвой зыби, со скоростью улитки потащил на буксире клипер. Мы гребли с усердием, можно сказать, с яростью,

достойной самого дела. Вот Х. снимает пальто, за ним тоже делаю я. Вот полетели на дно лодки пиджаки и шапки. Между лодкой и судном то и дело вздуваются огромные холмы воды; они топят буксир и заслоняют от нас нашу баржу; несмотря ни на что, мы гребем и гребем. Наконец, перед нами открылся вход в бухту. Еще десятка три взмахов веслами, и клипер бросил якорь. Ура, наша взяла! Вскоре потом пришла и стихия со своим противным ветром, но уже было поздно.

В глубине бухты, верстах в пяти от нашей стоянки раскинулось большое рыбацкое становище Гаврилово, куда мы не замедлили заглянуть. Нас встретила нестерпимая вонь, испускаемая тресковыми головами, полусгнившими скатами и всякими рыбными остатками, выброшенными на берег. Тут же среди этого рыбьего мусора копошились ловцы. Один чинил снасть, двое вытаскивали на берег карбас, а несколько человек потрошили треску, прибавляя на будущее время новый материал для зловония. Поселок состоит из наскоро построенных изб, служащих только временным помещением для ловцов. Почти все жители становища приезжают или приходят сюда пешком только на рыболовный сезон, по окончании которого возвращаются домой, т.-е. в села и города Архангельской губернии, расположенные по Белому морю. В Гаврилове остаются всего 5—6 семейств колонистов, которые и караулят в течение зимы оставленное ловцами имущество.

Как везде на Мурмане, так и здесь кормилицей населения служит, главным образом, треска. Это — почти то же, что хлеб для крестьянина черноземных губерний. Хлеб этот, однако, добывается с гораздо большим трудом и риском, нежели ржаной или пшеничный, а урожай его бывает еще более изменчив в зависимости от разных причин и, между прочим, от погоды... Треска ловится так называемыми „ярусами“, орудием, очень напоминающим простую крючковую снасть, употребляемую в Каспийском море для ловли белуги. Представьте себе веревку длиной в несколько верст; на небольшом расстоянии друг от друга к этой веревке на коротеньких бечевках подвешиваются крючья и поплавки. Вот и весь ярус. На крючья для приманки насаживают мелкую рыбу: мойву или песчанку. Ярус при помощи грузил опускается на дно; поплавки слегка приподнимают его. Снасть выбирается в море вдали от берегов. При ней на якоре обычно стояла лодка, в которой ловцы дожидались результатов улова иногда по несколько суток... Наши русские промышленники употребляли для этой цели так называемые шняки, довольно тяжелые лодки, которые плохо ходят

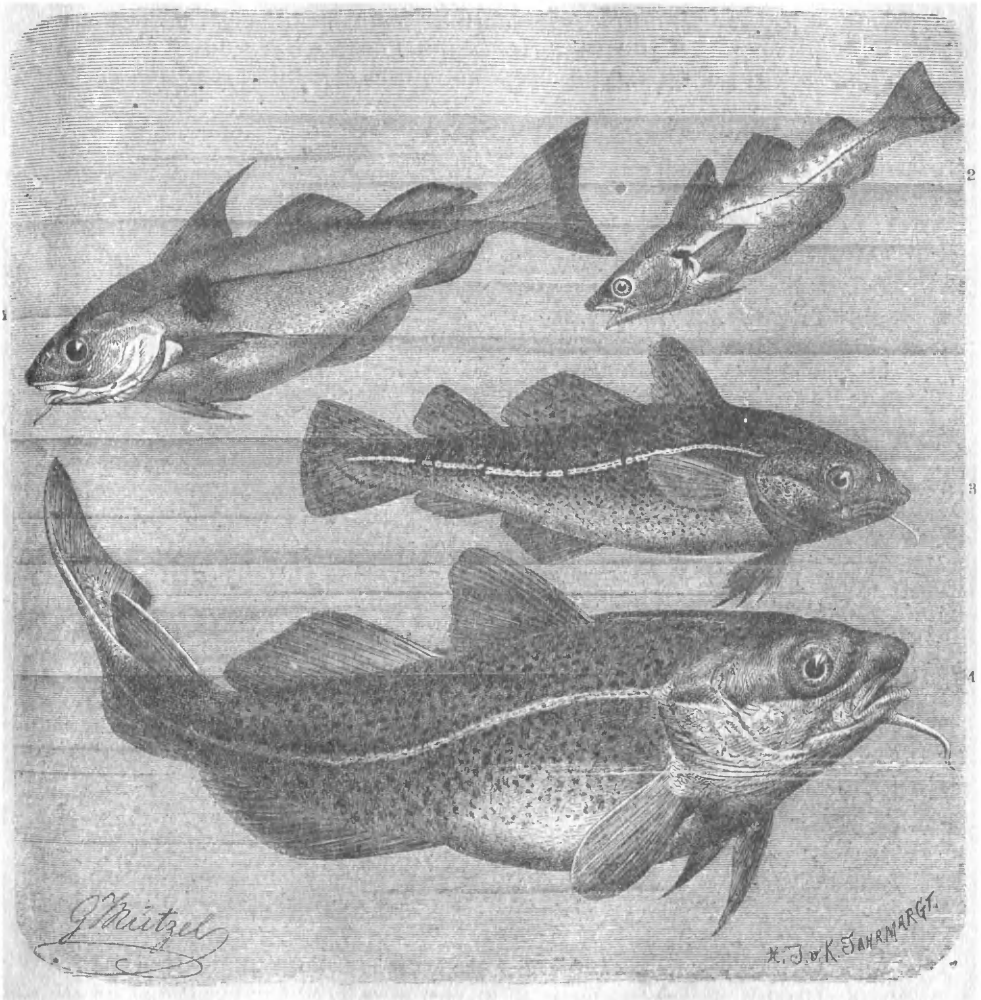
на веслах, и еще хуже парусом. Вот на этих-то шняках ловцы подчас и находили свою погибель.

Надо заметить, что всюду по Мурманскому берегу, как это много раз приходилось испытывать на себе и нашему клиперу, ветры отличаются поистине предательским характером. Наслаждаясь хорошей погодой, какая только возможна на Мурмане, вы плывете себе на парусном судне и думаете: „а Ледовитый океан не так страшен, как о нем говорят“. Вдруг, словно в опровержение ваших дум, свистя в вантах и обдавая вас солеными брызгами воды, налетает шторм. Паруса убираются, и ваше судно терпит аварию. Если такой неожиданный негаданный шторм застает ловцов на ярусе, им, конечно, не останется ничего другого, как спасать свои животы. Яруса бросаются на произвол судьбы, а ловцы направляются в ближайшую бухту, или просто к берегу, где вытаскивают шняку на сухую землю. Если ловцы успели уйти от разбушевавшейся стихии сами, они все-таки платятся ярусами: волна разбрасывает их или, во всяком случае, срывает значки, без которых трудно или невозможно отыскать оставленную снасть. Норвежские промышленники рыбачат на судах лучшей конструкции и больших размеров, на так называемых ёлах. Хотя шторм не щадит иногда и эти ёлы, все же случаи гибели бывают с ними реже, нежели со шняками. С другой стороны, на русском Мурмане, где очень мало бухточек, ёла неудобна в том отношении, что ее нельзя вытаскивать на берег: она и тяжела, и хрупка.

Кроме трески, на Мурмане промышленяют еще пикшу, рыбу очень похожую на треску, а также палтуса, очень крупную породу камбаловых рыб. Случается, что на треску, попавшуюся в ярус, в свою очередь, попадается акула. Русские промышленники считают ее поганой рыбой, главным образом, на том основании, что она, в отличие от большинства рыб, родит живых детей. Однако, жир акулы, почти бесцветный и прозрачный, как вода, здесь нередко употребляют в пищу, вместо масла. Часто на крючья ярусов попадается живность, непригодная ровно ни к чему. Иногда в наживку вцепляются морские звезды или крабы, которых тут же бросают в море, доставляя тем не мало удовольствия чайкам. Около каждой шняки обыкновенно держится несколько штук этих птиц. Особенно досаждают промышленникам скаты, эти плоские, как блин, колючие рыбы. В последнее время, как говорят, их стали есть и даже солить в прок как для собственного употребления, так и в продажу.

На Мурмане рыба ловится, главным образом, на наживку. Самый промысел распадается поэтому на две

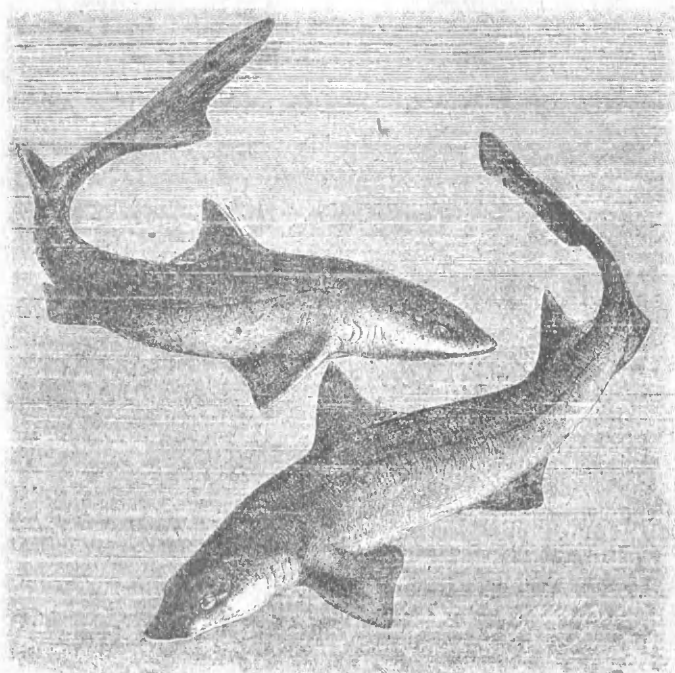
части. Сначала надо поймать мелкую рыбешку; затем уже можно приступить к самому промыслу. Поэтому улов промысловой рыбы прежде всего зависит от улова песчанки и мойвы. И та, и другая рыбешка боль-

Треска.
(*Gadus morrhua*).

шими стаями подходят для метания икры к песчаным берегам Мурмана, но это бывает в определенное время года, периодически. Случается, что наживка не является в том месте, где ее ждут, или подходит в незначительном количестве.

Лучше всего треска берется на мойву, которая вместе с тем составляет лакомую пищу китов. В мае месяце, когда эта рыбка, похожая на нашу корюшку, из глубины океана огромными стаями подходит к берегам, следом за ней являются и киты. Поэтому рыбопромышленники, ожидающие появления мойвы, внимательно наблюдают за тем, не покажется ли где в море белый столб пара, выброшенный из дувня морского исполина. Раз

Акула.
(*Carcharias glaucus*).

появились киты, значит, пора приступать и к лову мойвы. Таким образом, эти звери и промышленники являются в некотором роде конкурентами друг другу, так как охотятся за одной и той же рыбой. По мнению некоторых, конкуренция китов настолько опасна, что их во что бы то ни стало следует истребить. Они будто бы поедают мойву в огромном количестве и, что всего важнее, отпугивают ее от берега, тем самым лишая промышленников наживки. На этом основании один благодетельный иностранец сделал нашему правительству предложение, которое, по его словам, должно было осчастливить рыбо-

промышленников Мурмана. Он обещал в течение 15 лет уничтожить всех наших китов; в вознаграждение за эту услугу он просил некоторых, правда, очень солидных прав, например, права пользоваться казенным лесом, землей и проч.

Хотя это предложение носило все признаки беззастенчивого покушения на грабеж, однако, неизвестно, чем оно кончилось бы, если бы не наш знаток севера Сидоров. Он первый на всю Россию закричал „караул“. В своей книге „О китоловстве“ он указал, что киты сами по себе составляют такое богатство, уничтожение которого было бы безумием, тем более, что вред, причиняемый ими рыбопромышленности, существует только в фантазии иностранцев, которым нестерпимо хочется облагодетельствовать Россию. Сидоров добился, наконец, того, что над

64. Песчанка.
(*Ammodytes Tobianus*).

китами был наряжен настоящий суд, в котором роль прокурора играл упомянутый иностранец, а защитником выступил сам Сидоров.

Так как этот суд не располагал достаточными сведениями о проделках подсудимых, нашей экспедиции дали поручение: произвести по этому поводу тщательное дознание. Насколько позволили нам обстоятельства, в особенности, наш клипер, отличавшийся редкой способностью пятиться назад, мы произвели некоторое следствие. Повидимому, киты не пригоняют мойву, как думал Сидоров, но и не отпугивают ее от берегов, как в этом старался уверить наше правительство упомянутый иностранец. Она сама по себе подходит к берегу для метания икры, за ней являются киты, которые исчезают точно

также вслед за мойвой. Конечно, они поедают эту рыбу, но, при бесчисленном множестве ее, при ее огромной плодовитости, эти морские исполины, несмотря на свой аппетит, не в состоянии сколько-нибудь заметно уменьшить численность этой мелкой рыбешки. Мойва существует испокон веков, как испокон веков ловят ее и киты; но это нисколько не повело к исчезновению мойвы. Надо думать, что и теперь отношения этих двух обитателей моря друг к другу ни мало не изменились. Что же ка-

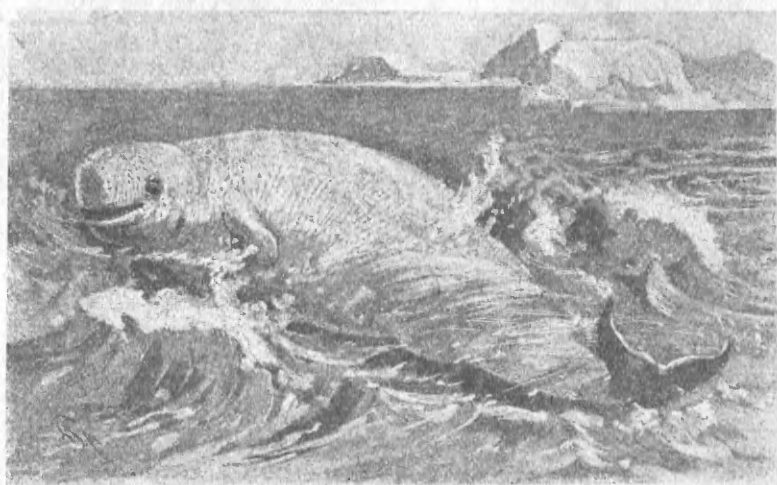

Пушка китобоя.

сается того, что киты сами по себе составляют богатство, об этом я думаю, и распространяться нет надобности.

Один такой зверь может дать жиру более, чем на одну тысячу рублей. В этом-то богатстве и скрывается секрет непреодолимого влечения иностранцев радеть о пользе России. Надо заметить, что угроза уничтожить всех китов в течение 15 лет могла быть исполнена с большим успехом. Кит, как выражаются мурманские рыбопромышленники, зверь смирный. Целыми стадами, не обнаруживая никакой боязни к людям, шныряет он у шняк; нередко он подплывает к самому борту лодки, но никогда не задевает ее. При такой доверчивости китов

охота на них не представляет больших трудностей, да и опасности, которым подвергались промышленники при старых способах боя, в настоящее время устранены. Вместо прежних гарпунов, бросаемых от руки, теперь употребляют пушки. Пушка устанавливается на носу парохода на особой подставке настолько подвижно, что стрелок очень легко может направлять ее одной рукой. Орудие заряжается гарпуном, конец которого привязывается к веревке. Внутри острия помещается граната, которая взрывается в то время, когда кит с гарпуном в теле натянет веревку. При таком способе убить кита не труднее, нежели подстрелить зайца.

Белуга.
(*Beluga leucas*).

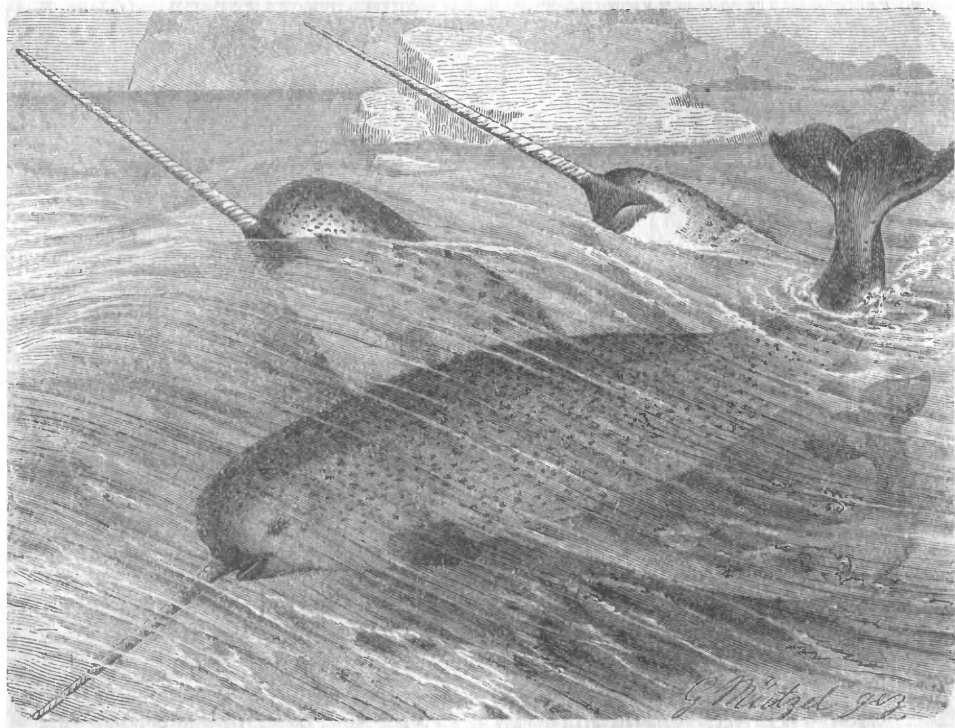
Убитого зверя пароход тащит на буксире к заводу, где его разделявают при помощи паровых машин.

Очень редко случается, что раненый кит уходит и умирает спустя некоторое время. Если счастливый случай натолкнет ловцов на такой труп, они зарабатывают на нем целый капитал.

Вдоль Мурманского берега не составляют редкости и другие китообразные животные. Чаще других попадает белуга. Это — крупный дельфин совершенно белого цвета, метров в шесть длиною. В Белом море белуг ловят, как рыбу, сетями, сплетенными из очень толстой пряжи. Значительно реже встречается нарвал или единорог, тоже китообразное животное с длинным прямым бивнем, направленным вперед; этим бивнем самцы же-

стоко дерутся друг с другом. Тюлени на лето откочевывают от Мурманского берега; поэтому мы видели их сравнительно реже. Весной же эти звери составляют здесь предмет большого промысла.

В Гаврилове север побаловал нас хорошою погодою. В течение нескольких дней подряд было тихо, ясно и настолько тепло, что на палубе можно было сидеть не только без полшубков, но и без пальто.

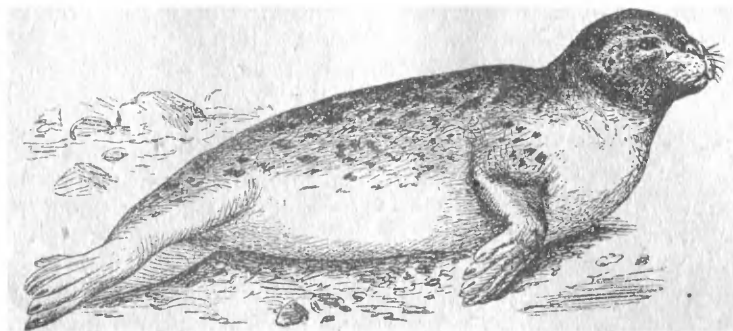

Нарвал.
(*Monodon monoceros.*)

Зато и наделали же мы дел за это время! Г. со своими сетями произвел настоящий погром среди морских ежей, звезд, моллюсков и других мелких животных Ледовитого океана.

Много диковинных существ сидело теперь в его банках. Больше других обращал на себя внимание рак-отшельник. В общем, он напоминает обыкновенного речного рака. Но его хвост совершенно мягок, как будто только что облинял. Чтобы рыбы не откусили этот мяг-

кий хвостик, отшельник прячет его в пустую раковину, завитую спирально. Впрочем, раковина обыкновенно бывает настолько велика, что, в случае надобности, туда может спрятаться весь рак. Отшельник таскает этот

Тюлени.
(*Phoca groenlandica*).

груз с такой легкостью, как будто раковина составляет часть его тела. Раковина держится крепко. Для этого рак заворачивает в ее спиральный завиток кончик своего хвоста, который поэтому имеет форму штопора. Когда грозит опасность, отшельник залезает в полость рако-

вины, прикрывая отверстие ее одной большой клешней, словно крышкой; другая клешня у него значительно меньше. Чтобы добыть себе дом, отшельник выбирает одну из пустых раковин; или же выживает из какой-нибудь раковины ее настоящего хозяина, — моллюска. Для этого он запускает в отверстие раковины свою клешню, схватывает моллюска и, без всяких церемоний, вытаскивает его, а иногда еще и съедает; сам же поселяется в чужом доме. Когда рак

вырастет, так что прежнее помещение окажется тесным, он повторяет ту же операцию с другим, более крупным моллюском.

Очень часто отшельник сажает на свою раковину небольшое, довольно странное животное, называемое актинией или морской розой. Представьте себе мясистую тумбочку, на верхней площадке которой, как раз в центре, находится отверстие. Тумбочка эта — актиния, а отверстие — ее рот. Вокруг рта расположен целый венец щупалец, при содействии которых животное ловит проплывающую мимо добычу и отправляет ее в рот. Щупальца нередко имеют яркую окраску: иногда они голубые, иногда розовые; по своей форме они напоминают лепестки цветка, почему и вся актиния очень походит на цветок. В теле этого удивительного животного скрыты спирально закрученные нити, которые могут моментально раскручиваться, если того пожелает морская роза. Нити жгутся, как крапива, и потому отлично защищают актинию от всевозможных врагов.

Рак-отшельник и актиния.

Встретивши актинию, отшельник сажает ее на свою раковину. Это значит: отныне заключен союз, чрезвычайно выгодный для обоих животных. Морская роза своими нитями защищает рака от нападения различных хищников.

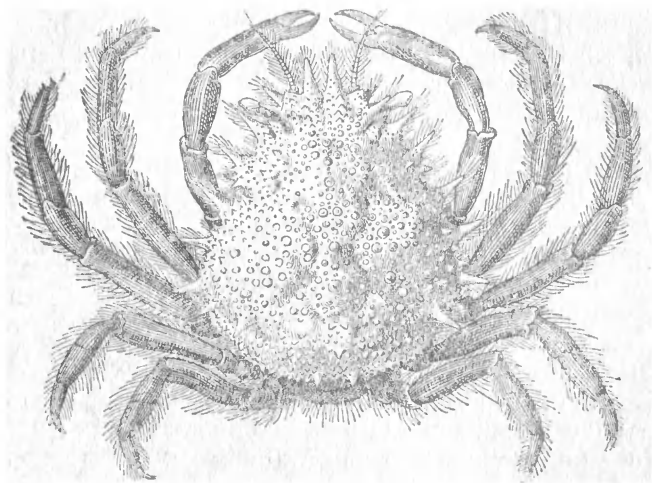
Встретивши актинию, отшельник сажает ее на свою раковину. Это значит: отныне заключен союз, чрезвычайно выгодный для обоих животных. Морская роза своими нитями защищает рака от нападения различных хищников.

Отшельник же, в свою очередь, переносит ее с места на место. Обыкновенно актинии сидят, прикрепленные к камню; при этом приходится довольствоваться той пищей, которая сама приплывает к их рту. Этого не всегда достаточно. Положение дел сразу меняется, как только актиния помещается на раковине отшельника: ее союзник суетлив и постоянно ползает по дну; ее постоянно омывают новые струи, несущие обильную добычу. Неудивительно, что оба животных дорожат таким удобным союзом. По крайней мере, отшельник очень привязан к своей подруге. Это видно из тех усилий, с какими он старается вернуть к себе актинию, если разлучить их. Попробуйте вытащить отшельника из его раковины и завяжите отверстие ее тряпочкой. Отшельник станет употреблять всевозможные усилия, чтобы прорвать тряпочку и вернуться в раковину, на которой сидит его союзница. Кругом валяются такие же раковины; почему бы не поместиться в одной из них? Нет, отшельнику нужна прежняя раковина, он не хочет расстаться с актинией. Наконец, бедному раку становится ясной бесплодность его усилий. Тогда он залезает в одну из пустых раковин. Но это не значит, что он бросил свою подругу. Он отправляется к прежнему дому, снимает клешней актинию и переносит ее на свое новое помещение. Такое сожительство между двумя разнородными организмами, выгодное для обеих сторон, носит в науке название симбиоза.

Не менее любопытно другое животное из того же класса ракообразных: я имею в виду обыкновенного краба. Любая из десяти ног краба может отделиться от тела, по желанию животного; впоследствии на месте отломившейся ноги вырастает новая. Эта способность самопроизвольно отделять те или другие члены называется автотомией. Она очень полезна для краба, так как часто спасает его от смерти. Его ноги торчат вокруг туловища во все стороны. Рыбе, которая пожелала бы съесть краба, приходится иметь дело, прежде всего, с ногами. Вот она схватила его за одну из ног. Краб быстро отламывает схваченную конечность и спасается бегством. Конечно, неприятно терять ногу. Но ведь она скоро вырастет; между тем жизнь на этот раз спасена. Если осторожно, не причиняя боли, взять краба за одну из лапок, он начинает топорщиться, стараясь освободить застрявшую конечность, однако, не прибегает к самопроизвольной ампутации. Но стоит только причинить ноге боль, например, ущипнуть ее кончик, или отстричь его ножницами, краб мгновенно отбрасывает ее. Замечательно, что в месте излома никогда не бывает кровотечения. Это происходит вследствие того, что мускулы в этом месте вздуваются и совершенно за-

крывают отверстие известковой трубочки, составляющей каждый членик ноги.

Той же способностью к автотомии обладают морские звезды. Достаточно взять морскую звезду настолько грубо, чтобы она это почувствовала, и схваченный луч мгновенно отламывается. Если продолжить этот опыт, морская звезда может отделить все пять лучей. Замечательно, что каждый из них впоследствии превращается в новую звезду. Сначала при основании отломленного луча появляется кружок; потом из кружка вырастают все остальные отростки. Насколько часто морские звезды пользуются своей удивительной способностью отделять

Краб „мая“.
(*Майя*).

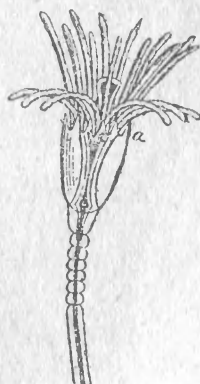
лучи, видно из того, что среди пойманных нами нескольких десятков звезд не было ни одной, у которой все лучи были бы совершенно одинаковой величины: один или два непременно короче остальных. Очевидно, они были отломлены и еще не успели отрасти окончательно.

При помощи драги Г. добыл со дна морского не мало гидроидов. Эти удивительные животные похожи на растения. По внешнему виду это — настоящий кустик, растущий на подводном камешке: такие же, как у растения, корешки; такие же веточки; на этих веточках вы замечаете нечто вроде цветов. На самом же деле, гидроид — настоящее животное, или, вернее, колония из множества животных, связанных друг с другом одним общим скелетом, который имеет вид кустика. Цветочки это — отдельные животные. По форме каждый из них очень походит на

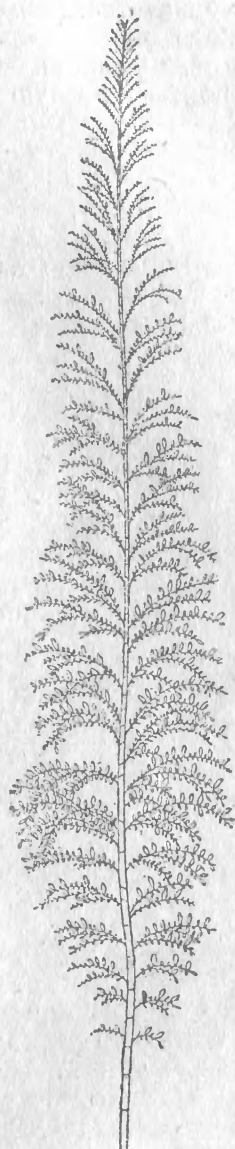
крошечную рюмочку, на краях которой сидят щупальца. Щупальца эти ловят проплывающую мимо добычу и отправляют ее в полость рюмочки, где пища переваривается.

Есть еще животное, колонии которого имеют форму ветвистого кустика, но только жесткого, составленного из блестящей белой извести. Это — некоторые породы мшанок. Отдельные животные, сидящие на таком твердом общем скелете, устроены сложнее, нежели у гидроидов: у мшанок имеется рот, окруженный венцом щупалец, затем желудок, кишечный канал и некоторые другие органы, свойственные высшим животным.

Немало поживы нашел неутомимый Г. на берегу моря, среди прибрежных скал и камней, грудями валяющихся на песчаных отмелях. Здесь особенно поражаало несметное множество ракушек, называемых съедобными; во многих местах их употребляют в пищу. На протяжении нескольких километров подводные скалы были сплошь усеяны массами этих моллюсков, плотно прикрепившихся к камню при помощи особых нитей. Как большинство моллюсков с двустворчатой раковиной, съедобные ракушки цедят сквозь себя воду и вместе с водой втягивают мелких животных, служащих моллюскам пищей. Сколько же должно быть этих животных для того, чтобы прокормить мириады крупных, длинной приблизительно с палец, ракушек?

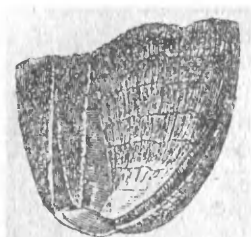
Гидрант или отдельная чашечка гидроида.
(*Campanularia Johnstoni*).

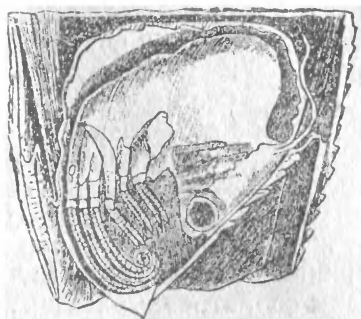
Женская колония гидроида.
(*Sertularia cupresoides*).

Той же пищей живут морские жолуди, которые местами покрывают прибрежные скалы тоже в изрядном

количестве. Морских жолудей относят к ракообразным, хотя по внешнему виду они походят скорее на моллюсков. Тело их спрятано в раковине, напоминающей по форме круглую юрту или чум самоеда. В такой рако-

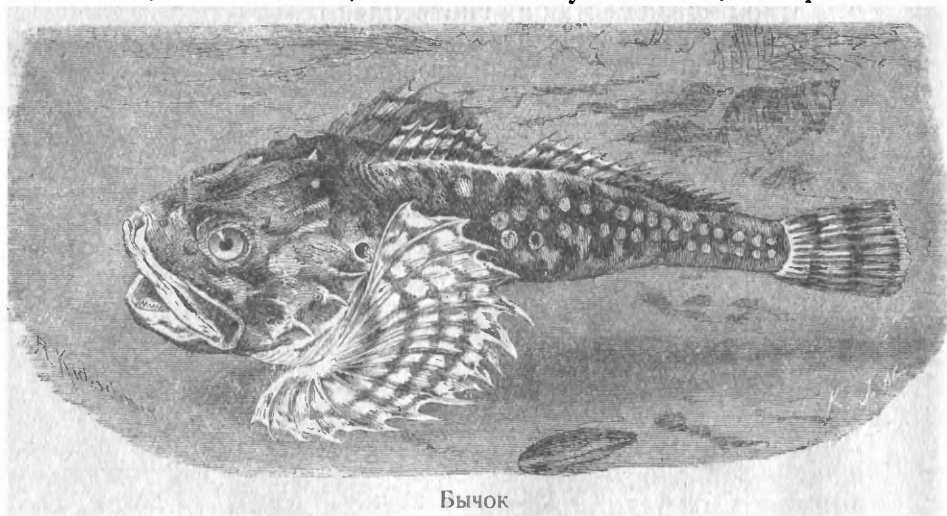

Морской жолудь
(*Balanus*).

Морской жолудь
в разрезе.

вине, плотно прикрепленной к камню, вниз головой, сидит маленький рачок, выставляющий из отверстия своего помещения длинные, похожие на усы ножки, которые и

Бычок
(*Cottus scorpius*).

захватывают все, что проплывает мимо и что пригодно в качестве пищи. Иногда морские жолуди прикреплены к скале на такой высоте над поверхностью моря, что вода не доходит до них даже во время самого высокого прилива; здесь они довольствуются только той влагой, которую снабжают их брызги морского прибоя.

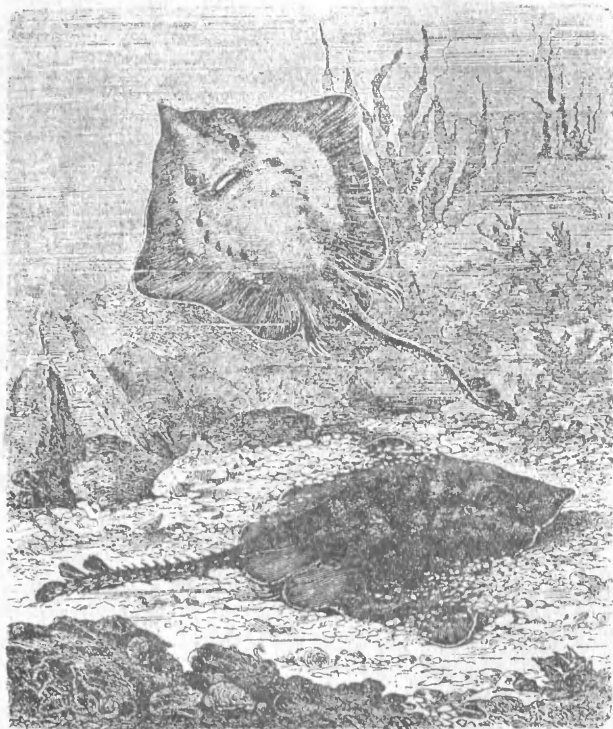
В то время, когда Г опустошал дно Ледовитого океана, мы также не сидели без дела. Даже наш зук Николка не отставал от прочих по части исследования природы. Он по целым дням сидел на палубе клипера и удил рыбу. На его удочку попадались по большей части

Прилипало (*Cyclopterus lumpus*).

бычки, колючие головастые рыбы, прямо с крючка переходившие в наши банки со спиртом. Какими-то судьбами добывал он прилипал или, по местному, пинагоров, толстых рыб с присоском на груди. Не мало наловил Николка и мелких камбалок, поступавших с крючка по большей части в кухню нашего старого кока. Странные рыбы эти камбалки. Из их икринки выклеваются

малек, ничем особенным не отличающийся. Как у всех рыб, тело его симметрично и глаза расположены по обеим сторонам головы. Но по мере роста малек начинает искривляться: у одних пород камбалы на левую сторону, у других на правую. На эту сторону переходит противоположный глаз, так что у вполне сформированной рыбы оба глаза помещаются или на правой половине головы,

Скаты
(*Raja clavata*).

или на левой. После такого искривления камбала начинает плавать боком, безглазой стороной вниз. Противоположная сторона, обращенная вверх, бывает окрашена под цвет песка морского дна, так что, когда плоская, как блин, рыба лежит на дне неподвижно, ее невозможно различить даже на очень близком расстоянии.

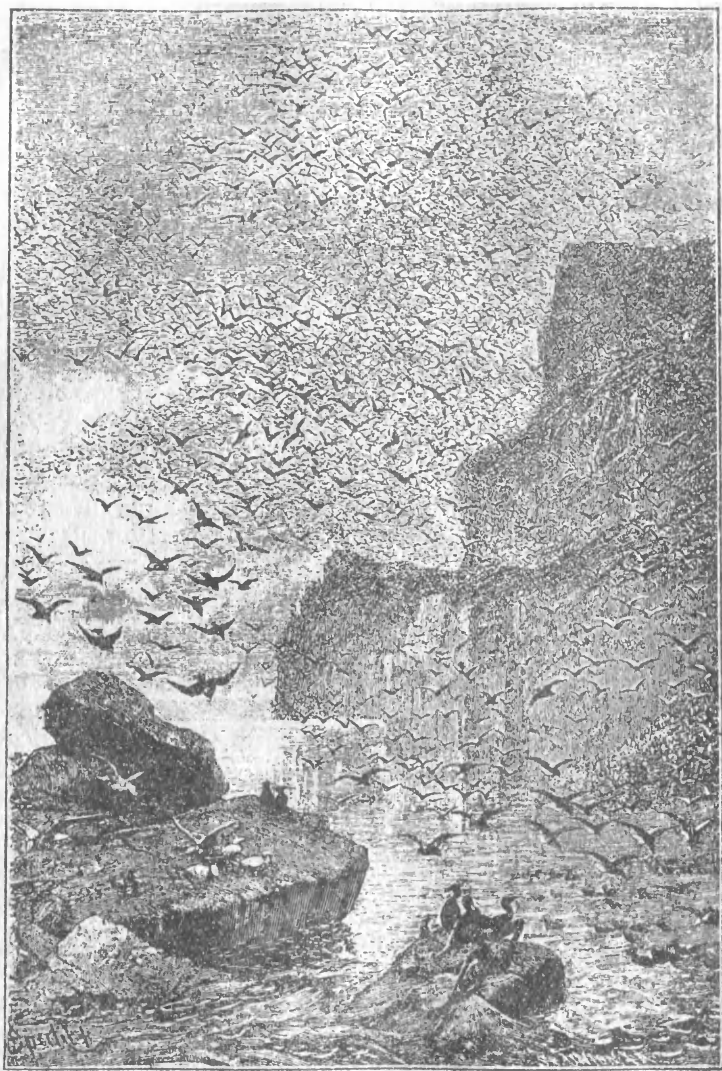
Такую же плоскую блинообразную форму имеют скаты, которых не раз поддевал своей удочкой Николка. Но их тело не искривлено и плавают они не на боку, а, как все другие рыбы, животом вниз. Тело ската как будто

приплюснуто, так что спина и живот представляют широкую плоскую поверхность, а бока приняли вид острого края. В то время как большинство других рыб размножаются икрой, скаты так же, как и некоторые акулы, несут яйца. Правда, эти яйца имеют четырехугольную форму, с закрученными нитями на углах, но они покрыты толстой роговой скорлупой и по размерам не уступают яйцам птиц. У рыбы, величиной с тарелку, они бывают немного разве короче мизинца.

Недалеко от входа в Гавриловскую бухту находится крошечный скалистый островок, Гусинец. На нем имеются птичьи горы, одна из самых замечательных особенностей животной жизни полярных морей. Мурманские поморы называют такие горы базарами, и, действительно, это настоящий птичий базар, или даже ярмарка. Представьте себе большую скалу, отвесно, в виде стены спускающуюся в море. На узких выступах этой стены от самой вершины почти до поверхности воды длинными рядами, словно солдаты, вытянувшись в струнку, сидят птицы. Это гагарки и кайры. Тут же над бушующим прибоем в таком же множестве носятся чайки. Такова картина „базара“, если смотреть на него издали. Вблизи наблюдателя положительно оглушает страшный содом, который поднимает птичье население колонии с появлением человека или другого опасного для птиц существа. Для первого знакомства я забрался на самую верхушку Гусинца с пологой его стороны и, подойдя к обрыву, лег на землю. Затем, пододвинувшись к самому краю его, я выставил голову над пропастью. С грохотом разбиваясь о каменную стену, внизу пенился прибой. На выступах скалы, блестя своими белоснежными брюшками, сидели гагарки и кайры; в стороне от них, прикрывая своими телами огромные камни, держались стада чаек. В колонии царили мир и спокойствие. Как раз подо мной на расстоянии трех-четырёх метров на узком карнизе лепились несколько кайр. Они заметили мою голову и с любопытством стали разглядывать этот неожиданно явившийся предмет. Одна самка, то и дело озираясь в мою сторону, с видимым волнением поправляла своего единственного детеныша. Когда я стал бросать в нее камешки, она пыталась схватить их клювом, если какой-нибудь пролетал слишком близко.

Стрелять с вершины* скалы было бесполезно, потому что убитые птицы падали бы в море. Поэтому, сделав обход, я спустился к подножию горы в том месте, где отвесная стена пересекалась ущельем. По бокам его точно также гнездились птицы. Вот здесь-то началось настоящее вавилонское столпотворение. Еще когда я только что

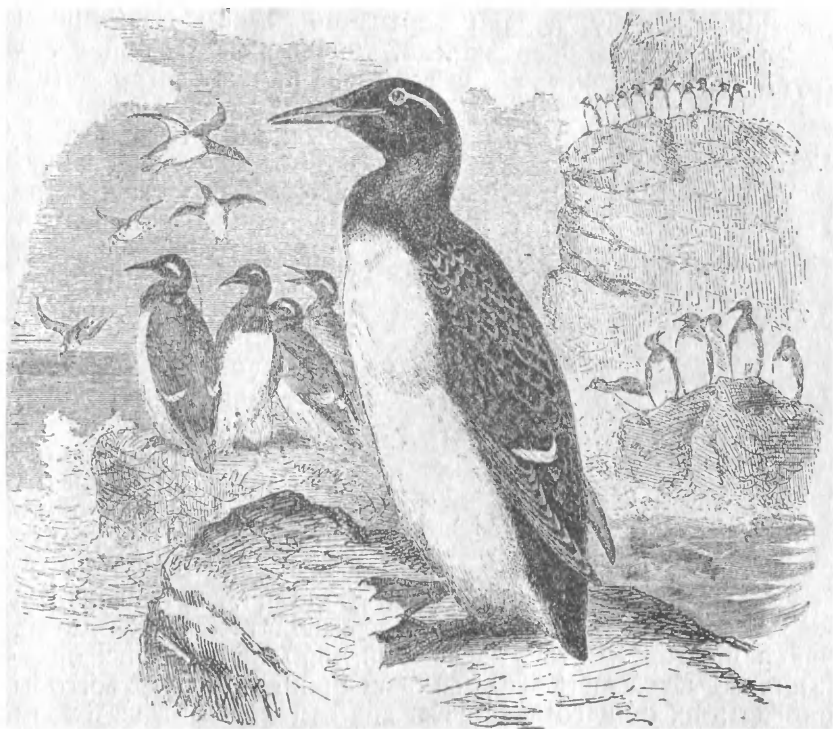
начал пробираться по дну ущелья ближе к морю, меня заметили чайки. Дружно, словно пернатая армия, повиная одному начальнику, с криком и визгом броси-

Птичьи горы. — Гревгоа.

лись они на врага. Целой тучей, заслоняя своими крыльями небо, вились они над моей головой; по временам то та то другая вырывалась из общей стаи и с яростью броса-

лась ко мне, пытаясь долбануть меня клювом или выпачкать пометом. После первого выстрела чайки метнулись в сторону, крик их на мгновение замолк, а из-за угла ущелья появились новые тучи потревоженных птиц, не участвовавших в сражении. То были по большей части гагарки и кайры. Не прошло секунды, как армия чаек снова окружила меня и с удвоенной яростью пыталась нанести мне увечье. При этом поднялся такой содом, что

• Кайры
(*Uria troile*).

рева прибоя уже как бы не существовало: он совершенно заглушался птичьими криками. Мало того, когда, в виде опыта, я закричал так громко, как только мог, то не услышал собственного голоса. От множества резких криков, то похожих на плач ребенка, то напоминающих хохот взрослого человека, или хрюканье свиньи, в воздухе стоял настоящий стон. Следующие выстрелы уже не производили никакого особого впечатления на птиц. Убитые чайки падали к моим ногам, кайры валились к подножию стены, а натиск птичьей армии и всеобщий содом нисколько

не ослабевали в своей силе. Особенно поражали своим каким-то необычайным для диких птиц бесстрашием гагарки и кайры. Несмотря на мою пальбу, они преспокойно сидели на своих карнизах не далее, как в двух десятках шагов от меня. Когда я расстрелял все патроны крупной дробы и стал палить в кайр бекасинником, то те самые птицы, которых я обдавал этой самой мелкой и по большей части безвредной для них дробью, как ни в чем не бывало, сидели себе на своих гнездах. Сердито хрюкая, они только отряхивались от дробы, или, если она попадала им в голову, падали мертвыми. Таким поведением гагарки и кайры обнаруживали, конечно, не что иное, как глупость, но в действиях чаек нельзя не видеть героизма,

Поморник
(*Lestris catarrhactes*).

в самом возвышенном смысле этого слова. В самом деле, чайки прекрасно знают, что за скверное животное человек, да еще человек, вооруженный ружьем. Попробуйте подойти к ним, когда они парами или в одиночку вдали от колонии сидят на берегу моря, и вы увидите, что чайка не подпустит вас близко: она улетит раньше, чем вы подойдете к ней на расстояние выстрела. Но тут, в этой колонии, где тысячи птиц выводят своих детей,

чайки преображаются. Здесь они, вполне сознавая опасность, забывая чувство самосохранения, идут на смерть, чтобы прогнать их общего врага. Каждая отдельная птица в этом случае защищает не себя и даже не детей своих, так как ее собственное гнездо может находиться где-нибудь поодаль на недоступной скале: она охраняет всю колонию вообще и ради этих общественных интересов жертвует жизнью. Чем отличается такой поступок от подвига, совершаемого человеком? Поступать так, а не иначе, вынуждает чаек всесильный инстинкт сохранения собственной породы. Какой смысл,—возразите вы,—в таком инстинкте, который гонит птиц на смерть под выстрелы, нисколько не помогая делу защиты колонии. Ведь человека, в особенности, вооруженного, чайки прогнать не в состоянии, стало быть, они совершенно бесполезно жертвуют жизнью. Конечно, их образ жизни и повадки не рассчитаны на

человека; притом едва ли какой инстинкт может охранить животных от всесокрушающей деятельности этого царя земли; но посмотрите, какие плоды приносит самоотверженное поведение чаек, когда в их колонии появится хищник четвероногий или пернатый, лисица, например, или орел. „Убраться бы только по добру по здорову!“— вот что подумает этот хищник, если его случайно занесет судьба в это птичье государство. Вон летит орлан-белохвост, тот самый орлан, который без всякого труда бьет гагарок и кайр, если он встретит кого-нибудь из них в одиночку. А посмотрите, какой делает он крюк для того, чтобы быть подальше от колонии. Он знает, что там же живут и чайки, а с ними шутки плохи. Замечательно, что чайки той же самой породы, которая обнаруживает настоящее геройство при защите колонии, совершенно не умеют, как будто не желают вовсе отстаивать свои личные интересы.

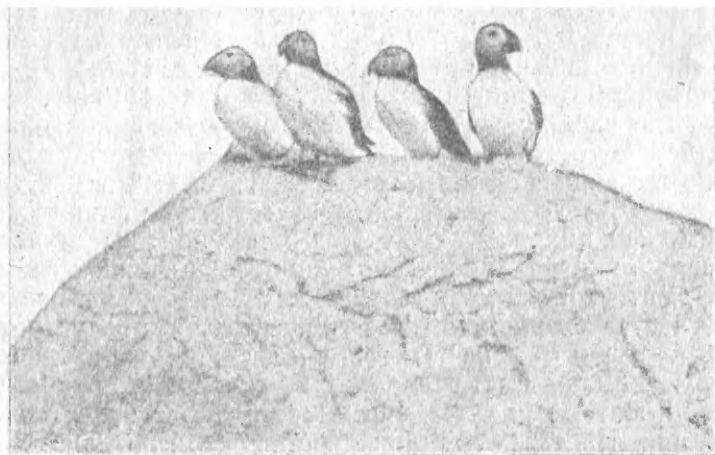
Отойдем немного в сторону от птичьей горы в то место, где чайки ловят добычу. Вот одна выхватила из воды какую-то живность и собирается ее съесть. Вдруг из-за ближайшей скалы вывертывается поморник, или, по местному, доводчик, птица немногим больше самой чайки, очень похожая на нее, но только приспособившаяся специально к разбойническому образу жизни. Завидев свою жертву, поморник тотчас же устремляется за ней. Чайка пытается улететь, но тот неотступно преследует ее, щиплет, пока она не выбросит из клюва свою добычу, которую и подхватывает на-лету пернатый разбойник. Тут же носятся в воздухе еще десятка два чаек: стоило бы двум или трем из них присоединиться к преследуемой подруге, и они сообща могли бы прогнать поморника, но они не обращают никакого внимания на этот открытый разбой. „Это, дескать, дело частное и не касается общественных интересов“.

На Гусинце мне посчастливилось добыть одного топорика, или морского попугая. Это—одна из полярных птиц, которые часто попадают по Мурманскому берегу близ границы Норвегии, но на восток от этой границы залетают очень редко.

Насколько оживлен был берег моря, настолько же пустынна и безжизненна суша. Иной раз за целый день встретишь одну—две шеврицы или несколько альпийских жаворонков. Только на небольших озерах всегда можно было застать семью гагар, издающих свой нелепый заунывный крик, похожий на ржание. Частенько попадались также золотистые ржанки и плавунчики, кулички, величиной с воробья, но плавающие и ныряющие, как утка. На эти же озера изредка залетают одиночные

чайки и их вечный враг поморник, никогда не упускающий случая ограбить свою слабосильную сестру.

Странно, что нам так редко попадались лемминги или пеструшки, крошечные и пушистые, как комки ваты, пестрые зверки. Мы находили их на тундре по большей части мертвыми, умершими, повидимому, от какой-то болезни. Между тем эти самые пеструшки иногда собираются в Лапландии бесчисленными полчищами и совершают тогда свои загадочные переселения, переплывая по пути реки и озера и двигаясь или из средины Лапландии к берегу моря, или обратно. Кречеты, вороны и даже крупные чайки следуют за этими зверками и истребляют их во множестве.

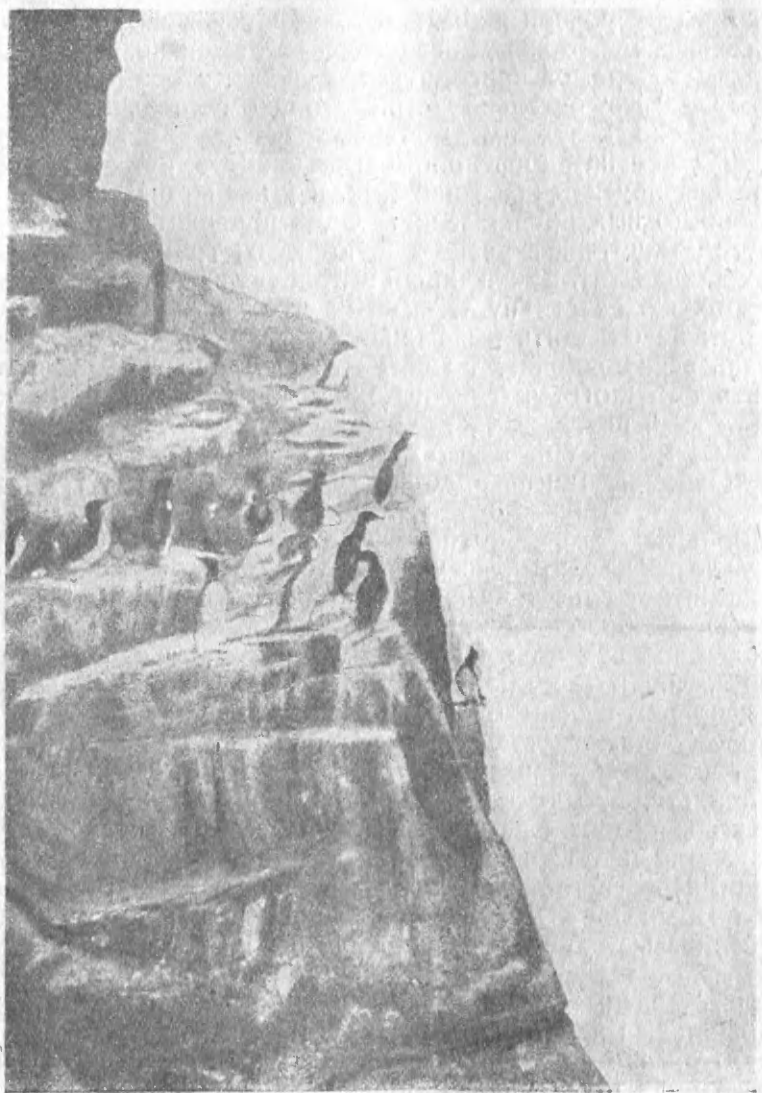
Топорики
(*Mormon fratercula*).
С фотографии Kearton'a.

21-го июля в Гаврилово пришел пассажирский пароход, на котором Б. уехал в Норвегию, в Вадсе, чтобы произвести там дознание по делу о китах на китовом заводе, а 24-го, пользуясь попутным ветром, вышли в море и мы на своем клипере. В этот день ветер положительно раскапризничался. Он то стихал то становился противным, то снова надувал паруса нашего судна; наконец, близ самой Териберки, до которой от Гаврилова около 30 верст, опять зловеще затих. Мы уже принялись за устройство сюрприза капризной стихии, потащили было клипер на

буксире, но она сдалась и сама донесла нас до Териберской губы. Верстах в пяти от входа в залив, при впадении в него речки находится становище Териберка, близ которого мы и бросили якорь. В становище имеется церковь и, сверх нашего ожидания, оказалась лавка; но в ней один только товар мог пригодиться для нас: это были мятные пряники; все остальное было слишком специально приспособлено к нуждам рыболовов. Скоро население проведало, что на вновь прибывшем клипере покупают всякую всячину из мира животных, и у нас не было отбоя от всевозможных предложений. Один привозит гагачий пух, другой ташит на веревке живую акулу, третий — пару живых диких утят, а мальчишки пытались превратить в деньги по большей части пустые, ни на что не годные ракушки. Чтобы не охладить пыла наших сотрудников, мы сначала брали всякую дрянь, но затем этой дряни нам стали таскать так много, что по необходимости пришлось делать некоторый выбор.

В нескольких верстах от устья Териберки имеется довольно солидный водопад, или, по местному, падун, куда мы и отправились на лодке. Здесь мы посмотрели на лов лососей, которым занимается колонист, подивились рыбам, которые ухитряются вспрыгивать на водопад, метров в шесть вышиной; подивились и самому колонисту, добровольно обрекшему себя на жизнь в этой обиженной судьбою местности. Впрочем, по словам колониста, живется ему недурно. Лососи дают хороший доход; подспорьем служат овцы и северные олени; а на суровую природу окрестностей можно не обращать внимания, раз есть достаток. Единственно, что досаждаст Териберскому колонисту, это тоскливые зимние ночи, когда в течение нескольких суток не восходит солнце. Как везде на Мурмане, так и в Териберке море во много раз оживленнее суши. По берегам реки хотя и попадался легкий березняк, но он был почти совершенно лишен животного населения. В заливе же во множестве жили чайки, гаги, бакланы и другие морские птицы. К нашему неудовольствию, мы были стеснены в своих охотничьих похождениях: ловцы просили нас не стрелять близ губы, так как гром выстрелов отпугивает песчанку, которая ловится тут же в заливе. Поэтому мы с Х. очень обрадовались, когда нам сообщили, что верстах в 15 от становища промышленники приволокли в маленькую бухточку кита, который был найден мертвым в море. Прежде чем притянуть его к берегу, до десяти человек ловцов на двух шняках бились с ним целые сутки без пищи и воды. В бухточку мы прибыли на шняке с рабочими, которые вызваны были сюда на помощь. Почти за версту сильный запах разлагающе-

гося трупа свидетельствовал о том, что кит близко; с каждым взмахом весел шняки вонь становилась несноснее,

Птичьи горы с кайрами.
С фотографии Kearton'a.

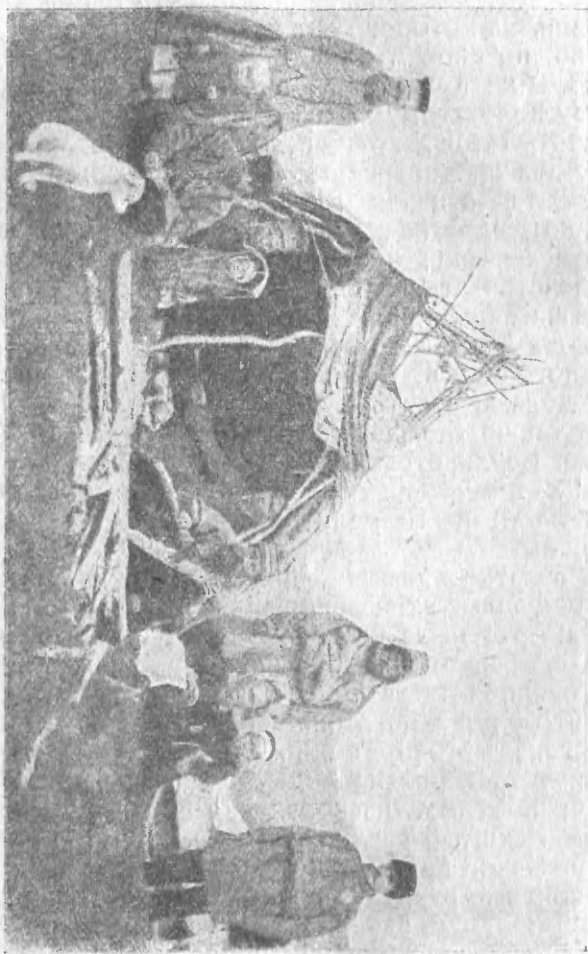
однако около самого трупа, к нашему удовольствию, она чувствовалась не так сильно. Мы приехали как раз в разгар отлива, когда обмелевший кит лежал на сухом берегу.

Вот уж поистине чудо-юдо! Одиннадцать сажень в длину, это значит, на три сажени длинней нашего клипера; а он, как никак, хоть и плохое, а все же морское судно. Шняки, которые стояли рядом, в сравнении с этим мертвым исполином казались крошечными челноками. Хвостовой плавник, если его поставить ребром, равнялся высоте двух взрослых человек. Кит лежал на спине, так что мы не могли видеть его дувня, из которого он когда-то выпускал белые столбы пара; но, по словам ловцов, чрез этот дувень, т.-е. чрез ноздрю, может свободно протискаться человек. По отвислому полосатому животу зверя, словно по днищу перевернутого судна, ходили ловцы и ножами на длинных палках делали поперечные надрезы кожи и жира в виде полос. Затем зацепляли крюком за одну из полос, и в то время, когда другие рабочие, остававшиеся на земле, тянули воротом веревку, привязанную к крюку, ножи продолжали действовать, отделяя жир от мяса. Таким образом с кита снимали поперечные полосы жира, шириной с ковровую дорожку и толщиной от 10 до 30 сантим. 500 пудов одного сала надеялись получить с этого кита. Сколько же он должен весить весь целиком! Только океан может носить такую громаду и только он один может прокормить ее. Неудивительно, что киты, севшие на мель,—а это бывает с ними нередко,—умирают очень скоро, хотя и дышат легкими. На мели они давят себя своим собственным весом.

В палатке промышленников мы прожили почти три дня. Радужные ловцы кормили нас тем, что ели сами. Но увы!—это была настоящая мурманская пища: соленая треска с ее нестерпимым запахом. Замечательно, что поморы предпочитают соленую треску свежей именно потому, что она пахнет, или, вернее говоря, воняет. „С душком скуснее“—говорят они. Но мы с Х., не будучи архангельскими гастрономами, держались на этот счет особого мнения; поэтому, насколько было возможно, избегали душака. Какими-то судьбами Х. захватил с собой с клипера гречневой крупы, и вот, пока ловцы возились с китом, мы принялись варить кашу. Признаться, никому из нас еще не приходилось собственноручно готовить это национальное блюдо, однако после недолгого обсуждения мы решили, что дело это не отличается замысловатостью. Надо только иметь в виду, что крупа в воде разбухает, поэтому ее следует насыпать не до краев горшка; на основании этих соображений мы и насыпали только несколько более половины его. Налили воды, развели костер, варим. Вскоре, однако, мы убедились, что одних теоретических соображений, даже верно построенных, слишком мало для того, чтобы сварить кашу. Вода вдруг куда-то исчезла, а

крупa вспучилась и начала ползти из горшка в огонь. Мы сняли вспучившийся бугор, прибавили воды, но прежняя история повторилась снова: крупa опять ползет на землю. Так бились мы с кашей очень долго; крупa оставалась крупой, только влажной и горячей, а каши не получалось.

Лопари
Кольского уезда.
С фотографии.

Наконец мы бросили всякую надежду добиться удовлетворительных результатов и стали есть крупу.

„А масло у вас есть?“ спросил подошедший как раз к этому моменту ловец. „Нет“, отвечаем мы. „Ну, вот вам и масло“, сказал он, подавая бутылку с тресковым жиром; „мы завсегда с ним едим кашу“. Х. поглядел на меня, я поглядел на Х., помялись немного, однако решили

попробовать. Сперва налили ложку; ничего, наша каша сделалась положительно вкуснее. Прибавили еще и еще, и таким образом мы извели четверть бутылки жира, а горшок очистили до дна. Да здравствует треска и тресковое масло!

Здесь же около кита мы видели другую достопримечательность Лапландии: лопарей, мужа и жену, завернувших к нам в лагерь после поисков за своими оленями. Муж вел на веревке оленя, навьюченного скудным имуществом, а за женой, тоже на веревке, бежала маленькая собачонка. В таком виде бродит эта пара по целым неделям, отыскивая свое стадо; ночует, где придется, расставив парусиновый тент, питается... впрочем, не знаю, чем они питались, на олене у них не было ничего подходящего для этой цели; может быть,—молоком того же оленя. Суровая и холодная природа родины лопарей кладет на них отпечаток забитости. Они малы ростом, слабы, скромны, даже боязливы, говорят мало и тихо и в высшей степени нетребовательны, хотя довольно чистоплотны. Какой контраст между этим вымирающим племенем и русскими поморами, этими рослыми силачами, смелыми и веселыми, при случае готовыми кутнуть и на шуметь на весь Ледовитый океан! Слегка выдающиеся скулы и чуть-чуть наискось прорезанные глаза обличают в лопарях монгольское происхождение. Но наша знакомая, еще очень молодая лопарка, была положительно миловидна. В своей короткой расцвеченной юбке, в башмаках, надетых на шерстяные чулки, со своими крошечными руками и ногами, вся чистенькая, она напоминала опереточную героиню. Казалось, это была Перикола, странствующая со своим Пикилло, но только у Пикилло вместо гитары за плечами висел аркан, который он очень ловко умел набрасывать на рога оленей.

От кита, закинув ружья за спину, мы отправились в Териберку пешком. Неясная тропинка ведет через горы, местами спускаясь в тундристые долины, местами поднимаясь на вершины маленьких хребтов. Вот она настоящая Лапландия, эта обиженная судьбою страна! Что за унылая, тоску наводящая природа! Серое небо, осенний воздух, кругом скалы и скалы, местами голые, местами покрытые вороницей, или пятнами снега. Тихо и пустынно, птиц никаких нет и насекомых, не слышно даже писка комаров, которых так много на тундре и которым нечего делать в безжизненных скалах. Под защитой гор не слышно и рёва моря; один ветер уныло гудит в дуле ружья, меняя тоны на поворотах тропинки. При одной мысли о возможности заплутаться в этой стране камня становится жутко, и ноги сами собой начинают шагать быстрее. Мы

идем и идем. Вот поднялись мы на вершину хребта, откуда видно море. Влево от нас горы и горы, беспорядочно разбросанные, однообразные, дикие; вправо — океан, холодный и суровый. Но там ключом бьет богатая и разнообразная жизнь, в то время как здесь царит вечная и безнадежная смерть. На зеленом просторе моря, там и и здесь, словно щепки, плавают ловецкие шняки, два-три паруса белеют на горизонте, а вырывающийся из-за камней ветер по временам доносит до нас отдаленный шум морского прибоя.

На клипере нас поджидали М. и Г., которым, как и нам с Х., порядочно надоела Териберка. Поэтому при первом попутном ветре мы снялись с якоря, рассчитывая плыть далее вдоль Мурмана на Цип-Паволок. Это было 9 августа. Но не успели мы дойти до выхода из губы, как ветер сменился на противный, и мы принуждены были вернуться. Благодаря встречному течению клипер не мог даже доползти до прежней стоянки и потому бросил якорь в ближайшей довольно неудобной бухте Териберской губы. Только что прозвенела цепь якоря, как ветер превратился в такой шторм, какого мы не испытывали ни раньше ни после во все это путешествие. Снасти гудели, мачты гнулись, а сам клипер качался, как в открытом море. Крутые волны, избороздившие поверхность губы, с яростью разбивались о прибрежные камни; там бушевал такой бурун, что нечего было и думать о том, чтобы высадиться на сушу. Мимо клипера промчался чей-то перевернутый карбас и с треском вылетел на берег. Да и наше судно собиралось проделать то же самое. По крайней мере капитан заметил, что клипер дрейфит, т.е. якорь медленно и скачками ползет по дну. Тотчас же полетел в воду второй запасный якорь; однако судно хотя и меньше, но все же заметно продолжало двигаться к берегу. Оставалось одно только средство: спустить цепь возможно длиннее; в этом случае якорь держит крепче. Но как это сделать? Если разматывать цепь, оставляя якоря на месте, клипер придвинется ближе к берегу, а до него и без того было очень недалеко. Приходится завозить один из якорей на карбасе как можно дальше вперед. Не медля ни секунды, приступаем к делу. Клипер качается из стороны в сторону; качается словно маятник и карбас, висающий на веревках. Пользуясь моментом, когда он повисает над морем, мы, наконец, спускаем его на воду; то поднимаясь до борта судна то проваливаясь в водяную яму, карбас прыгает на волнах и с треском бьет в стенки клипера. Пользуясь удобной минутой, мы с Х. вскакиваем в лодку, садимся в весла, матрос прыгает на корму, и минут через 20 якорь был перевезен на новое место.

Шторм свирепствовал двое суток, день и ночь, и на все это время заарестовал нас на клипере. Холодно, скучно и голодно! Кроме соленой трески и сухарей, у нас нет никакой провизии. Все вышло; уже прошло три дня, как была съедена последняя луковица, а вчера по счету разделили оставшиеся изюминки. Вообще, по части продовольствия мы устроились чересчур по-русски. Свежая треска и сухари, когда мы близ становища, а в море та же треска, но только соленая. Кое-где мы разнообразили свой стол мясом гаг и альпийских куропаток, с которых предварительно снимали шкурки для коллекции. Однажды М. ухитрился состряпать пирожки из вороницы, а Х., впрочем, только для себя, приготовил яичницу из насыженных гагачьих яиц. „Гагачьи яйца едят“, рассудил он, „едят и самих гаг, отчего же не употреблять в пищу нечто среднее между яйцом и птицей...“. Вывод теоретически, может быть, и верный, но на практике только один Х. решился привести его в исполнение. Замечательно, какая потребность чувствовалась у всех нас в сыром луке. Мы ели его, как яблоки, целыми луковицами, и даже Х., который раньше не мог выносить его, теперь нимало не отставал от других. Как будто бы сам организм, не желая болеть цынгой, требовал этого противоцинготного средства.

Только к вечеру 11 августа ветер немного стих, и мы отправились на берег, а 13 перебрались на прежнюю стоянку близ Териберки. Продолжать плавание вдоль Мурмана было поздно, так как со дня на день ждали парохода, на котором должны были приехать Б. и сухопутная партия экспедиции, вышедшая на Колу; на нем же мы предполагали вернуться в Архангельск. Однако вот уже 20 число, а парохода нет. Наступили темные ночи. После 10 часов на небе зажигались тусклые звезды, луна выставляла свои рога из-за обрывков туч, а в заливе фосфорическим светом загорались мелкие животные. При спокойной поверхности вода вспыхивает только отдельными искорками, но стоит провести по ней веслом, и вы видите огненную полосу. Сачек, проведенный сквозь воду, горит нежным синеватым светом, а место, куда попадает брошенный камень, становится центром, от которого начинают расходиться светлые круги.

Парохода все нет, да нет! Говорят, он сломался. Наступила уже форменная осень. 23 августа шла крупа, а 28 выпал снег, белым ковром покрывший палубу судна и окрестные горы. В ту же ночь появился впервые светоч полярной зимы, северное сияние, хотя и очень слабое. Наконец 29 числа резкий свисток известил население Териберки о прибытии парохода. На нем приехали Б. и сухопутная партия.

Прощай, злополучный клипер! Хотя мы и могли бы желать от тебя, чтобы ты возил нас побольше вперед и поменьше назад, но мы не можем упрекать тебя в том, что ты не делал этого. Ведь тебя строили для соленой трески, а не затем, чтобы возить ученые экспедиции; не твоя вина, если нам угодно было приравнять себя к соленой треске. Быть может, когда тебе придется снова пятиться назад, ты вспомнишь о том, как мы тащили тебя на буксире. Вспомним и мы о тебе, если кого-нибудь из нас в плавании по житейскому морю судьба заставит следовать твоему примеру. Не один раз своим образом действий ты пояснил нам, что девиз „все вперед и вперед“ есть лучший девиз в свете. Итак, прощай клипер! От души желаем тебе сохранить свое деревянное тело на долгие годы для... соленой трески! Клипер моргнул своим истрепанным флагом, казалось, собираясь заплакать. Вместо него прослезились старик кок и зук Николка. Мы пожали им руки, сели в карбас и уехали на пароход.

31 августа мы были в Архангельске, 3 сентября выехали отсюда на перекладных в Вытегру, здесь сели на пароход и 10 числа прибыли в Петербург.

III.

В Северной Персии.

Чикишляр. — Экскурсии в его окрестностях: гекконы; степные черепахи; жук-пилюльщик; фламинго. — В туркменских аулах. — Желтопуз; речная черепаха; древесная лягушка; розовые скворцы. — Персидская крепость Ак-кала. — В лесу: шакалы; кабаны; дикобраз; птичье царство. — У азербейджанцев. — В горном ауле у фарсов. — Мои спутник Кафар. — Стеллион. — Охота на архаров. — Джейран; горный козел. — Аулы Келяте и Хыч. — Персидский клещ. — Красноречивый мулла. — Туркмены и персы. — Обед у хана; охота. — У курдов; яки. — Встреча с английским путешественником. — Граница Ирана и Турана. — Сражение с очковой змеей. — На русском пограничном посту. — Меня арестуют, как английского шпиона. — Геок-Тепе. — Асхабад.

„В Астрахани, за Красным мостом, дом Харькина“. Так телеграфировал я из Петербурга в Оренбург моему будущему спутнику З., назначая ему место, где удобнее всего было встретиться.

З. явился настоящим охотником. В зеленой рубашке на выпуск, в ботфортах, в одной руке двустволка, в другой — винтовка Бердана, за поясом револьвер, нож и еще какие-то охотничьи принадлежности. Так, в этом виде, только без оружия, он тотчас же отправился со мной в путешествие по лавкам, чтобы закончить наши сборы.

Уже на другой день, 24-го мая, со всем своим нехитрым скарбом, мы были на палубе парохода. На девяти футах мы пересели на морской пароход. Началось восхитительное плавание по тихим водам Каспия. В Баку наше судно нагрузили тремястами персиян рабочих, отправляемых на Закаспийскую железную дорогу. Вскоре после этого поднялся ветер, началась качка. Персияне — вообще плохие моряки. Неудивительно, что вся партия немедленно заболела морской болезнью. Триста человек сплошной линией, как скворцы на коньке крыши, облепили борта парохода и поминутно с унылым видом заглядывали за борт. Картина была не из приятных.

З. сначала очень подмывало присоединиться к этой дружной компании. Но он благополучно продержался до

Красноводска, а там уже и ветер стих. Наконец 29-го мая пароход бросил якорь у конечного пункта нашего плавания, у Чикишляра.

Едва ли кому, не слишком искушенному в географии нашего необъятного отечества, известно это местечко. Оно находится на восточном берегу моря, к северу от устья реки Атрека, составляющей нашу границу с Персией. Раньше оно служило оплотом против вторжения в русские пределы туркменских разбойничьих шаек, но с проведением Закаспийской железной дороги, в значительной мере потеряло свое значение. Солдатские казармы, несколько плохих деревянных домиков для офицеров и десятка два—три лачужек местных торговцев— вот и весь Чикишляр. В окрестностях бесплодная и безводная песчаная пустыня, населенная фалангами, скорпионами и ящерицами, несметным множеством ящериц. Если прибавить к этому, что в Чикишляре нет даже пресной воды, вместо которой жители пьют солоноватую колодезную, если не хотят выписывать воду из Персии,— то всякому будет ясно, что в укреплении нельзя рассчитывать на удобства благоустроенных городов.

И, действительно, высадившись с парохода на берег, окруженные своими переметными сумами, ящиками и ружьями, мы очутились в критическом положении. Ни гостиниц ни извозчиков Чикишляр еще не видал. Знакомств в укреплении мы не имели. Не было у нас и рекомендательных писем к кому-нибудь из жителей этого пустынного местечка. Словом, хоть плачь. Будь это в настоящей безлюдной пустыне, мы просто-на-просто разбили бы свою палатку и стали бы жить; а тут все-таки населенное место.

Вскоре нас окружила порядочная толпа народу: солдат, армян и персиян; даже один офицер в белом, как снег, кителе вместе с толпой принялся разглядывать новых приезжих с каким-то удивительным багажом. Надо было быть большим философом, чтобы при таких условиях оставаться спокойным. Нас выручил один персиянин, сообщивший, что у него есть дом, в котором „можно жить“. Вскоре откуда-то явилась тачка, и наш будущий хозяин, положив в нее часть багажа, повез ее по песчаному побережью моря; за ним, нагруженные ружьями, сумками с дробью и патронами, зашагали и мы.

За отсутствием леса и других строительных материалов, чикишлярские жители для постройки своих лачужек пользуются досками ящиков из-под макарон, мыла, свечей и других товаров, которые имеются в здешних лавках. Поэтому стены лачужек обильно украшены надписями вроде: „Свечи бр. Крестовниковых“, „Паровое печение

Перс азербейджанский.
С фотографии.

Эйнем“ и т. д. Обыкновенно в лачужке нет ни окон ни крыши; вся она походит на большой ящик. Таким же ящиком из-под мыла оказался и „дом“ нашего персиянина. Мы

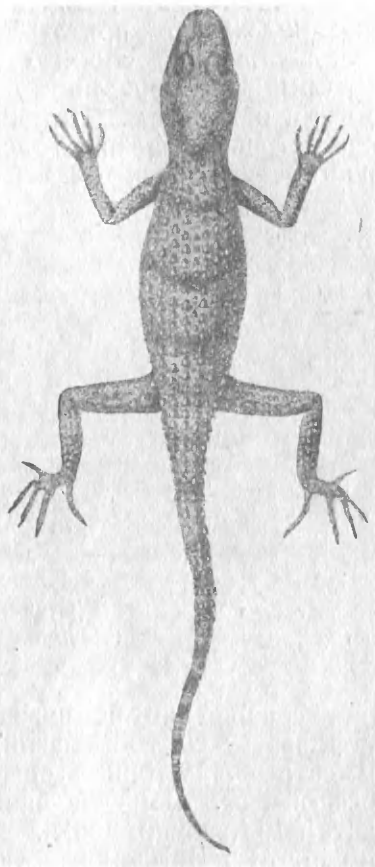
теперь только поняли, зачем, рекомендуя свой „дом“, он прибавлял, что в нем „можно жить“. Вместо пола — голая земля, ни одного окошка, никаких признаков печи, одна дверь и нары, или, скорее, прилавок от стены до стены, вместо мебели, — вот какова была обстановка этого жилища.

Для нас, однако, этот ящик был идеальным помещением. Мы находили даже, что в нем лучше жить, чем в нашей крошечной палатке: по крайней мере здесь было гораздо просторнее. В этом доме сквозь щели между досками гулял освежительный ветерок, от которого расплывалась зажженная свеча; а так как наш ящик находился на самом краю Чикишляра, в стороне от других таких же ящиков, то прямо из двери мы могли стрелять козодоев, соколов и других пролетающих мимо птиц.

Словом, мы чувствовали себя очень хорошо и чувствовали бы еще лучше, если бы не постоянные посетители, солдаты и персияне, с любопытством глазевшие сквозь щели и дверь нашего дома на странных приезжих: зачем это они собирают никому ненужных ящериц, жуков, обдирают птиц и, вообще, занимаются какими-то подозрительными делами?... Эти зеваки порядочно-таки досаждали нам своею наблюдательностью. Это внимание сделалось особенно неприятным для нас, когда мы узнали, что нас считают английскими шпионами.

В Чикишляре мы прожили почти пять дней. Ящериц, змей и других животных, нашедших свою преждевременную кончину в наших банках со спиртом, мы отправили в Петербург и, таким образом, освободились от лишнего груза. Для нас это было очень важно: в дальнейшем путешествии нас должны были везти вьючные лошади или ослы, на которых нельзя поместить большой клади. Несмотря на короткий срок, мы набрали здесь изрядное количество всякой всячины из мира животных. Окрестности укрепления представляют настоящую среднеазиатскую пустыню, по большей части песчаную. Ящериц, песчаных и ушастых круглоголовок, можно было ловить здесь сотнями. Попадались также любопытные ночные ящерки, гекконы. Они прекрасно лазают по отвесным стенам. Кроме того, вместе с хамелеонами это — единственные представители класса пресмыкающихся, одаренные способностью пищать; все остальные совершенно немые или только шипят. Способность издавать звуки составляет, конечно, приспособление гекконов к ночному образу жизни. В самом деле, извольте-ка в потемках на серой почве отыскать незвучного серого геккона. Зато, когда среди тишины ночи раздается его своеобразный писк, другие гекконы хорошо понимают, что это значит.

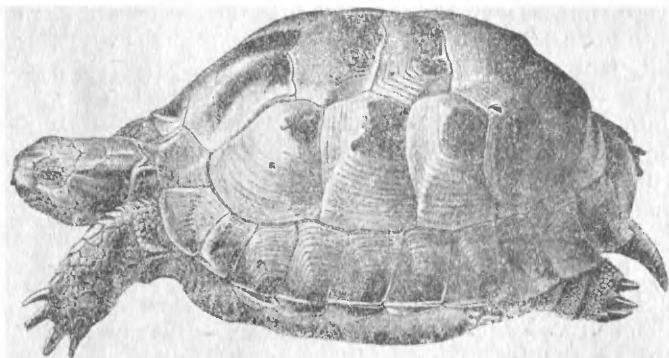
Это значит: „я здесь, ползите сюда“. Природа, впрочем, обидела одну из пород этих ночных ящериц, так называемого сцинкового геккона, (см. рис. на стр. 21) очень обыкновенного под Чикишляром. Эта порода не имеет голосового органа и потому не может пищать. Взамен того она может издавать звуки хвостом. Верхняя сторона его покрыта у сцинкового геккона широкими сухими чешуйками; при закручивании и раскручивании хвоста чешуйки ударяют друг о друга и производят легкий треск. Ночные разговоры ящериц имеют и дурную сторону. К ним прислушиваются не только свои сестры, — такие же ящерицы, но и совы, с удовольствием поедающие гекконов. Ради удовольствия повидать соседа приходится рисковать жизнью. Впрочем, в случае нападения хищной птицы, гекконы по большей части отделяются потерей хвоста. Эта часть тела отличается у них необыкновенной ломкостью. Геккон может отделить ее, когда только захочет. Вот почему он старается подставить ее всякому, кто покушается на его жизнь. Сделать это легко, потому что гекконы очень прытки. Когда сова уже заносит свой клюв, чтобы схватить добычу, этой добыче стоит только сделать несколько шагов вперед, и против клюва птицы оказывается хвост ящерицы. Сова вцепляется в него; но ящерица отламывает хвост и убегает. Впоследствии хвост отрастает снова. У сцинкового геккона хвост до такой степени ломок, что нужно особое искусство, чтобы поймать целную ящерицу. Поэтому во всех музеях имеются по большей части бесхвостые экземпляры этих гекконов. Конечно, потеря органа составляет для ящерицы неприятное приключение; в особенности неприятно оно для сцинкового геккона, которому без хвоста приходится

Туркестанский геккон
(*Gymnodactylus Fedtschenkoi*).

молчать и, может быть, обходиться без общества своих сотоварищей. Все же это меньшее несчастье, нежели преждевременная смерть.

В то время как круглоголовки и гекконы окрашены под цвет почвы и потому незаметны даже на близком расстоянии, степные черепахи представляют другую крайность. Их громоздкое черное тело на желтом сыпучем песке можно различить за версту; сразу видно, что они не желают прятаться. Да и зачем им скрываться, когда вместе с собой они носят свой костяной дом, в который каждую минуту могут спрятаться с головой, ногами и хвостом. Питаясь листьями и корой кустарников, степные черепахи встречаются в самых пустынных местностях вдали от всяких источников воды. В воде

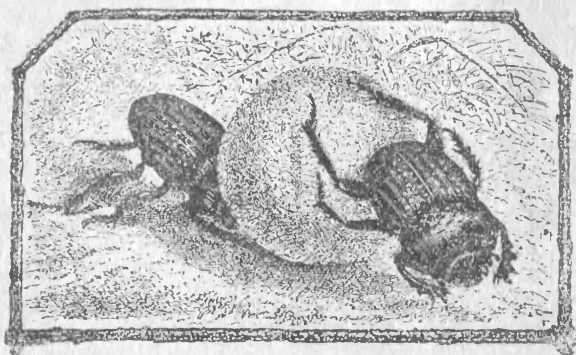

Степная черепаха
(*Homopus horsfieldii* Gray)

они совершенно не нуждаются, так как вовсе не пьют, довольствуясь той влагой, которая находится в их пище. Вместе с тем они замечательно долго могут жить без всякой еды. Пара черепах долго жила у нас в мешке, затем мы закупорили их в ящик с соломой и отправили по почте в Петербург. Здесь они сидели без пищи еще восемь месяцев. В общей сложности они провели без еды и питья 10 месяцев. Прожили бы и дольше, если бы их не посадили в спирт.

Из насекомых окрестностей Чикишляра особенно интересны жуки-пилюльщики, те самые скарабеи, которых древние египтяне считали священными. Пилюльщиками их называют потому, что они делают из лошадиного или коровьего навоза пилюли, которые, по крайней мере, в три раза больше самого жука. В каждый из таких шариков пилюльщик кладет по одному яйцу. Из

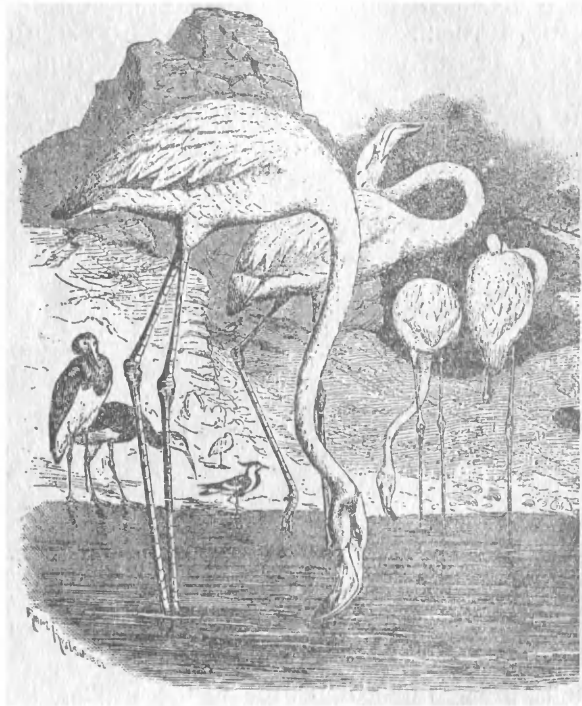
яйца выходит личинка, которая питается навозом. Чтобы навоз не высох, жук катает свой шарик по песку, пока вокруг него не образуется песочная корка. Она защищает навоз от высыхания. Удивительно, сколько усердия прилагает пилюльщик, чтобы обеспечить существование своего будущего детеныша. Он катает пилюлю с такой суетливой поспешностью, как будто боится опоздать; иногда на подмогу является другой жук, и тогда они начинают перекачивать шарик вдвоем, один передними, другой задними ногами. Наконец, когда, по их мнению, на нем выросла достаточно толстая корка, они загоняют шарик в глубокую ямку в песке. Этим дело кончено. Работники немедленно принимаются за другую пилюлю, и так продолжается до тех пор, пока есть навоз и пока не снесены все яйца.

Жуки-пилюльщики или скарабей
(*Ateuchus variolosus*).

По берегу Каспийского моря мы не могли поживиться богатой добычей: всего только несколько чаек и куличков-зуйков попали в наши охотничьи сумки. Зато мы полюбовались здесь на великолепных фламинго, бродивших по песчаной отмели моря. Ростом фламинго с 10-летнего мальчика. Эти роскошные розовые птицы могут служить украшением любой местности. Небольшими стадами ходили они по морю вдали от берега. По временам то та то другая опускала свою длинную шею в воду и шарила на дне своим толстым согнутым пополам клювом. Несмотря на все ухищрения, нам ни разу не удалось подойти к фламинго на выстрел. Они улетали так поспешно, что их нельзя было достать даже пугай. На лету фламинго еще более красив, нежели на земле: он не складывает шею петлей, как это делают цапли и другие высокие птицы; он вытягивает ее прямо вперед, а ноги напра-

влетает назад, так что, когда он летит над вашей головой, вы видите розовый крест, рисующийся на голубом фоне неба. Туркмены ухитряются ловить фламинго живьем, для чего пользуются привычкой этих птиц заходить в воду по самый живот. В таком положении фламинго не может взлететь, так как не может сделать размаха крыльями: этому мешает вода. Спрятавшись верхом на лошадях, где-нибудь за ближайшим пригорком, туркмены дожи-

Фламинго
(*Phoenicopterus roseus*).

даются, пока фламинго зайдут в воду по самые перья; затем скачут к ним во весь опор. Так как берега Каспийского моря чрезвычайно отлоги, то птицам приходится пройти большое расстояние, чтобы выйти на мелкое место, где они могут свободно взмахнуть крыльями; при быстроте туркменских коней, они не успевают сделать это во-время и потому попадают в руки туркмен.

Длинные ноги фламинго не позволяют им сидеть на яйцах так, как это делают все другие птицы. Поэтому они принуждены строить особые чрезвычайно своеобразные гнезда. Из глины они возводят каланчу, по высоте

почти равную длине их ног; на вершине ее в особую ямку кладутся яйца; фламинго сидят на этой каланче словно верхом, свесивши ноги вниз и упираясь пальцами в землю.

Первоначально мы предполагали двинуться вверх по Атреку, вдоль русско-персидской границы, не выходя из пределов России. В виду этого мы даже не запаслись заграничными паспортами. Но потом такое путешествие оказалось неудобным по многим причинам.

Наш хозяин предложил нам очень заманчивый план: на лодке переплыть по морю в устье персидской реки Гюргеня, купить там лошадей и двинуться внутрь Персии. Кафар, — так звали нашего хозяина, — предлагал даже свои услуги, в качестве слуги и переводчика в сношениях с туркменами и персами. На наш вопрос о заграничных паспортах, он сообщил нам, что, если бы они и были у нас, то их некому было бы показывать. Серебристые чайки, летающие на море, краснокрылые фламинго, бродящие по песчаной отмели пограничной линии, нисколько не интересуются этим предметом, да и люди в самой Персии не признают никаких паспортов. Лучшей рекомендацией для нас, по словам Кафара, должна была служить наша принадлежность к русской нации.

Словом, все обстояло благополучно, и 3-го мая на туркменской морской лодке мы контрабандным образом переплыли через русско-персидскую границу. В устье Гюргеня мы высадились в туркменском ауле Гумыш-тепе. Это — настоящий город, состоящий из 1.200 юрт, в беспорядке, но тесно расположенных недалеко от берега реки. Жители аула, туркмены, занимаются скотоводством, доставкой товаров из Персии в Россию или обратно, рыболовством и торговлей. До основания Чикишляра они кочевали в пределах России и занимались у нас, главным образом, угоном скота. Скот, отбитый в России, они перегоняли в пределы Персии, а уворованный в Персии сбывали русским подданным. Наконец ряд укреплений, построенных вдоль реки Атрека, а в особенности Чикишляр положили предел таким подвигам.

После этого многие туркмены окончательно переселились в Персию. Там они чувствуют себя много свободнее. Хотя они и считаются подданными этого государства, но зависимость их от Персии совершенно прозрачна. От времени до времени они делают набеги на персидские деревни, предают их грабежу и уводят в плен жителей. Персидское правительство прекрасно знает об этом, но делает вид, что ему ничего неизвестно. В самом деле, что может сделать оно с туркменами? Разве только вести с ними настоящую войну. Но это дело далеко не

Типы туркмен.

легкое, если принять в расчет их многочисленность, отчаянную храбрость, воспитанную на постоянных набегах, и их хорошее вооружение.

Таким образом персидские власти предоставляют пограничным деревням защищаться собственными средствами и даже очень старательно поощряют самозащиту. За голову каждого туркменского разбойника правительство платило, на наши деньги, около 10 рублей золотом. При этом никто не пытался производить следствие, были в действительности разбой, или убитый приходил с мирными целями: убит, — стало быть, разбойник. Поэтому персияне бьют всякого туркмена, стоит только ему показать свою огромную папаху вблизи их деревни. По правде сказать, и туркмены появлялись среди персов только за тем, чтобы пограбить и наловить пленных. Раз персиянин попал в плен к этим свирепым степнякам, он должен приготовиться

к самому варварскому обращению: его будут бить, держать на цепи и всячески надругаться.

В одном из персидских аулов к нашему лагерю приходил молодой азербейджанец, побывавший в лапах туркмен. По его рассказу они заставили его съесть свои собственные уши.

Вот в этой-то стране, где голова каждого взрослого мужчины стоит 10 рублей, очутились мы в сопровождении Кафара. Десятирублевые головы приняли нас любезнее, чем можно было ожидать.

Мы поселились у зажиточного туркмена, жившего даже с некоторым комфортом. Просторная юрта, множество кованых сундуков, русский самовар, висячая лампа — все это было даже как-то не к лицу головорезу-номаду.

Пока Кафар действовал по части покупки лошадей, мы также не теряли времени. Ящерицы, жуки и другие твари окрестной степи, я думаю, до сих пор помнят двух русских, которые с превеликим усердием ловили и сажали их в банки. При возвращении домой мы всякий раз попадали в довольно неприятное положение. Аул Гумыш-тепе, как уже было сказано, состоит из 1.200 юрт, расположенных без всякого порядка, похожих друг на друга, как стоги сена. Неудобно ли отыскать между ними нашу юрту, поставленную где-то в середине! В довершение невзгод, при нашем появлении в ауле на нас нападали огромные собаки. Большой стаей в 15—20 голов они окружали нас и с яростью бросались под ноги, норовя уцепиться зубами за самые пятки. Отстреливаться от них мы не могли, так как история происходила всегда среди юрт. Кругом сидели туркмены, которые, скаля свои белые зубы, с удовольствием глядели на представление. Прислонившись друг к другу спинами и отмахиваясь от волкоподобных собак прикладами, мы начинали нещадно вопить, призывая на помощь Кафара. Привлекаемый собачьим лаем и нашим воплем, он являлся, наконец, и спасал нас от ярости туркменских зверей.

Купить лошадей в здешнем ауле не составляло никакого затруднения. Поэтому уже на другой день по прибытии мы оказались собственниками трех довольно откормленных, но далеко не ретивых коней. Они, видимо, получили воспитание под вьюком и ни за что не хотели ходить иначе, как тихим шагом. Впрочем, их тихий нрав, как потом оказалось, был наиболее подходящим для наших целей.

Одной дробы у нас было два пуда. Весь наш багаж и мы сами, вместе с Кафаром, должны были поместиться на этих трех лошадях. Поэтому, вместо обыкновенных седел, пришлось украсить спины наших коней особым

приспособлением для выючения, называемым у персов „паяланг“. Это — связанный из камыша вал, согнутый так, как сгибают солдаты свои скрученные шинели.

6-го мая мы привязали наши паяланги к спинам лошадей, поверх положили переметные сумы с багажом, а на них уже взгромоздились сами, каждый на своего коня. В таком виде, сопровождаемые неистовым лаем туркменских собак, мы выступили из Гумыш-тепе. Сидеть было довольно мягко и неустойчиво; но во время пути ничем не привязанные переметные сумы обнаруживали большую склонность съезжать на одну сторону и тащили за собой всадника. Чаше всего они доставляли это удовольствие мне, так что первое время я вынужден был кувыркаться почти на каждой версте. Всякий раз при подобных оказиях мой конь, скорее пользуясь случаем постоять, нежели из доброжелательства ко мне, останавливался; останавливались и мои спутники. В то время, как З. весело хохотал, Кафар принимался ворчать, так как ему приходилось слезать с лошади и поправлять беду. Как-то раз он оказался особенно не в духе и долго еще после такого приключения продолжал высказывать свое неудовольствие.

„Искандер (Александр), — говорил он, — не умеет ездить. Когда выюк сползает направо, ему надо наклоняться налево. Вот так!“ и Кафар наклонился налево. Но в это время предательские сумы подвернулись, и он, сверкнув в воздухе голыми пятками, кувырнулся на землю; правая сума, набитая дробью, с высоты лошади шлепнулась о бок моего учителя. Кряхтя и поглаживая этот бок, Кафар встал и, не говоря ни слова, с угрюмым видом начал укладывать сумы на их надлежащее место.

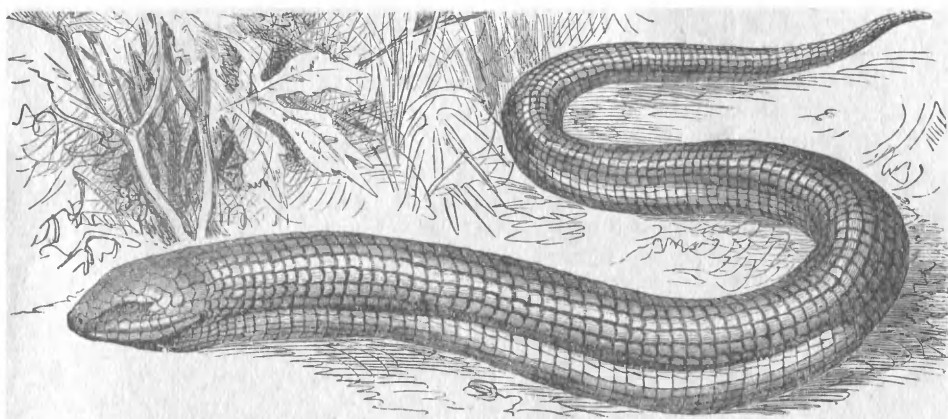
С тех пор он уже больше не показывал мне, как надо ездить. Тем не менее я и сам в скором времени научился сидеть на выюке: на третий день я кувырнулся всего один раз, на четвертый ни разу, а впоследствии благополучно держался на спине лошади во всех рискованных случаях, когда она карабкалась по крутизнам или делала прыжки.

От Гумыш тепе наш путь пролегал степью то голой, то поросшей травой, со множеством кузнечиков. Местами, вспугивая целые стада сонных речных черепах, мы выходили на берег Гюргеня. К вечеру мы переехали его в брод и начали подгонять лошадей, чтобы на ночлег добраться до туркменского аула Гюргень, так как в этой стране головорезов было бы рискованно ночевать среди открытой степи.

По пути мы присматривались к животному населению страны. З. наловил полный ягдташ желтопузов. Это —

ящерица, длиной более аршина, удивительно похожа на змею. Между тем существует целый ряд признаков,ставляющих относить желтопуза к ящерицам. Прежде всего,—зачаточные задние ножки, настолько, впрочем, маленькие, что не всегда удается разыскать их; иногда они бывают скрыты под соседней чешуйкой. Затем—у желтопуза есть веки; у змеи же на месте век находится прозрачная перепонка, покрывающая весь глаз и сползающая вместе с кожей во время линьки.

Вместе с живыми желтопузами в ягдташе З. сидела пара речных черепах, пойманных им на берегу Гюргеня. В отличие от своих степных родственников, речные черепахи питаются червями, улитками и, вообще, живот-

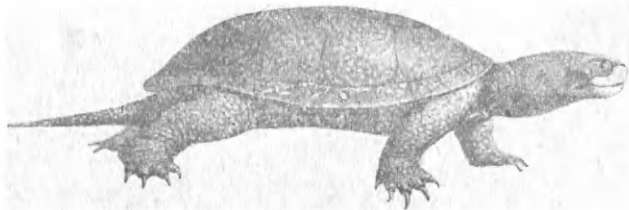

Желтопуз
(*Ophisaurus apus*).

ной пищей. Кроме того, они далеко не так медлительны в своих движениях: на суше они ползут настолько быстро, что догнать их можно только скорым шагом; поэтому они имеют полное право не принимать на свой счет обычного упрека в неповоротливости; этот упрек относится к их степным сестрам. Любопытно видеть, как ловко речная черепаха, положенная на спину, переворачивается на живот. Упираясь головой в землю, она заставляет тело наклониться на одну сторону, затем передней лапой той же стороны цепляется за неровность почвы и тотчас же перевортывается. Сухопутная же черепаха в подобном положении, благодаря своему высокому щиту, оказывается совершенно беспомощной; она может перевернуться лишь в том случае, если подле нее имеется куст или камень, за который она могла бы зацепиться лапой.

В то время как З. воевал с желтопузами и черепа-
хами, я стоял под деревом и во все глаза глядел на его
листву, пытаюсь отыскать в ней древесную лягушку,
перекликавшуюся с другой, сидевшей где-то повыше... По-
следняя была настолько близко от меня, что по крику я мог
определить ту группу листьев, откуда исходил звук; но
самой лягушки я так-таки и не увидел, хотя заходил и
справа и слева, колотил по дереву палкой и бросал кам-
нями. Ее травянисто-зеленое тело, помещенное на зеле-
ном листе, совершенно незаметно на самом близком
расстоянии. Концы пальцев древесной лягушки снабжены
присосками; с их помощью она крепко держится не только
на поверхности листа, но даже на отвесной стенке сте-
клянной банки.

Из птиц мы добыли здесь сивоворонок, золо-
тистых щурок и розовых скворцов. Последние
две птицы славятся своей истребительной деятельностью

Речная черепаха
(*Emys luvaria* Mars.).

среди насекомых. Но одна из них, именно, щурка, по-
едающая пчел, является сущим наказанием для пчеловодов;
между тем розовый скворец, во множестве истребляющий
саранчу, приветствуется всюду, как благодетель челове-
ческого рода.

На следующий день, выступив в путь рано утром,
уже через 4 часа мы были на настоящей персидской земле
в крепости Ак-кала. Крепость эта, в ряду других таких
же крепостей, предназначена для защиты собственно персид-
ских деревень от набегов туркмен. Хотя Ак-кала обнесена
каменной стеной, окружена рвом и вооружена двумя пуш-
ками, которые, на страх врагам, палят по одному разу еже-
дневно, но едва ли она может защитить кого-нибудь от
нападения хотя бы шакалов. Кроме нескольких карауль-
щиков, вооруженных ветками для отмахивания от мух, в
крепости нет никого. Те же караульщики палят из пу-
шек, нагоняя страху на летучих мышей и сов, проживаю-
щих в трещинах крепостной стены. Туркмены же, хорошо
знающие цену этой пальбе, вероятно, слушают и посмеи-

ваются. Против крепости стоит казенный постоянный двор с обширной конюшней. Те же летучие мыши и совы проживают и в этом доме. При нем даже нет и караульщика, очевидно, по той причине, что голые стены без окон и дверей нет надобности караулить! В конюшнях

Древесные лягушки
(*Hyla arborea*).

на кучах навоза развелось такое множество мух, какое мне не приводилось видеть нигде больше. Мириадами облепляли они и нас и наших лошадей. В течение не более, как двух часов, пока мы были заняты чаем, наши белые фуражки превратились в крапчатые, и еще долго после того, как мы оставили Ак-калу, тучи этих несносных насекомых целый день преследовали нас и в открытом месте, и

даже в лесу. Сухая степь, поросшая или травой, по большей части выжженной солнцем, или кустами каперсов, кончилась; вскоре после полудня мы вступили в царство сырости и буйной растительности.

На юге возвышаются астрабадские горы, сплошь, без всяких просветов до самого гребня, покрытые курчавым ковром лиственного леса. Множество речек, ручьев, разливаясь болотами по рисовым полям и насыщая воздух влагой, сбегает оттуда на равнину, по которой мы шли. Мы разбили свою палатку близ персидского аула Наукян среди роскошного леса. Высокие дубы с зелеными, обвитыми плющем стволами, тополь, винная ягода,

Розовый скворец
(*Pastor roseus*).

исполинские кусты ежевики с крючковатыми цепкими шипами, кусты граната с красными цветами, дикий виноград, оплетающий деревья, всюду зелень и зелень — вот какова растительная обстановка, в которой мы очутились.

Еще на пути сюда, на пашне мы видели мертвого кабана, вероятно, убитого персами. Всяду были видны следы этого зверя. Иглы дикобраза валялись в лесу в таком количестве, что не стоило бы большого труда собрать целый сноп их. Жители Наукяна жаловались нам на этих колючих грызунов. По ночам дикобразы являются на огороды и преисправно поедают овощи. Иной не столько съест, сколько напортит, надкусив своими острыми зубами множество огурцов, дынь и другой зелени. Попадаются в здешних лесах и олени, по крайней мере, в одном из соседних аулов я видел молодого ручного

оленья, пойманного в окрестностях. Из хищных зверей здесь водится тигр; иногда он забредает отсюда и в пределы Туркестана до самого Чикишляра, близ которого несколько лет тому назад были убиты три тигра.

Ночью слышны были хруст ветвей, какое-то гуканье, какие-то неясные таинственные звуки, прерываемые мелодическим пением жаб. Словом, по всему было видно, что в лесу ключом бьет разнообразная животная жизнь. Весь следующий день мы бродили по чаще и, хотя настреляли не мало птиц, но не встретили ни одного зверя, так как большинство их в лесу бродит только по ночам.

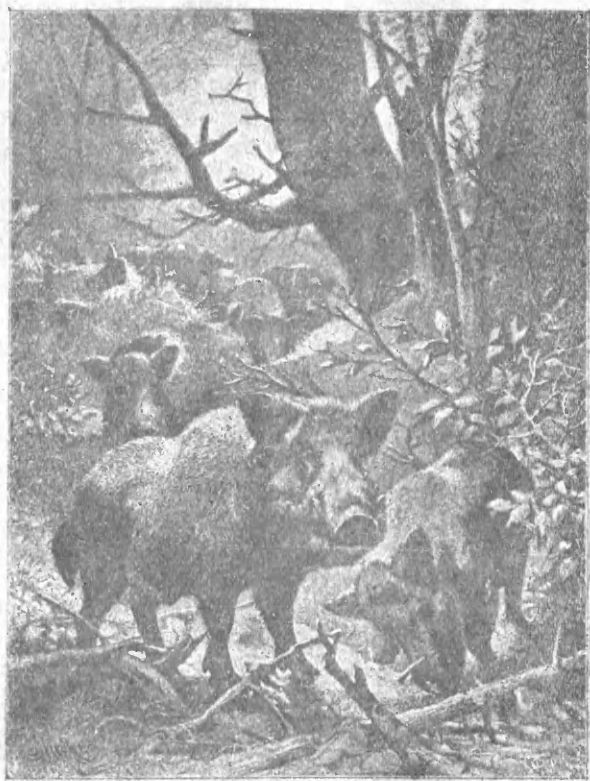
Поэтому на следующую ночь, оставив при палатке Кафара, мы отправились в глубину леса. Вскоре после заката солнца мы засели поджидать дикобраза около его норы, со свежими следами ее хозяина и с двумя иглами, лежащими тут же. Почуял ли дикобраз присутствие людей, или он вышел из норы другим ходом, только мы никого не дождались. Тогда мы забрались на верхушку стога из снопов пшеницы, поставленного на маленькой пашне среди густой чащи леса. Луна озаряла своим серебристым светом безлесную площадку и ближайшие деревья; а там, дальше царила беспросветная таинственная темь, откуда доносились до нас неясные голоса обитателей леса. Вот, хрустнула где-то близко ветка, еще раз, ближе и ближе; слышно как кто-то ломится, продираясь сквозь чащу. Стараясь не дышать, мы до слез всматриваемся в темноту и ждем, не выйдет ли на площадку кабан; настроенному воображению рисуется уже его фигура; мы всматриваемся еще пристальнее, но фигура стоит неподвижно, между тем как хруст ветвей слышится все дальше и дальше.

Так просидели мы на стоге до поздней ночи, очарованные этой таинственностью леса, этой кипучей жизнью, этим теплым воздухом, насыщенным запахом влаги, зелени и цветов. Слегка покусывали комары, но мы и без них не могли бы заснуть долго, и только перед рассветом, когда комары уgomонились, задремали и мы.

„Га... га... и... га... и...!“ раздался вдруг неистовый концерт стаи шакалов возле самого стога; как бы ободряя друг друга на приступ, звери немилосердно выли, по временам останавливались на мгновение и опять продолжали выть.

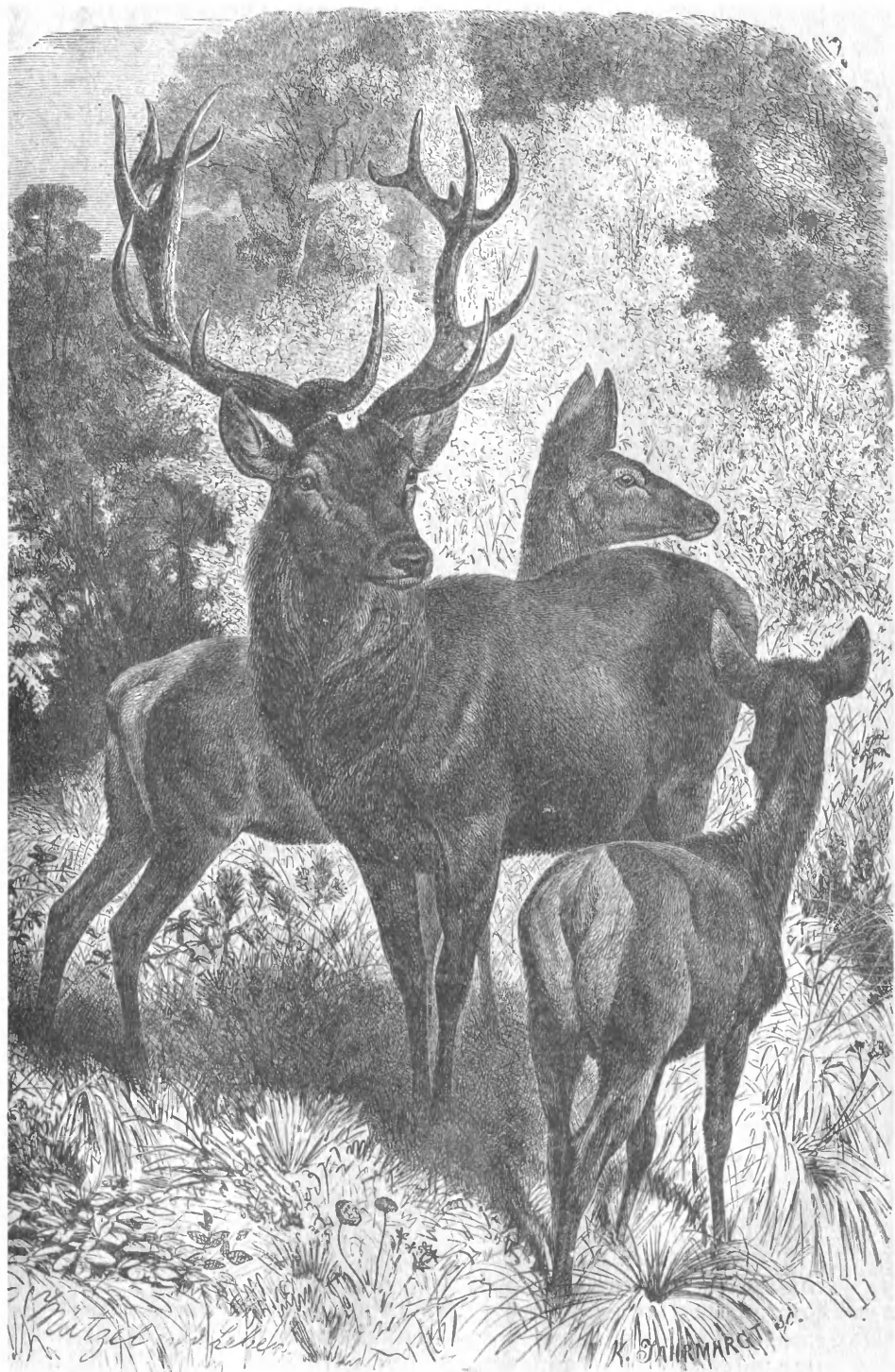
„Вперед, ребята, не трусь, подходи, вали...!“ так перевели мы это вытье на человеческий язык. Пока мы всматривались в темноту, тщетно стараясь увидеть хоть один шакалий глаз, З., освобождая ружье, нечаянно свалил сноп пшеницы, и вся храбрая компания мгновенно исчезла.

После бессонной ночи мы бродили по лесу до полудня. Несмотря на роскошь растительности здешних лесов, птичье население их далеко не богато. Сойки, дятлы, синицы, зяблики, малиновки, соловьи встречаются здесь гораздо реже, нежели в наших лесах. Замечательно, что многие из этих птиц принадлежат к особым местным

Кабаны в лесу
(*Sus scrofa*).

породам, хотя и похожим на наших северных, но отличающимся какими-нибудь особенностями. У местной малиновки, например, грудь значительно ярче, нежели у нашей; сойка имеет более темную голову, синица светлее, а пестрый дятел много темнее нашего. Еще более бедно птичье население на болотцах, которые там и сям попадаются среди леса, в особенности, на границе его со степью. Будь такие болотца где-нибудь по Волге, на них обязательно сидели бы всевозможные кулики, лысухи,

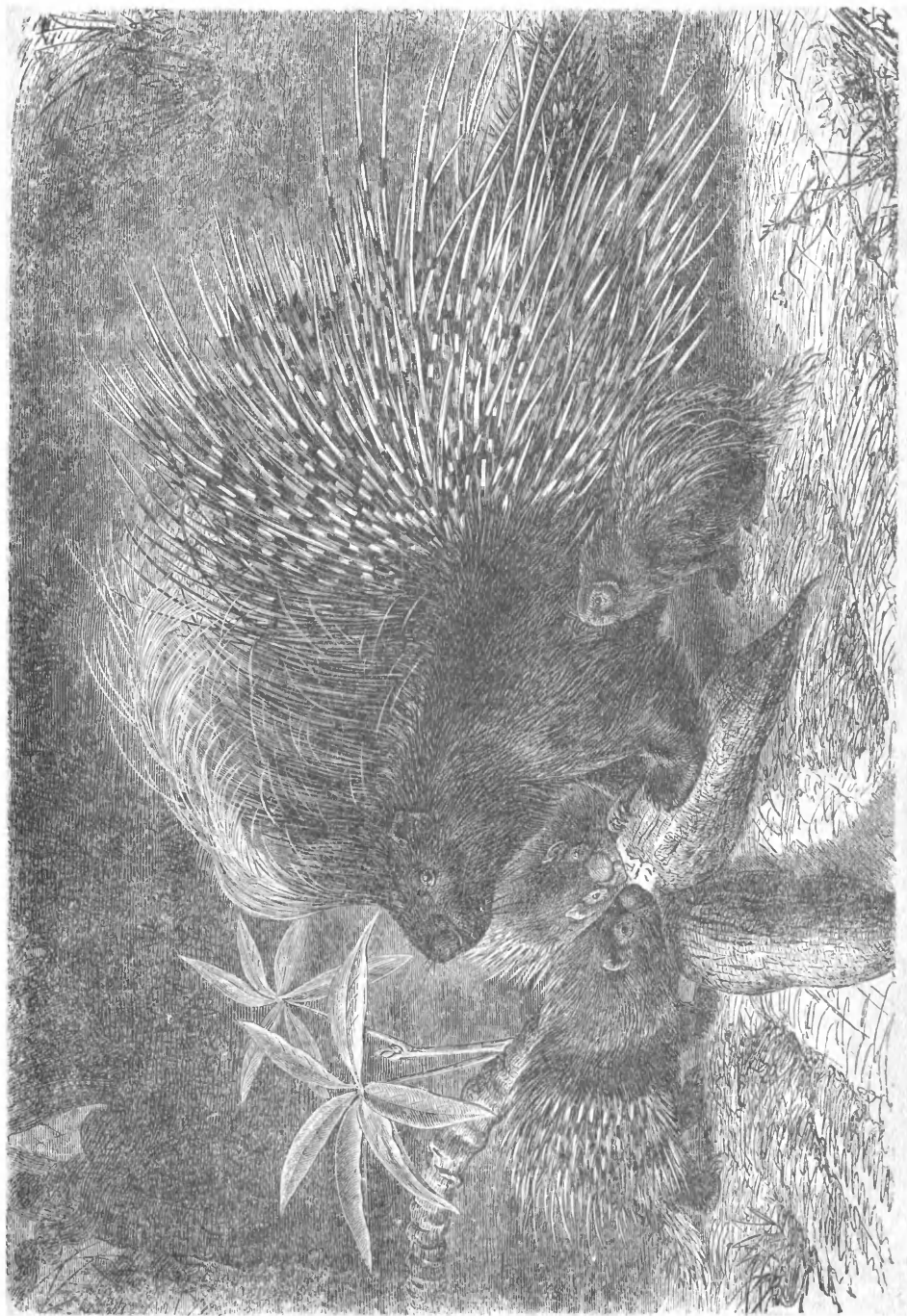
Олень (*Cervus Elaphus*).

над ними носились бы крачки, чайки и другие водоплавающие птицы. Здесь же во все наше пребывание в этой лесистой и сырой местности мы встретили одного единственного кулика-ходулочника, сиротой стоявшего на своих длинных красных ногах посредине болота, населенного одними только лягушками. Зато зимой как все Каспийское побережье Персии, так и стоячие воды вдали от берега представляют настоящее птичье царство. Бесчисленное множество разных пород уток, гусей, куликов, пеликаны, бакланы и чайки пережидают здесь холодное время наших стран, чтобы ранней весной отправиться снова на север выводить там детей.

Кафар, которого мы забыли предупредить, что будем ночевать в лесу, был в страшной тревоге, порешив, что мы попали в лапы туркменам. Такое предположение казалось тем более правдоподобным, что жители Наукяна, приходившие без нас к нам в лагерь, выражали удивление, почему мы остановились в лесу, а не в ауле. По их словам, одни только лошади наши — добыча, настолько привлекательная для туркмен, что они не замедлят воспользоваться случаем сделать на нас нападение. То же повторяли нам и персияне, когда мы вернулись к палатке. Они рассказали еще следующую историю, разыгравшуюся не дальше, как третьего дня. Трое туркмен угнали у одного наукянского жителя лошадей; тот во-время узнал об этом, подстерег воров в то время, когда они гуськом пробирались по лесной тропинке, и выстрелом из винтовки свалил с седла двух туркмен. Из расспросов оказалось, что этот конец истории произошел как раз в то время, когда мы среди леса подъезжали к месту теперешней нашей стоянки; мы даже слышали выстрел в недалеком от нас расстоянии. Одному туркмену перс отрезал его десятирублевую голову, а другого оставил с головой, так как очень торопился, боясь погони.

На предложение жителей Наукяна перебраться в аул мы сначала ответили отрицательно. В ауле было душно, грязно и далеко от природы; к тому же мы не верили, что туркмены решатся напасть на русских. Но нам пришлось уступить.

К нам приехал какой-то важный персиянин, вероятно, хан, судя по тому, что при его приближении все, кто до того времени сидел, встали. Этот господин сообщил нам, что он не ручается за нашу безопасность, если мы будем продолжать жить в лесу; а всякое несчастье с нами поставит его пред своим начальством в особенно неприятное положение, так как мы принадлежим к дружественной персидскому государству нации. После такого довода

Семья дикобразов (*Hystrix cristata*).

настаивать было невозможно, и мы перебрались в аул, расположившись на дворе одного домика.

Жители Наукяна принадлежат к турецкому племени; это так называемые адербейджанцы. В отличие от коренных персов или фарсов, они чрезвычайно радушны и гостеприимны, деятельны и храбры. Персидское правительство поселило их на границе туркменских земель, чтобы за их спиной могли прятаться трусливые и изнеженные фарсы. И, действительно, адербейджанцы не дают спуска туркменам и частенько-таки рубят головы этим головорезам. Туркмены уверяют, что, не будь на границе турок, как они называют адербейджанцев, они выкрали бы из гарема шаха всех его многочисленных жен.

Как и надо было ожидать, вокруг нас целый день толпился народ, запрудивший и дворик и узенькую улицу. Мужчины болтали с Кафаром, расспрашивая, конечно, о наших персонах; мальчишки норовили залезть в переметные сумы с головой и ногами для того, чтобы посмотреть, что там есть; а женщины с любопытством разглядывали нас издали. Все же вместе, несмотря на свое добродушие, надоели нам до такой степени, что на другой день мы решились бежать.

З., впрочем, приходилось уезжать еще и по другой причине. Уже давно у него разболелась нога; а последние дни, вследствие усиленной ходьбы, она окончательно отказалась служить ему. Здесь, в Наукяне болезнь до такой степени обострилась, что бедный З. едва мог переступить. Поэтому ему не оставалось ничего другого, как вернуться в Россию. Один местный житель взялся доставить его на лошади в г. Астрабад, до которого отсюда было не более 15 верст, а там З. рассчитывал на содействие русского консула. Впоследствии оказалось, что расчеты моего спутника оправдались, и он благополучно доехал до Оренбурга.

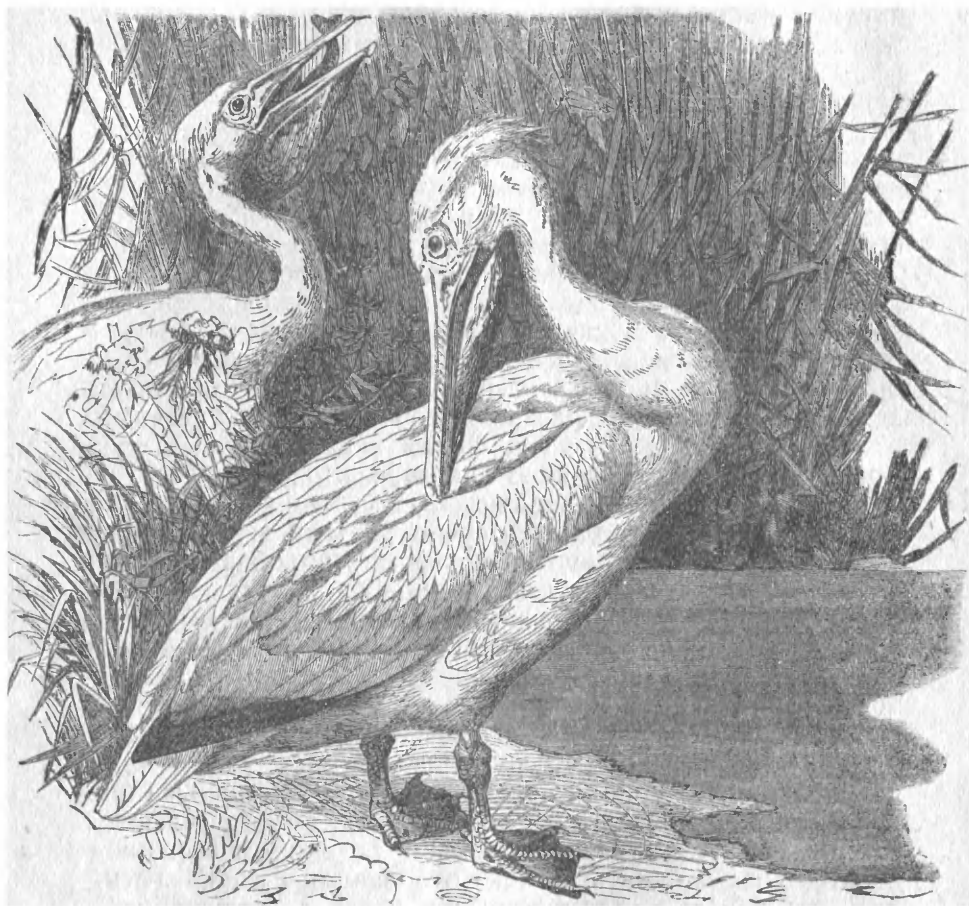
Таким образом мы расстались. Не медля нимало, я с Кафаром сделал маленький переход, всего в три версты, и разбил свою палатку близ крошечной крепостцы Туранг-тепе. Теперь настала моя очередь предаваться хвори. Все южное побережье Каспийского моря с его роскошной природой, вследствие обилия ручьев и рек, разливающихся по рисовым полям, отличается лихорадочным климатом. В летнее время лихорадка, можно сказать, висит здесь в воздухе. Желтые, изможденные лица жителей Туранг-тепе свидетельствовали, что местное население, вероятно, все поголовно или переболело, или теперь страдает этой болезнью. Тем более мудро было избежать ее лап приезжему человеку. З. уже начинал чувствовать ее холодные объятия, но во-время уехал в Асхабад. Меня

она окончательно приковала к войлочному одру в моей крошечной палатке в Туранг-тепе. Только Кафар, как ни в чем не бывало, продолжал себе болтать с соотечественниками, оставаясь столь же ленивым и вялым, как и прежде. Ночью меня одолевал „цыганский пот“, от которого зубы стучат, как кастаньеты, а днем такая бессильная немощь, при которой ноги и руки уподобляются плетям. Хина не действовала, хотя я глотал ее без всякой меры; оставалось только плестись вперед, пока не выйдем из этого царства лихорадки в горы.

От Туранг-тепе я сделал еще два перехода до подножия гор, прошел несколько аулов, — какие, уже теперь не помню, — простучал зубами еще две ночи среди роскошного леса, под музыку журчащих ручьев, и 14-го числа поднялся на 5—6 тысяч футов в горы, к аулу Алястан.

По мере того, как наши лошади карабкались вверх, становилось прохладнее, лес редел и мельчал. В окрестностях Алястана, за исключением грецкого ореха, шатром раскинувшегося над нашей палаткой, крупных деревьев не было. Румяные лица жителей аула указывали на то, что здесь уже кончилось царство лихорадки, и, действительно, я скоро перестал стучать по ночам зубами, и только руки мои попрежнему бессильно висели, как плети, благодаря чему фазаны, выскакивавшие из-под моих ног, не дождавшись выстрела, благополучно улетали в кусты. Эти благородные, но глупые птицы отчасти были обязаны своим спасением... чему бы вы думали?.. Мусульманскому посту, уразе, в течение которого правоверные не едят целый день, до наступления ночи. Правоверные заставили справлять свой пост и меня. Если не считать двух—трех горшков молока за неделю, единственной провизией, которую мне удавалось доставать в Алястане, были чуреки. Так называются тонкие, как холст, длиной, по крайней мере, в аршин, пресные лепешки, столько же пригодные для еды, как и для употребления, вместо салфеток. Вот из этих-то салфеток, и только из них одних, мне и приходилось набираться силы, отобранной у меня персидской лихорадкой. Очевидно это было возможно не в очень короткий срок, чем и пользовались фазаны. Мне оставалось обратить свое внимание на птиц, которых можно было стрелять не спеша, в то время, когда они сидят на ветке. Но увы!.. это были щеглы, зяблики, трясогузки и другие птицы, не больше воробья; чаще же синицы. На охоту за этой лиллипутской дичью я отправлялся куда-нибудь подальше от аула. Чтобы не ронять в глазах персиян престижа русской нации, я жарил и съедал свою крошеную добычу там же, в лесу, закусывая чуреками и дикой алычей (род сливы).

Сами жители Алястана питались, однако, не одними чуреками: я видел у них молоко, что-то в роде сыру, рис, яйца и кур. Каково было мне смотреть на все это после синиц, а, в особенности, до них! Между тем приходилось именно только смотреть, так как алястанцы не хотели

Пеликан
(*Pelecanus onocratalus*).

продавать нам ничего, кроме чуреков, да и те Кафар добывал после энергичных дипломатических представлений.

Вообще, алястанцы произвели на меня неприятное впечатление. Это были коренные персы, фарсы или таты, как они себя называют, племя иранского происхождения. В противоположность азербейджанцам, таты ленивы, лживы, болтливы, ханжи, попрошайки и, — пусть обвиняют меня

в пристрастии, — крайне негостеприимны. Целый день по 5, по 6 откормленных персиян сидели около моей палатки и кланчили то кусок сахару, то пороху, то чаю или пистонов; они готовы были стащить с нас последнюю рубашку, если бы на то хватило нашей любезности. Но сами они ни малейшей услуги не хотели делать даром.

Когда я пытался было поймать козленка, чтобы его погладить, один из моих постоянных гостей доставил мне это удовольствие: он подвел мне козленка, но за свою работу потребовал 10 пистонов; когда же я отказал, он стал ругаться.

В свои дома таты не пускали не только меня, но даже такого же мусульманина, как они сами, Кафара, полагая, что и он может осквернить их жилища, так как ест со мной и не справляет уразы. Если я случайно прикасался к их посуде, они мыли и чистили ее, как будто из нее лакала собака. Однако эта религиозная брезгливость нисколько не мешала им выпрашивать у меня сахар. Сахаром же расплачивался я и за услуги мальчишек и взрослых персиян, которые носили мне жуков, ящериц и всякую другую живность. Когда запас его стал заметно истощаться, я пустил в обращение пистоны, и 20—30-летние мужчины, наперерыв перед мальчишками, отправлялись на ловлю жуков, чтобы заработать десяток пистонов и доставить себе развлечение, разбивая их камнем. Кому было лень заниматься ловлей, тот просто протягивал руку, приговаривая:

— Искандер, чакар! Искандер, пистон! — пока, наконец, „Искандер“ не приходил в иступление и не прогонял попрошаек от палатки.

Много крови испортил мне также мой спутник Кафар. Достаточно сказать, что это был самый чистокровный фарс, к тому же уже пожилой, лет под 50, и довольно тучный. Ленъ, настоящая восточная ленъ была главной чертой его характера. В нашем путешествии в течение каждого перехода были три момента, служившие для Кафара истинным наказанием. Это — вьючение лошадей, их развьючивание и установка палатки, т. е., собственно, почти все, что от него требовалось. Уже с приближением этих каторжных для него минут, Кафар становился мрачным. Самые же работы исполнял с неизменным ворчанием; а палатку ставил только после усиленных моих требований, всякий раз уверяя, что без нее лучше. Одна только нечистоплотность его могла вывести из себя самого невзыскательного человека. Раз как-то, забравшись в палатку пить чай, я попросил своего персидского „ричарда“ наколоть сахару. Долго он копался, с ворчанием роясь в переметной суме; наконец, слышу, колет, но

колет каким-то странным способом. Я приподнял стенку палатки и увидел такую картину: Кафар кладет кусок сахара между коренными зубами, затем ударяет себя по нижней челюсти и отколовшиеся куски кладет на землю.

— Что ты делаешь? — кричу я.

— Не видишь, что ли? Сахар колю! — отвечает Кафар.

— Кому? — в ужасе спрашиваю я опять.

— Кому!.. Известно, тебе!..

С тех пор у Кафара, к его удовольствию, одной обязанностью стало меньше.

Шесть дней прожил я в Алястане. В течение этого времени чуреки и синицы, как никак, а сделали свое дело. Я настолько оправился от лихорадки, что решил ехать дальше. Впереди были горы, местами крутые и каменистые. Поэтому пришлось подковать лошадей, что было сделано только после целого ряда длинных переговоров сначала с Кафаром, потом с каким-то местным персиянином, далее с сыном кузнеца и, наконец, с самим кузнецом.

Еще больше хлопот доставило мне приведение в порядок содержимого моих переметных сум. Невероятный кавардак натворил в них Кафар за время моей болезни! Изломанные свечи были пересыпаны сахаром; чай оказался затисканным в грязный носок; дробь каталась на дне сум; сапоги попали в чистое белье; туда же угодили, неизвестно откуда взявшаяся баранья кость и мышьяковое мыло для смазывания шкурок; все это было перемешано в настоящий винигрет, в одной порции которого можно было найти образцы всех моих вещей, от кусочка мыла до щепотки чаю включительно. Вероятно, это была особая система укладки, придуманная Кафаром, чтобы долго не рыться в сумам, отыскивая то, что было надо.

20-го июня, в сопровождении проводника, мы, наконец, выступили из Алястана. Дорога от самого аула поднимается в гору, местами настолько круто, что приходилось слезать с лошадей и вести их в поводу. Скоро позади, или, вернее, ниже нас остались последние деревца, а на перевале местность окончательно приняла альпийский характер. Безлесные горы поросли здесь низкими, колючими, как еж, кустами трагаканта. Среди скал кричали каменные куропатки; красноносые альпийские галки с мелодическим гиканьем носились над нашими головами; а в горной долине, впереди нас растиался широкий зеленый ковер альпийского луга. Верстах в 15-ти от Алястана дорога разделяется на две ветви: одна идет к Шахруду, до которого отсюда 28 верст, другая поворачивает на восток, куда направились и мы. Навстречу нам то и дело попадаются ослики, везущие на спине дрова и хворост. За ними плетутся пешком их хозяева — персы.

Переночевав на альпийском лугу и порядочно продрогнув, мы до света выступили в путь. Окрестные горы так же безлесны и унылы, как и раньше. Только в лощинах попадались кусты шиповника, барбариса, жимолости, разные травы, и все это было в полном цвету, как весной.

Около полудня мы подошли к аулу Абер и в версте от него остановились лагерем. Абер значит облако, и, действительно, низко - низко над нашими головами целый день проносились облака, обдавая нас легким дождем: иногда они заполняли всю долину, где стоял аул, и мы оказывались окутанными густым туманом.

В течение пяти дней, пока мы стояли здесь, все время дул холодный ветер; по утрам термометр показывал всего 8° R тепла. Словом, во всем сказывалось возвышенное положение местности.

Жители Абера — оседлые туркмены из племени гокланов, выселенные сюда персидским правительством, и адербейджанцы. Баранина, куры, молоко, яйца и даже яблоки и абрикосы, привезенные из какого-то аула, лежащего ниже, у нас не переводились. Вот, что значит адербейджанцы! Хорошо вам смеяться: а для меня это неважное, по-вашему, обстоятельство имело очень важные последствия.

Несмотря на пронизывающий ветер, сырость и дождь, с бодрым духом бродил я по окрестным горам и исправно делал свое дело. Сорокопуты, овсянки, перепела так и кувыркались под моими выстрелами; а ящериц я наловил столько, что жители Абера вообразили, что я их ем. С тех пор слава ящерицееда шла далеко впереди меня, так что старухи в аулах обязательно спрашивали Кафара, правда ли, что русские едят кяльбасу, т.-е. ящериц.

Свежая провизия всегда была бы к моим услугам, если бы я в действительности ел ящериц. Особенно пригодны были бы для этой цели стеллионы, горные ящерицы, длиной более 30 сантим., толстые и мясистые. Своими крючковатыми когтями они очень ловко цепляются за неровности скал и потому могут лазить по отвесным стенам. Поймать живьем стеллиона почти невозможно, разве только он случайно выбежит на ровное место, где нет камней и нор. Но нет ничего легче, как застрелить его мелкой дробью. Местами эти ящерицы попадались в огромном количестве; на глиняных заборах садов, на камнях, на старых постройках, на скалах — всюду чернели их головы, с любопытством глядящие на прохожего. Когда вы проезжаете мимо стеллиона, не обращая на него внимания, он обязательно проводит вас глазами, как будто хочет узнать, друг вы или недруг. Попробуйте сделать неприятное движение в его сторону, и он тотчас же

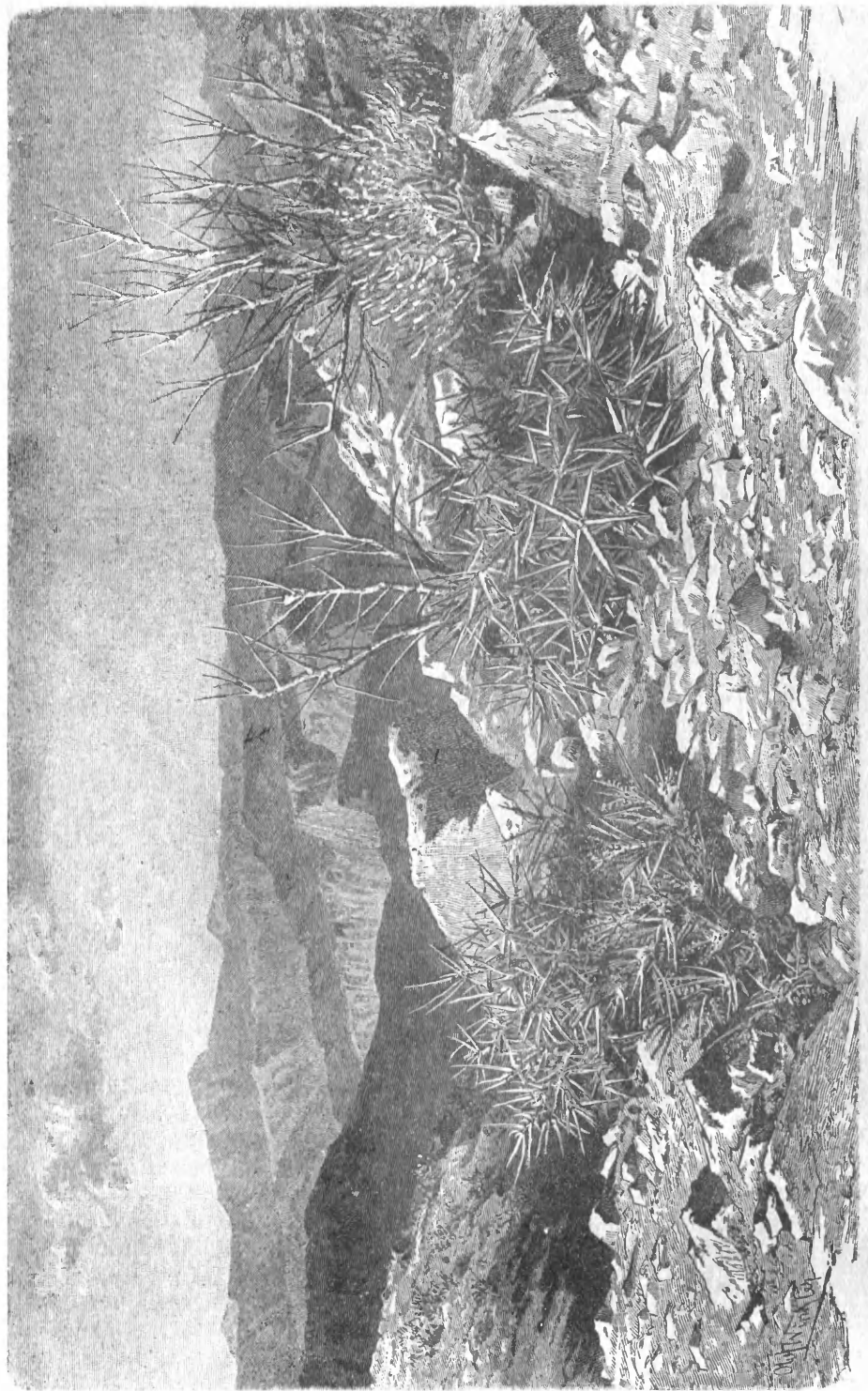
спрячется в ближайшую щель. Значительно реже встречается в горах сцинк, крупная ящерица с гладкой рыбьей чешуей и чрезвычайно ломким хвостом. Я поймал несколько сцинков, и все они с досады поломали себе

Стеллион
(*Agama stellio*).

хвосты до самого корня. От двух сцинков мне достались одни только хвосты, а сами ящерицы успели убежать, чтобы отрастить их снова.

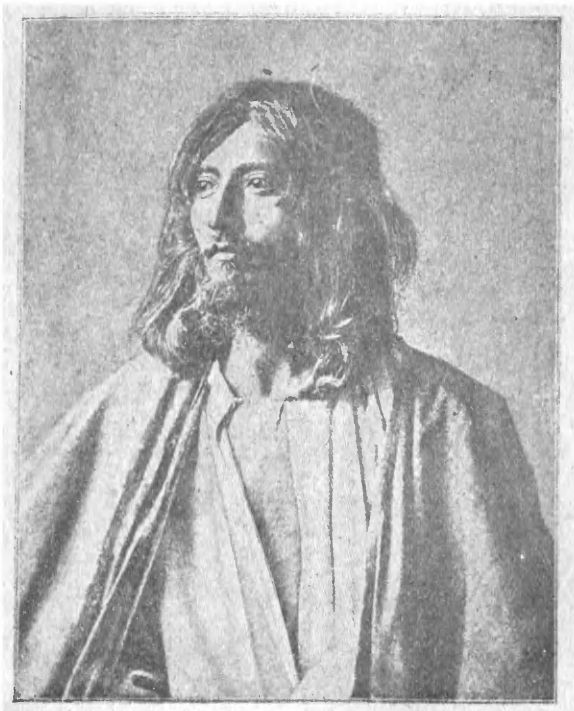
Вечером я забирался в свою палатку, и, хотя ветер трепал ее тонкие стенки, пытаюсь разорвать их в клочки,

Колючий дерн и кусты трагаканта в Персии.

хотя он прохватывал и меня самого, на душе было весело и тепло.

Около нашего лагеря никогда не переводились гости. Их любопытство относительно моей особы удовлетворял, конечно, Кафар. Когда же он был в отлучке, наши беседы принимали совершенно односторонний характер в том смысле, что говорили только мои гости. Сидит себе подле меня азербейджанец и смотрит в глаза, или с любопытством следит, как я препарирую птицу. По всему видно,

Персидский дервиш.

что его разбирает необыкновенное желание о чем-то спросить. Наконец, он не выдерживает и с жаром, с жестикуляциями начинает что-то лопотать. Говорит, говорит, пока мое „бель-мей“ (не понимаю) не охлаждает его пыла. Азербейджанец прекращает свою речь, но в скором времени не выдерживает молчания и снова начинает лопотать, видимо, стараясь объяснить свою мысль еще проще. Опять „бель-мей“, и опять молчание. Затем на сцену выступает другой гость. Очевидно, в расчете на то, не будет ли он счастливее, новый собеседник сначала задает

короткие вопросы, а затем раздражается целой речью, но опять с тем же успехом. После нескольких таких приступов к беседе, я, наконец, не выдерживаю и принимаюсь хохотать. За мной начинают смеяться и гости. В числе гостей очень часто находился дервиш одного из ближайших мусульманских монастырей. В своем монашеском костюме, с длинными волосами, с симпатичным лицом, он производил впечатление человека „не от мира сего“. Сидя у входа моей палатки, он распевал гортанным голосом псалмы, в которых часто упоминал имя „Иса“ (Иисус), чем, очевидно, хотел доставить мне удовольствие.

Жители Абера занимаются скотоводством и земледелием, несмотря на холодный климат долины. Они сеют пшеницу, которая теперь только что начинала колоситься, в то время, как внизу, в окрестностях Наукяна, хлеб давно уже был сжат.

Зимой, как говорят, здесь выпадает снег слоем в сажень толщиной, так что три месяца жители никуда не выходят из аула. В окрестных горах водится много диких баранов или архаров, и я, воспользовавшись приглашением одного азербейджанца, отправился с ним на охоту.

Доехав верхом до подножия гор, мы оставили здесь лошадей, а сами стали карабкаться по скалам. Усыпанные щебнем склоны настолько круты, что с трудом верится, чтобы можно было добраться до гребня. Однако мы лезем. Ноги скользят, сворачивая острый, как камень, щебень. Он с треском сыплется вниз, захватывая новые камни, которые вместе, целой лавиной, уже с грохотом скатываются к подножию горы. По временам мы карабкаемся на четвереньках, цепляясь одной рукой за камни, а другой опираясь на винтовку. Я, конечно, бессовестно, отстаю. Где уж тут тягаться с рослым молодцом, выросшим в этих подоблачных горах, мне, степняку, да еще прошедшему 8 классов гимназии и 4 курса университета.

Мой милый спутник, хотя и не знает этого, но, видимо, сочувствует мне. Он всячески помогает мне ползти, и с его помощью мы добрались, наконец, оба до острого гребня горы. Сняв папаху, азербейджанец осторожно выставил голову из-за камня, осмотрел противоположный склон и, убедившись в том, что баранов нет, пошел дальше. Пройдя еще с полверсты вдоль гребня, мы снова выглянули из-за камней и увидели небольшое стадо баранов, мирно отдыхавших между скал. Надо было проползти еще шагов 100 для того, чтобы выйти как раз против стада.

Вот тут-то, пока мы делали последний десяток ползков, приступы охотничьей лихорадки разыгрались у меня во всей силе. Руки дрожат, из глаз от чрезмерного напряжения льются потоки слез, в ушах стучит. Выставив

голову из-за камня, я уже не различаю отдельных животных, хотя до них не более 200 шагов: вижу только, вообще, стадо, спокойно стоящее на склоне горы. Так скоро, как будто предо мной выскочил бекас, я вскидываю винтовку и не целясь стреляю. Бараны сломя голову бросаются вниз. Я заряжаю винтовку снова, стреляю вдогонку вторично, третий раз, и только когда все до одного барана исчезли окончательно, я прихожу в себя и вижу, как мой спутник с добродушной улыбкой укоризненно качает головой, приговаривая: „Ой, ой!“

Раскаты выстрелов перепугали животных; в этот день

мы не видели более ни одного барана. Зато на обратном пути, уже спустившись в долину, встретили несколько антилоп джейранов, к которым, однако, не удалось подойти на расстояние выстрела.

Так неудачно кончилась наша охота на баранов. Между тем здесь их так много, что, при большом хладнокровии, в сопровождении местного охотника, можно было бы, наверно, рассчитывать на успех. Чтобы добыть шкуру барана, я просто-на-просто заказал ее одному из гокланов и на другой день он доставил мне убитых им в ближайших горах самца и самку.

Гораздо труднее добыть

горного козла или тека. Козлы держатся в неприступных местах гор. К тому же, они чрезвычайно осторожны и чутки, так что только случай может вывести охотника на расстояние верного выстрела.

27 июня мы выехали из Абера. По пути местность заметно понижалась. Вскоре мы вышли на обширную, окруженную горами равнину, носящую характер среднеазиатской пустыни. Чахлая полынь на растрескавшейся от солнца глине, стада джейранов, как тени, мелькавшие вдали, степные жаворонки, рябки, глинисто-желтые ящерицы, словом, точно степь в Туркестане. После пяти часов езды

Дикие бараны
(*Ovis arkal*).

мы подошли к двум большим, лежащим почти рядом, аулам, из которых один называется Келяте, а другой — Хыч. Несколько сот домов Келяте-Хыча расположены на склоне холма уступами, так что полы одного уступа непосредственно переходят в плоские крыши другого, лежащего ниже. Издали оба аула производят впечатление огромной лестницы, окруженной перилами из великолепных садов. Нам отвели небольшой домик на берегу журчащего ручья между двумя садами, в тени великолепного развесистого чинара. Так как жители оказались азербейджанцами, то в наше распоряжение тотчас же поступили бараний шашлык, плов, молоко и фрукты, множество пре-

Горные козлы
(*Capra aegagrus*).

восходных фруктов. Наибольшее внимание мы оказывали тутовой ягоде какой-то особой породы шах-тут (царский тут). Мы ели ее и за обедом, и после обеда, и вечером, и утром, натошак; а Кафар, чтобы не терять драгоценного времени, носил ее, кроме того, в платке и ел, когда ходил по аулу. Совершенно неожиданно для себя мой спутник встретил здесь своего старого знакомого, бывшего сарбаза (солдата) персидской армии, с которым он был в приятельских отношениях, когда жил в Астрабаде. Удивительно, какие бывают на свете случайности! Много лет тому назад, уезжая в Россию и прощаясь с этим своим приятелем, Кафар говорил ему:

— Быть может, когда-нибудь придется быть в твоём ауле; Бог даст, попирую и на твоей свадьбе.

И что же! Мы приехали в Келяте-Хыч как раз за два дня до свадьбы этого сарбаза.

Видя в этом счастливое предзнаменование, жених убедительно просил нас остаться до этого торжества, а на то время командировал ко мне своего брата, в качестве чичероне. Чичероне прежде всего повел меня показывать мне аул. Пока мы карабкались по уступам плоских крыш Келяте-Хыча, отовсюду, из-за ближайших стен, из щелей домиков и даже из низких и широких труб очагов, смотрели на меня глаза местных обитателей, а в особенности, прекрасной половины человеческого рода¹⁾. Шопот, затаенный смех сопровождали нас все время, пока мы путешествовали по аулу, или, вернее, по его крышам. Впоследствии оказалось, что мой чичероне, под предлогом показать мне Келяте-Хыч, на самом деле, водил меня самого напоказ. К его оправданию, надо сказать, что он заставил меня изобразить из себя обезьяну только после упорного настояния местных дам, которые, не видав никогда ни одного русского, особенно интересовались моей персоной.

Кафар, в свою очередь, был моим истолкователем. Наверно, он натер себе на языке мозоли, отвечая на всевозможные, подчас удивительные по своей наивности, вопросы местных обывательниц. Конечно, не обошлось дело без вопроса о том, правда ли, что русские едят свинину и ящериц. Одна старуха любопытствовала знать, как я сплю: так ли, как люди, или, может быть, сидя, или стоя. Другая, полагая, что я нахожусь в изгнании, спрашивала, далеко ли до моей родины. Когда Кафар ответил ей, что на осле можно доехать не скорее, как в четыре месяца, она покачала головой и проговорила:

— Ох, бедный мусульманин! За что его так далеко прогнали?

Когда ей заметили, что я поехал сюда добровольно, она начала вздыхать, приговаривая:

— И как это мать его пустила!

Среди местных достопримечательностей в Хыче мне показали знаменитого персидского клеща, укушение которого будто бы смертельно. Так себе, маленький клещик, очень похожий на тех, которые у нас присасываются к собакам; а кусается, если не до смерти, то, во всяком случае, до того сильно, что укушенное место болит целый месяц. Так, по крайней мере, мне говорили в Хыче.

¹⁾ Женщины у азербейджанцев ходят с открытым лицом и, вообще, пользуются гораздо большей свободой, нежели у фарсов.

Сегодня, 28-го июня, свадьба приятеля Кафара. Кафар ушел на целый день к жениху; а я вот уже пол-дня валяюсь возле своей палатки в тени чинара. Тихо и тепло; я сказал бы жарко, если бы мне когда-нибудь было жарко в тени. Над головой сонно шелестят широкие листья чудного дерева, тихо журчит ручеек; сном, настоящим восточным полуденным сном объята вся природа. Дремота одолевает и человека. Какая-то особая истома разливается по телу; лень протянуть руку, чтобы напиться, лень повернуться на другой бок, посмотреть в широкое небо, лень даже думать. Обрывки мыслей без всякой связи и без толку мелькают в оцепенелой голове... А листья все шелестят, ручеек журчит, напевая: „спи себе, спи!“ Вот она, восточная нега, на месте ее родины!

Только ящерицы не поддавались этой расслабляющей неге и, как ни в чем не бывало, шныряли себе на самом солнцепеке. Вот одна влезла на верхушку глиняного заборчика сада, села по-собачьи, повернув голову, пристально посмотрела в мою сторону и скрылась. Наверно, она побежала доложить своим подругам:

— Бегайте, резвитесь, ловите жуков: он спит!

Хотя я и не спал, но ящерицы и вся живая тварь были в это время в полной безопасности от меня.

29-го утром мы стали собираться в дальнейший путь. Провожать пришли наши добрые знакомые и принесли кто слив, кто яиц, а мальчуганы презентовали мне пару жуков. Приходил и местный мулла, написавший мне на память в мою записную книгу трогательные, хотя не совсем соответствующие положению вещей слова, которые в переводе можно приблизительно передать так:

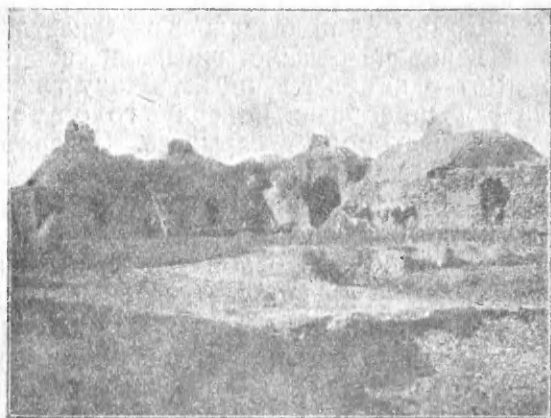
„Ты подобен цветку. Сегодня он явился во всей своей красе и услаждает мои взоры; но завтра его не будет. Так и ты, путник, сегодня здесь, а завтра я не буду иметь счастья тебя видеть“.

Путник во всей „своей красе“, т.-е. в блузе, испачканной порохом и птичьей кровью, в фуражке, когда-то белой, а теперь серой, с облупившейся, как у ящерицы, кожей на лице, взгромоздился на спину своего далеко не ретивого коня и, следуя за проводником, поехал по узким закоулкам аула. Сзади полпелся Кафар, держа в поводу третьего россиянина. Надо заметить, что наши лошади, благодаря тому, что Кафар небрежно относился к их участи, а я ничего не понимал в уходе за ними, по мере нашего движения вперед, все более и более приближались по своему виду к знаменитому коню Дон-Кихота; одна из них настолько сбила себе спину выюком, что приходилось подумывать о замене ее свежей.

Итак, мы выехали с проводником во всей своей красе. Удивительный у нас проводник! Мне чрезвычайно нравится его добродушное, симпатичное лицо; между тем он убил не больше и не меньше, как семь туркмен. С самым невозмутимым видом рассказывал он, как отрезал голову одному из них, раненому первоначально в ногу, как тот схватил его зубами за руку, стараясь вырвать нож.

— А все-таки отрезал! — с добродушной улыбкой закончил свой рассказ этот охотник за головами, показывая шрамы от зубов туркмена.

По дороге, пред входом в небольшое ущелье, проводник показал нам башню, построенную в воспоминание об одном из эпизодов войны персов с туркменами. Турк-

Домики горного аула.

мены огромной шайкой напали на персидский аул, находившийся близ ущелья. Но в ауле скрывался большой персидский военный отряд, о котором туркмены ничего не знали. Произошла свалка, в которой персы на туркменских головах заработали около 3.000 рублей. Несмотря, однако, на благоприятный для персиян исход стычки, жители по уходе отряда бросили аул, и теперь от него остались одни развалины глиняных домов.

Весь сегодняшний день мы шли по безлюдной местности. Долины с характером пустыни чередовались с ущельями, поросшими мелким кустарником. Наконец те и другие привели нас к быстрому ручью, где мы и расположились ночевать.

На следующее утро, когда мы собрались было выючить лошадей, оказалось, что те исчезли. После довольно долгих поисков, с помощью проводника, удалось-таки

найти их в ближайшем ауле. Жители его взяли в плен наших коней будто бы за то, что они истоптали пшеницу. Начались длинные дипломатические переговоры, в которых с нашей стороны были употреблены и красноречие и угрозы жаловаться русскому консулу, хотя до русского консула, кстати сказать, хоть три года скачи — не доскачешь. Тем не менее переговоры привели к удовлетворительному результату: за 4 крана (80 коп.) лошади снова вернулись в наше владение, и мы немедленно поехали дальше.

Персидская лавка.

Сегодня мы прошли маленький аул и остановились на ночевку близ Кашизара, окруженного множеством пашень и садов, орошаемых довольно большой речкой.

1-го июля, пройдя верст 15, мы стали спускаться в огромную круглую, лишенную всякой зелени, котловину, на дне которой стоит укрепление Нардын. Мы расположились здесь лагерем, рассчитывая прожить несколько дней.

Укрепление Нардын служит оплотом против нападения туркмен специально для защиты персидских торговых караванов. Незадолго до нашего прибытия туркмены ограбили караван с ситцем. Но нардынские кавалеристы догнали разбойников, отбили у них товар и двоих взяли в плен. Теперь пленники сидели в кандалах под

строгим караулом и дожидались решения своей участи в Тегеране. Несмотря на то, что почти наверно им предстояла обычная в таких случаях участь — остаться без головы, персидские солдаты обходились с ними превосходно. Они не только кормили пленников тем же, что ели сами, но даже развлекали их разговорами, сидя подле окна тюрьмы. Хан, начальник Нардына, узнав о приезде русского, тотчас же отправил к нам несколько солдат с приглашением перебраться внутрь укрепления. Но так как под стенами Нардына нам не грозило никакой опасности со стороны туркмен, а внутри этих стен было и душно и пыльно, я наотрез отказался от предложения. Тогда к нашей палатке был приставлен караул, в образе сарбаза с длинной кривой саблей и плохим ружьем. Наконец, к нам явился сын хана, начальник местной кавалерии, красивый молодец в нарядном костюме. Он пригласил меня осмотреть укрепление, а заодно и отобедать с ними.

Итак, нам предстоял званый обед у персидского хана. Признаться, это приглашение доставило нам не мало забот, главным образом, по причине той самой нашей „красы“, о которой засвидетельствовал в моей записной книжке мулла в Келяте-Хыч. Чтобы поддержать честь русского имени, надо было во что бы то ни стало видоизменить эту красу, для чего приходилось вытаскивать со дна переметных сум все, что могло придать мне европейский вид. Конечно, пришлось примириться с некоторыми отступлениями от современной моды, например, пришлось обойтись без крахмальной сорочки, вместо которой я надел зеленую шелковую; в конце концов, мне все же удалось превратиться в европейца. Но что было делать с Кафаром, этим настоящим и безнадежным оборванцем. Правда, вместо засаленного кафтана, разукрашенного заплатами и дырами, он мог надеть мою кожаную шведскую куртку; но его панталоны, сквозь которые лезли наружу голые коленки, положительно приводили меня в отчаяние, так как заменить их, как казалось, было решительно нечем. Однако Кафар вспомнил об одной принадлежности моего костюма, о которой не принято говорить в обществе, и нашел, что все затруднения теперь улажены. Вместо своих панталон он нарядился в эту принадлежность, на босые ноги надел опорки и объявил, что в таком виде мы можем отправиться на званый обед, несколько не оскорбляя зрения хана своим видом. Так как персидские порядки Кафару были известны лучше, чем мне, оставалось только согласиться, тем более, что другого исхода не было, — и мы отправились.

Старый хан, почтенный персиянин, с длинной бородой, принял нас в большой палатке, разбитой в садике перед

его домом, при чем извинился, что не может пригласить нас в комнаты, так как там живут его жены. Выразив свои симпатии русским, он расспросил меня о цели путешествия, видимо, предполагая во мне агента нашего правительства, хотя одного взгляда на моего спутника, в особенности, на его панталоны, для опытного глаза было бы достаточно, чтобы убедиться в неправдоподобности такого предположения.

Обедали в довольно большом обществе, расположившись на кошме, разостланной в палатке. Угощение началось с чая, подаваемого в маленьких стаканчиках и приготовленного по-русски, с самоваром. Обед состоял из шурбы, или бараньего супа с бобами, кабава, или кусочков мяса, жареных на вертеле, плова с бараниной, яичницы, сыра с зеленым луком, меду и особого, очень прохладительного напитка, сделанного из воды и кислого молока с анисом. Все кушанья подаются сразу, и каждый ест их в том порядке, как ему кажется лучшим. Собственные пальцы должны были заменять ножи, вилки и даже ложки, а вместо салфеток служили салфеткоподобные чуреки. Обходиться без помощи ножей и вилок я умел не хуже персиян, но решительно недоумевал, как поступить мне с супом, который подали мне отдельно, в плоской, похожей на тарелку чашке. Поглядывая по сторонам, не покажет ли кто на практике искусство есть суп без ложки, я заметил, как один из гостей крошил в чашку чурек и затем, когда он пропитывался супом, брал куски пальцами и отправлял их в рот. Однако, этот способ показался мне для первого раза чересчур восточным, и я, рискуя обнаружить свою невоспитанность, принялся хлебать суп через край тарелки. Обед завершился круговым кальяном. После обеда, в сопровождении младшего сына хана, мы отправились осматривать укрепления.

Толстые стены из сырцового кирпича, местами разрушенные землетрясением, маленькая казарма для солдат, конюшни, дома хана и здание для приезжающих начальников — вот и все постройки Нардына.

Последнее здание также сильно пострадало от землетрясения; но судя по тому, что уцелело, оно было построено с претензией на восточную роскошь. На стенах его яркими красками намалеваны картины, напоминающие наши лубочные издания, на которых генерал изображается в десять раз больше своих солдат.

Сыновья хана предложили мне принять участие в поездке на Кяльпуш, местность, находящуюся верстах в 15-ти от Нардына и представляющую, по их словам, настоящий земной рай. 4-го июля целая кавалькада всадников явилась около нашей палатки, чтобы вместе с нами отправиться в

этот рай. Признаться, вид этих статных молодцов, в живописных костюмах, с ружьями за плечами, на лихих конях, привел меня в настоящее уныние. Извольте при таких условиях поддерживать честь русской нации. По силам ли была такая задача вашему покорному слуге, которому приходилось принять обычный страннический вид, так поэтически воспетый муллою из Келяте-Хыч? Могли ли поддержать чью-нибудь честь мои лошади, эти выючные животные, из которых лучшая готова была скорее умереть на месте, нежели двигаться иначе, как шагом. В довершение несчастья, когда мы уже выехали, оказалось, что палянг довольный удобный, если на него положены переметные сумы, без этих сум превращается в настоящее инквизиторское кресло. Стебли камышевого вала во время езды впиваются в ваше тело с такой беспощадной жестокостью, что надо быть факиром, чтобы не закричать от боли.

За исключением небольших деревьев можжевельника и кустов барбариса, рассеянных отдельно или небольшими группами, горы, окружающие Нардынскую котловину, совершенно лишены растительности. Само собой разумеется, животные также избегают этой пустынной местности. Только горные бараны и козлы держатся среди скал в изрядном количестве, питаясь жалкой травой, пробивающейся кое-где в трещинах.

Кавалькаду сопровождали несколько человек кавалеристов и прислуга. На одной лошади, навьюченной огромными сумами с провизией, сидел повар. На другой ехал перс, заведующий кальяном; к седлу его с одной стороны была привязана на железной цепи печь, в которой постоянно горел огонь, а с другой — сума с богатым кальяном, к которому по пути, не слезая с седла, прикладывались и ханы и гости. Печь, качавшаяся на ходу, подобно кадилу, служила исключительно для того, чтобы всегда иметь наготове горячие угли для кальяна.

Для большей пышности взят был горнист; он должен был трубить сборы и звуками рожка выгонять из лесу зверя. Это был седой добродушный старик азербейджанец. Дорогой, вспоминая свои молодые годы, он с увлечением рассказывал о войнах, в которых ему приходилось принимать участие, а в особенности, об одной стычке с туркменами.

— Вот было время, — говорил он, — славное время! Я служил тогда горнистом и, кроме маленького ножа, не носил никакого оружия, а все-таки принес хану туркменских голов на 20 туманов.

На одной лошади с этим стариком сидел молодой фарс, служивший у хана в качестве приживальщика или шута... Всю дорогу до хрипоты в горле орал он песни,

а вечером исполнял должность муллы, призывая правоверных к молитве. Как типичный представитель своего племени, он был крайней противоположностью старику азербейджанцу. Этот отличался прямоотой и добродушием; фарс был хитер и бессердечен. Когда их общему коню приходилось взбираться в гору, старик, желая облегчить его, слезал с седла и плелся за ним сзади. Чтобы сколько-нибудь помочь своим старым дрожащим ногам, он хватался за хвост лошади. Но фарс, сидевший на ее спине, начинал всякий раз погонять, и лошадь настолько прибавляла шагу, что старик, не успевая шагать за ней, бросал хвост... Не понимая насмешки, он добродушно просил фарса не торопиться; но тот весело хохотал, продолжая погонять лошадь всякий раз, как старик опять хватался за хвост.

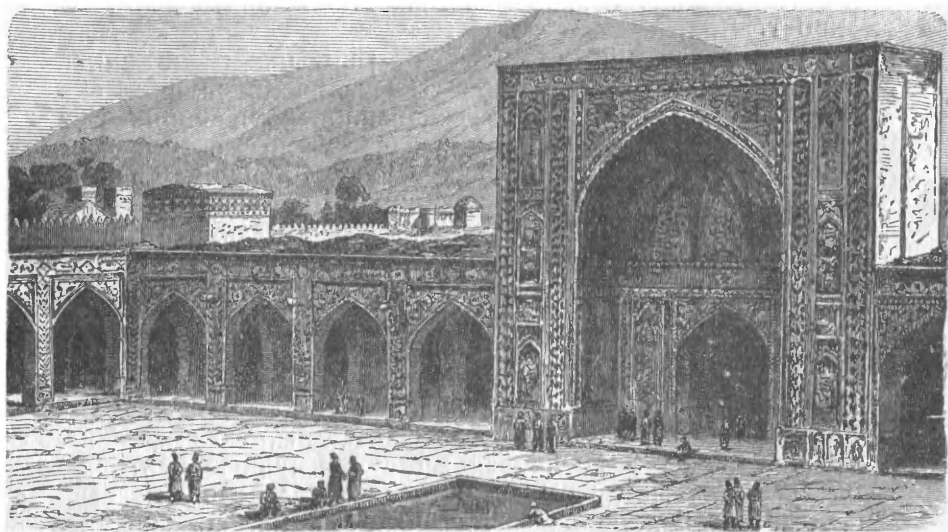
Часа через три по выезде из Нардына мы подошли к той местности, которая носит название Кяльпуш. Действительно, в сравнении с безжизненной котловиной, где стоит Нардын, это — настоящий рай. Склоны гор с черноземной почвой покрыты прекрасной густой травой с яркими цветами. Местами возвышаются рощи крупных деревьев дуба, с примесью черешни и боярышника. В рощах живут олени. Эта благородная дичь служит предметом охоты для самого шаха, который иногда заезжает сюда во время своих путешествий по Персии. Здесь всякий раз ему разбивают палатку на небольшом правильном холме, как бы покрытом ковром яркой зелени.

По временам и мы останавливались для охоты. Старый горнист отправлялся в лес и звуками рожка выгонял зверей. Один раз вышел олень, получил пулю из винтовки одного солдата, но скрылся, оставив после себя кровавый след. Сыновья хана застрелили кабана, но, конечно, не дотронулись до него и даже не показали мне места, где он был убит, опасаясь, вероятно, что я пожелаю его съесть.

Вечером мы пришли в Гусейн-абад, аул, находящийся под управлением Нардынского хана, и остановились на ночевку в хижине одного обывателя. После ужина молодые ханы пригласили певца и музыканта. То были два брата; старший, слепой старик, играл на двухструнном инструменте, вроде гитары, аккомпанируя младшему певцу. В пении последнего было много энтузиазма, но мало гармонии. Это был скорее неистовый крик без всяких признаков мелодии. Не менее увлечения обнаруживал и старый гитарист. Он нещадно бил по струнам рукой, по временам прислонял ухо к инструменту или поднимал вверх свое восторженное слепое лицо; порой он привскакивал с места и качал в такт седой головой. В заклю-

чение спектакля, Кафар, исковеркав слова и мотив, пропел „Стрелка“. Гитарист подобрал аккомпанемент, вместо барабана на сцену явился таз, и скоро под крышей персидского домика полились звуки этой пошлой песенки, доставившей немалое удовольствие ханам и их гостям.

На следующий день мы вернулись в Нардын. Молодые ханы попросили меня остаться еще на день, когда туркменские ханы племени гокланов должны были явиться с поздравлениями к начальнику Нардына по случаю дня его рождения. Прибывшие туркмены, по большей части, молодой рослый народ, держали себя с достоинством и даже с некоторой надменностью. Все они были вооружены винтовками и ножами; а у некоторых были русские

Мечеть в большом персидском городе.

пехотные берданки работы Ижевского завода, попавшие к ним от текинцев. Как известно, под Геок-тепе не одна тысяча наших солдат сложили свои головы. Их ружья достались текинцам, а те перепродали их персидским туркменам, когда текинский оазис был присоединен к русским владениям. Теперь наши берданки принимают очень деятельное участие в грабежах и убийствах в здешней стране десятирублевых голов.

За ужином молодые ханы, по секрету от гостей-туркмен, рассказывали мне забавные вещи о персидских порядках.

— Теперь, — говорили они, — нам живется плохо и скучно, и доходов мало. Кое-когда шайка туркмен огра-

бит караван; настоящей же войны не было уже давно, и ждать ее нечего, после того как русские покорили текинцев. Прежде войны у нас не переводились. На военном положении мы получали большое жалованье, да разная добыча, например, лошади и оружие, отбитые у туркмен, давали нам не мало дохода.

Из дальнейших рассказов выяснилось, что персидские ханы, в виду того, что войны доставляли им особые выгоды, употребляли всяческие старания, чтобы не покорить туркмен окончательно: иначе воевать было бы не с кем. Если по какой-нибудь причине наступал продолжительный мир, который грозил ханам уменьшением доходов на долгие времена, они, по соглашению с туркменскими ханами, устраивали театральные войны. Туркмены делали вид, что нападают; персы выступали против них в поход, палили из пушек, ружей; затем противники, насмеявшись вдосталь, мирно расходились по своим домам. А в Тегеран летели донесения об этой потешной войне, и военное положение закреплялось надолго.

После ужина хозяева и гости принялись палить из винтовок, пистолетов и всяких других орудий. Воспользовавшись настроением, я пытался поддержать честь русского имени, и, надо правду сказать, мне удалось это довольно благополучно. Я велел принести свою заслуженную двустолку и стал показывать штуки, хорошо известные любому охотнику по перу, но для персов показавшиеся удивительными. Подобно фокуснику, который сначала проделывает более обыкновенные фокусы, откладывая самые эффектные под конец представления, я сначала предложил одному из присутствующих бросить вверх куриное яйцо. Когда оно достигло высшей точки, я выстрелил из двустолки и разбил его вдребезги. Другое яйцо я бросил сам; его постигла та же участь. Наконец, я бросил два яйца сразу, и оба они, одно за другим, выпустили на воздух свои желтки. Эффект был полный. Туркмены, которые, кстати сказать, считаются превосходными стрелками, качали головами, приговаривая:

— Ой, урус, чок якши (очень хорошо), урус! — А молодые нардынские ханы попытались было проделать то же самое, но, к довершению впечатления, осрамились.

7-го июля, простившись со своими знакомыми, мы выступили в дальнейший путь. В течение всего нынешнего перехода дорога пролегла скучной местностью. Безводная равнина, покрытая чахлой, выгоревшей на солнце полынью, а в отдалении низкие голые горы — вот все, что мы видели во весь этот день. Около 30 верст шли мы, не встретив на пути ни капли воды. Солнце жгло так, как только может оно жечь в персидских широтах. „Пить,

скорее, пить!“ так думал каждый — и мы и наши лошади. Наконец, после шести часов марша, мы подошли к колодцу, но, к ужасу своему, убедились, что на дне его нет даже грязи: все высохло.

Приходилось идти дальше до следующего колодца. Не медля ни секунды, погоняя своих и без того истомленных лошадей, поплелись мы по голой, растрескавшейся глине. А солнце, склонившееся за полдень, все жгло, да жгло; во рту стало сухо, губы сморщились и собирались растрескаться, подобно глине; в ушах звон, в глазах красные круги... Тучный Кафар, видимо, чувствовал себя хуже всех. Он жаловался на головокружение и с минуты на минуту собирался кувырнуться с лошади. Наконец вдали, как бы плавая в воздухе, показался закругленный купол колодца. Завидя его, лошади без всякого принуждения с нашей стороны прибавили шаг и пошли так скоро, как они не шли все время своей службы у нас. Бедные россинанты! Надо было видеть, как они столпились около колодца, какими выразительными глазами заглядывали они внутрь его, с каким азартом, расплескивая воду, отбивали они друг от друга ведро, — надо было видеть все это для того, чтобы простить им все их вольные и невольные прегрешения против нас. Хотя в окрестностях колодца расстилась совершенно мертвая, выжженная солнцем пустыня, лишенная даже признака растительности, мы все-таки остались здесь ночевать. Вечером к тому же колодцу пришел пилигрим, пробиравшийся пешком в город Мешед. Это был отставной солдат персидской армии, которому во время последней русско-турецкой войны турки отрезали всю кисть левой руки и три пальца на правой; остальные два они оставили, чтобы наказанный мог молиться. Эту операцию турки проделали за то, что он вместе с другими персами доставлял провиант нашим войскам.

На следующий день рано утром, в сопровождении пилигрима, мы выступили в путь. Дорога пролегла той же безводной пустыней; но, к нашему удивлению, мы скоро подошли к аулу Дара, окруженному пашнями и садами. Удивление наше возросло еще больше, когда за садами мы увидели ту же пустыню без всяких признаков хотя бы маленького ручья. Впоследствии оказалось, что этот цветущий оазис орошается исключительно водой колодцев особого устройства, возможного только в долинах, примыкающих к горам. Где-нибудь на склоне горы роется колодец, в котором вода показывается гораздо выше соседней долины. Со дна его копают подземный канал, при помощи которого выводят воду на поверхность долины, а по длине этого канала вырывают ряд отдушин, в виде колодцев. Такие подземные ручьи тянутся иногда

на несколько верст. Верхний колодец нередко достигает глубины нескольких десятков сажень. Эта огромная работа могла быть сделана только в прежние, давно прошедшие времена процветания Персии. Теперь же, когда города и селения этой некогда богатой, а ныне разоренной страны, вследствие порядков или, вернее, беспорядков, господствующих в ней, превратились местами в развалины, у жителей едва хватает средств, чтобы поддерживать старинные сооружения. Многие колодцы такого устройства совершенно заброшены и не приносят населению никакой пользы. Кстати, насчет развалин. Вот и сегодня, подходя к аулу Джоджерм, мы видели брошенную развалившуюся крепость. Раньше нам попадалось не мало таких же аулов, да и существующие ныне носят на себе следы разгромов, запустения и обнищалости жителей. Конечно, вечные набеги десятирублевых голов не мало содействовали такому запустению. Но не в этом заключается причина его. Главной виной остается все-таки весь государственный строй Персии. Должностные лица обыкновенно не получают здесь никакого жалованья. Шах раздает губернии тому из претендентов на должность губернатора, кто предлагает ему за эту должность наибольшую плату. Губернатор, в свою очередь, на тех же условиях продает низшие места ханам, большие ханы маленьким ханам, и так далее до последней правительственной сошки. Затем уже начинается выколачивание доходов преемственно, от старших к младшим. Губернатор, чтобы уплатить шаху обещанную сумму и получить как можно больше дохода, жмет подчиненных ему ханов. Эти выжимают, что можно, у ханов поменьше. Последняя сошка бьет и грабит мирного обывателя. Если у деревенского обывателя завелась лишняя лошадь, для начальства этого достаточно, чтобы отобрать ее и пустить в оборот. Хороший урожай служит основанием к тому, чтобы отнять и этот урожай, да в придачу еще козу или барана.

Поэтому всякий, у кого завелся какой-нибудь достаток, употребляет всевозможные старания, чтобы скрыть это опасное обстоятельство от хищных взоров своих ближайших грабителей. Довольно состоятельные купцы, из опасения навлечь на себя подозрение в зажиточности, живут так же бедно, как и простой крестьянин.

Таким образом персидские власти всех ступеней и рангов сводят свою деятельность только к одному выколачиванию доходов. Обо всем остальном, что касается благосостояния жителей, они заботятся менее, чем об удобствах собственной лошади. Народного образования нет почти никакого. Во всей стране, за исключением Тегерана и некоторых других больших городов, нет ни одного

экипажа ни одного колеса; они излишни там, где нет дорог. Даже от портов Каспийского моря в столицу товары да и люди доставляются на спинах лошадей, верблюдов или ослов по узким горным тропинкам. Иногда шах предпринимает поездку по стране, крайне разоритель-

Знатный перс.

ную для жителей. Тогда и только тогда для него устраивают колесную дорогу. Сейчас же по окончании путешествия шаха ее бросают на произвол судьбы. В скором времени она снова делается выючной тропинкой. Только в самое последнее время, русские провели колесные дороги от Асхабада в Мешед и от Каспийского моря в Тегеран.

Правосудие в Персии сводится к праву богатства. Перед лицом начальства прав тот, кто больше заплатит. Хорошим образцом персидского правосудия может служить такой пример. У одного старика, жившего в ауле Сумбек, в один несчастный для него день пропала дочь, девочка, лет десяти. Отец сначала приписал было похищение ее туркменам. Затем, около года спустя, узнал, что она украдена старшиной аула Дербент, находящегося в нескольких верстах от Сумбека. Не долго думая, старик явился к похитителю и стал умолять его вернуть девочку. Тот не только не отдал ее, но вытолкал отца вон и отказался уплатить ему калым, которым обыкновенно кончаются подобного рода дела. Прослышав о моем приезде, обиженный тотчас приплелся ко мне пешком, с просьбой — приказать старшине вернуть украденную дочь.

— Да ведь я русский, чужой человек в Персии, — говорю я, — да еще беспаспортный, — думаю про себя.

— Вот это-то и хорошо! — возражает старик. — Ты только накричи на него: он побоится русского и сейчас же отдаст.

Единственный раз в жизни я пожалел, что не обладаю талантами Ивана Александровича Хлестакова. Судя по всему, что приходилось слышать, в Персии относятся к русским с уважением и даже с некоторым подобострастием, в особенности, после покорения текинцев и прекращения их разбоев в пределах нашего государства. В русских здесь видят сильную нацию, а сила, по понятиям персов, — то же, что право. Поэтому мне достаточно было бы напустить на старшину хотя бы половину воображаемых курьеров почтеннейшего Ивана Александровича, и похититель вернул бы дочь ее отцу. Но у меня не было этих талантов и потому, не рассчитывая на успех, я отказался от роли защитника угнетенных.

— Что же ты не жалуешься своему хану? — спрашиваю я старика. Но тот так красноречиво махнул рукой, что я уже больше ничего не спрашивал.

Другой раз молодой перс предлагал мне бесплатно услуги в качестве проводника с тем только, чтобы я заехал в туркменский аул и вытребовал у одного из тамошних жителей его долг персу.

Переночевав около Джоджерма, на следующий день мы вышли без проводника, но в сопровождении пилигрима с отрубленными пальцами. Все та же пустыня, широкая, как степь, долина с чахлой полыньей тянулась весь этот переход. Антилопы-джейраны, степные жаворонки, ящерицы-круглоголовки окончательно придавали долине вид среднеазиатской степи. В довершение схождения, у колодца мы встретили две семьи кочующих курдов, у которых впер-

вые в течение всего путешествия по Персии видели верблюдов; у них же было небольшое стадо яков, этих жителей горных плато. Из черной шерсти яков курды ткнут грубую материю, а из нее делают палатки. Внутри жилища наших новых знакомых на голой земле сложен был домашний скarb; тут же сидели оборванные хозяева, их чумазые ребята, и здесь же лежал маленький жеребенок.

Ничего не видавшие в жизни, кроме степи и ближайших гор, которые чахлой растительностью кормят их стада, не видавшие, вероятно, ни одного русского, курды обступили нас и с нескрываемым изумлением принялись рассматривать пришельцев; а мальчишки, почти голые и тощие, от избытка чувств даже разинули рты. Началось обычное в таких случаях ощупывание материи моей блузы, разглядывание пуговиц, ружей и восторженное причмокивание. Как всегда среди таких дикарей, две — три пуговицы и несколько пустых ружейных патронов, подаренных женщинам, вызвали неподдельную радость и с большой пользой послужили делу нашего сближения с добродушными хозяевами. Старухи вытащили свои запасы кислого козьего молока, притащили откуда-то добытых огурцов, зеленого луку; мы поставили на огонь чайник, достали свои тряпкоподобные чуреки, сахар, и начался у нас пир горой!

После такого пира трудно было подняться в дорогу, да и лошади наши, познакомившись со своими курдскими товарищами по службе человечеству, ушли с ними далеко в горы. Только на следующий день, и то лишь к 9 часам утра, с помощью курдов, мы отвлекли их от приятной компании, навьючили и поехали на них дальше. Через четыре часа мы были в ауле Хуршо, где, по приглашению жителей, остановились на паперти мечети. Надо же быть такому несчастью: жители эти оказались фарсами. Они проморили нас голодом, украли несколько мелких вещей, которые не удалось выпросить, и до тошноты надоели своей болтовней, запрудив всю улицу около мечети. Положительно, можно сказать, что мухи и фарсы самые несносные существа во всей северной Персии. Сравнительно с ними, туркмены, даже самые отчаянные из этих головорезов — сущие джентльмены. И доставалось же от туркмен этому трусливому племени в ауле Хуршо! Среди пашен, разбросанных в его окрестностях, всюду понастроены высокие глинобитные башни с амбразурами, или бойницами. Это памятники постоянных набегов туркмен. Еще недавно, спрятавшись за соседними горами, эти лихие наездники поджидали по вечерам окончания полевых работ; на быстрых конях нападали они на толпы фарсов, возвращающихся с поля, и уводили их в плен. Кто мог, спасался в башне и отстреливался оттуда, пока не приходила из

аула помощь. С тех пор, как русские покорили текинцев, постоянные набеги туркмен на фарсов отошли в область прошедшего; однако и теперь еще жители Хуршо держат ухо востро и при первом выстреле со всех ног задают тягу.

Чтобы избавиться от фарсов, задали тягу и мы, поднявшись рано утром, пока эти несносные попрошайки не успели выползти на улицу.

По дороге близ аула Курф одна из наших лошадей потеряла подкову и мы вошли было в аул, чтобы поправить беду. Оказалось, что мы рисковали нажать еще большую неприятность: жители его были фарсы. Ковыляй, бедный россинант, до следующей кузницы! В Дербенте мы починили, наконец, его железные сандалии и сейчас же тронулись в путь. Уже вечером, подходя к утопавшему в садах аулу Тавар, мы встретили европейца, первого и единственного за все путешествие по Персии. Это был рыжий англичанин с лицом, очень походившим на физиономию лошади; на этом лице как бы застыло выражение надменности и чопорности. За ним шла целая свита персиян и караван тяжело навьюченных лошадей и ослов. В Таваре мне говорили, что он везет с собой мешки золота и щедро расплачивается им за всякую безделицу. Едет он из Герата в Баку и по пути обо всем расспрашивает и записывает. По всем приметам это был один из тех английских правительственных агентов, которые во множестве шныряют около русской границы в Средней Азии. „Энглиз китты, урус кильды“ (англичанин ушел, русский пришел), — так приветствовали меня в Таваре и немедленно принесли блюдо сливы, за которое англичанин только что заплатил 5 кран (1 руб. 70 коп.). Но я был русский путешественник, почему и положил на блюдо только пол-крана (17 коп.). От Тавара дорога сначала идет широкой долиной, но верстах в 10 от него поднимается на горный перевал Тахта-башка, откуда мы спустились в узкое ущелье, на дне которого весело журчит речка Кариз.

Пройдя около 40 верст от Тавара, мы остановились близ аула Фирюзе, расположенного на берегу горной речки Кариз. Зеленой, извилистой лентой по обе стороны Кариза тянется здесь нескончаемый ряд садов. Что за роскошь эти сады, и какие в них фрукты! Прозрачная алыча, слива, белый шах — тут смотрели на нас из-под каждого листка; спелые ягоды падали на землю, иные даже прямо нам на голову, как бы напрашиваясь: „съешь, пожалуйста, съешь!“ И мы не заставили просить себя долго. Кафар бросил лошадей неразвьюченными, и не успел я оглянуться, как он уже колотил палкой по вет-

кам тутового дерева и, собирая падающие ягоды, с жадностью набивал ими рот. Оттуда он перешел к алыче, затем сделал нападение на сливу, потом опять вернулся к алыче, пока продолжительным опытом не убедился, что невместимое вместить невозможно. Надо правду сказать, и я успел скоро дойти до того же убеждения.

Мягкий воздух, чудная природа, эти роскошные сады и фрукты очень убедительно приглашали нас остаться в Фирюзе подольше, но, увы!.. мне приходилось торопиться.

Скудный запас денег у меня приходил к концу; оставалась одна только надежда на живой капитал, в лице трех моих россинантов, которых можно было превратить в деньги в конце пути. Но и этот капитал с каждым днем терял свою ценность. Спины у всех лошадей были сбиты; а одна из этих мучениц науки, бывшая под Кафаром, отказалась служить окончательно в виду того, что спина ее превратилась в котлету. В Фирюзе удалось променять этого бедного серого россинанта на старого бурого кривоногого и хромого одра, у которого, по крайней мере, спина была в большей исправности.

Все-таки в Фирюзе мы продолжали истреблять фрукты до двух часов следующего дня. Тогда только, навячив россинантов и нового одра, мы тронулись в путь. До самого Буджнурта дорога идет мимо роскошных садов и зеленеющих пашень. Буджнурт—первый и последний персидский город, который мы видели в течение всего путешествия. Хотя он состоит из таких же глиняных, в беспорядке разбросанных хижин с плоскими крышами, какие мы видели в аулах, но здесь имеется большой каменный дом хана, старинная каменная мечеть, постоянный двор и целая улица лавок, так называемый базар. На базаре продают чуреки, фрукты, мясо, ситцы, сахар; тут же под навесами сапожники точают персидские галоши, шапочники шьют шапки, а мальчишки, вместо собак, гоняют кошек. Дом хана, со следами былой роскоши, напоминает теперь развалину; мечеть обвалилась; некоторые постройки совершенно разрушены; словом, здесь, как и везде в северной Персии, запустение наложило свою руку. По поводу этого запустения у персов существует рассказ о некоем министре, который, зная птичий язык, подслушал следующий разговор совы с вороной. Ворона сватала у совы дочь, а сова просила за нее калым: три разрушенных города и три таких же аула. „Это совсем пустяки“, ответила ворона: „скоро настанет время, когда я дам тебе 1000 городов и аулов, лежащих в развалинах“. Время это уже настало, и сова, вероятно, давно уже получила обещанный калым.

В Буджнурте мы остановились на постоялом дворе. Это действительно квадратный двор, обнесенный со всех

Яки (*Poëplagus grunniens*).

сторон низкой глиняной постройкой. В ней понаделаны клетушки, очень напоминающие лошадиные стойла, предназначенные, однако, для путешественников. В качестве таковых, мы заняли одно стойло и расположились спать на его глиняном полу. Кафар, ни мало не медля, принялся храпеть во весь свой фарсийский нос, я же проворочался с боку на бок всю ночь, словно отравленный. После широкого полога неба, которое покрывало нас целый месяц, после ярких южных звезд, которые заглядывали по ночам в мою палатку, не угодно ли спать в этом глиняном гробу? Не угодно ли дышать этим воздухом с запахом глины и пыли? Стены давят; кажется, вот-вот они

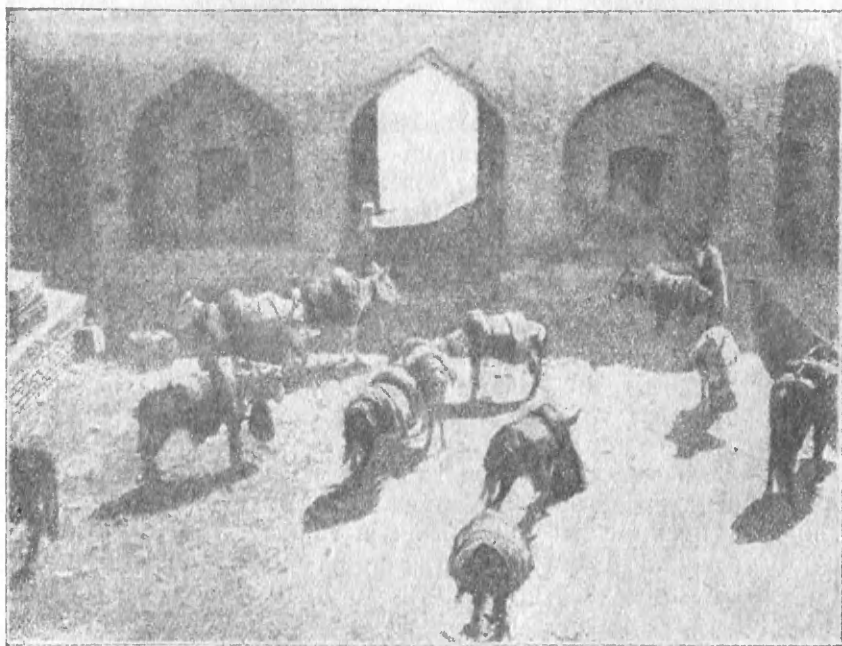
Караван-сарай в Персии.

обрушатся на нас; слышится писк летучей мыши; где-то в углу шуршит какая-то козявка; кто-то кусает ваше тело; уж не смертоносные ли это клещи, составляющие достопримечательность Персии?.. А Кафар храпит и сопит, как не сопел он, кажется, никогда в жизни. Нет, бог с ними, с персидскими городами, а в особенности, с их постоялыми дворами! Под открытым небом лучше.

От Буджнурта дороги расходятся во все четыре стороны света, но состояние моих финансов и моих лошадей не оставляло для меня иного выбора, как без всяких проволочек итти на север, в русский город Асхабад. Кстати нашелся и проводник-курд, который взялся провести нас до первого жилого пункта в пределах России. 15-го июля мы вышли к знакомой уже нам реке Атреку, составляющему в нижнем своем течении пограничную линию между

Россией и Персией. Здесь Атрек имеет вид маленького ручья. По животрепещущему мостику наши лошади перешли на другой берег реки, откуда мы направились прямо в горы и остановились ночевать подле курдского аула Шихер.

В прежнее время в этих местах жили фарсы. Туркмены вытеснили отсюда это трусливое племя. Тогда персидское правительство заселило эту пограничную полосу оседлыми курдами, за спиной которых должны были прятаться фарсы.

Внутри постоялого двора в Персии.

Мера оказалась очень практичной. Туркмены-текинцы нашли в курдах достойных соперников по части головорезничества. За каждого убитого соплеменника они норовят нарубить воз вражеских голов, а за украденную лошадь отбивают табун лошадей. Мужественные, открытые, но суровые лица курдов внушают невольное уважение; говорят, что с большим уважением относятся к ним и туркмены, которые признают одну только силу да удаль.

От Шихера часа через четыре езды мы стали взбираться на крутой и каменистый перевал, составляющий водораздельную линию хребта Копет-Дага. Далее дорога врезается в ущелье, затем выходит на узкие горные долины,

покрытые пашнями и садами, и, наконец, подходит к курдскому аулу Алогма. Переночевав здесь, рано утром мы выступили в путь, чтобы в тот же день перейти границу России.

От последнего персидского, но населенного также курдами аула Робата мы на другой день поднялись на перевал, с вершины которого на севере видна была последняя цепь, окаймляющая огромную Арало-Каспийскую степь. Местами чрез седловины этого хребта как бы в тумане виднелась и сама степь. Часа через три езды от Робата, когда мы поднялись на вершину хребта, она развернулась перед нами во всю ширь. Далеко, до самого горизонта простиралось это дно некогда бывшего здесь моря.

Море это покрывало всю Арало-Каспийскую низменность и соединялось на западе с Черным. Затем, вследствие поднятия дна, отделилось сначала Черное море. Арало-Каспийский бассейн разделился на Арал и Каспий, Аму-Дарья, впадавшая раньше в Каспий, повернула в сторону Арала, и карта страны приняла тот вид, который она имеет в настоящее время. Что внизу под нашими ногами некогда бушевало море, об этом свидетельствовал самый вид степи, ровной, как пол, то глинистой с солонцами, то песчаной. Только под водой могут образоваться такие равнины; только море может оставлять после себя эти белые солонцы.

Казалось, волны моря только что перестали омыwać лежащие под нашими ногами скалы и отступили, обнажив глину и пески. Мы еще были в Иране, в этой стране, некогда славной и могущественной, населенной арийцами (фарсы) и только частью тюркскими племенами, в которых, однако, не осталось ничего монгольского. Вдали же перед нами расстилались равнины Турана с его пустынями, с его дикими монгольскими племенами-номадами, сохранившими до сих пор нравы и образ жизни своих исчезнувших с лица земли соплеменников-гунов. Здесь, на границе этих двух стран, много столетий тянулась кровопролитная борьба между номадами и потомками древних иранцев, пока не пришли жители далекого севера, русские, и не положили конец этой борьбе.

Спуск к степи оказался чрезвычайно крутым и трудным. Мы слезли с лошадей и начали прыгать вместе с ними с камня на камень, пока не добрались до русла высохшей реки. Мы были на дне ущелья, между отвесными скалами. Горные куропатки с криком бегали по камням; большие стаи диких голубей носились над нашими головами; а из небольшой пещерки выползла к нам огромная очковая змея. Сознывая свою силу, как все большие

ядовитые змеи, она не обнаруживала никаких признаков страха перед людьми. Свернувшись клубком и сверкая своей стальной чешуей, она спокойно залегла как раз на тропинке и только, когда мы подошли к ней шагов на десять, она подняла голову, раздула горло, зашипела, но продолжала лежать на прежнем месте. Без сомнения, она не имела никакого представления о том, что значит хороший выстрел из ружья дробью; поэтому кончила печально, угодив в мою банку со спиртом. Это была почтенная представительница своей породы, в 1½ аршина длинной и в руку толщиной. Очковые змеи, живущие в Персии и Закаспийской области, отличаются от своих индейских родичей только тем, что не имеют около головы узора, наподобие очков; впрочем, его часто не бывает и у очковых змей в Индии.

Туркестанская очковая змея питается по преимуществу горными куропатками, которых находили в ее желудке по 5—6 штук сразу. Впоследствии казаки говорили мне, что укушение этой змеи безусловно смертельно; собака, ужаленная ею, умирает не больше как через пять минут.

Вскоре после сражения со змеей мы добрались до первого русского жилого пункта, до Гярмаба. Это — бывший персидский аул, перешедший в русское владение, после покорения текинцев. Во время ли самой войны с ними, или уже после взятия Геок-тепе, — только жители, все до единого, бросили аул, оставив на произвол судьбы дома и роскошные сады. В настоящее время здесь помещается русский пост, где находятся несколько казаков под командой одного офицера. Глиняные домики и заборы обвалились; сады заглохли, превратившись в лес фруктовых деревьев, опутанных виноградом. В то время, как в 15—20 верстах отсюда расстилается обожженная степь, где нельзя скрыться от палящих лучей солнца, здесь, в Гярмабе, путника ждет прохлада в тени роскошных деревьев, на берегу кристального ручья.

Пост, будучи пограничным, обязан следить, во-первых, за контрабандой, а во-вторых, что самое главное, за шпионами, которых нередко засылали англичане. Только накануне моего приезда начальник поста, молодой офицер терского казачьего войска, получил предписание быть особенно настороже, так как какой-то англичанин, по слухам, собирается пробраться в Закаспийскую область. Совпадение моего приезда с получением бумаги об английском шпионе хоть кому покажется подозрительным. Начальник поста прямо решил, что я тот самый англичанин, изловить которого он был обязан, согласно предписанию начальства. Он и поймал, объявив нас с Кафаром арестованными.

Начался обыск. „Ну“, думаю себе, „сухие растения, птицы да маринад из ящериц и змей выручат“. Но нас подвело наше оружие: моя двухстволка и оба револьвера были родом из Англии.

Тут я вспомнил, что только в Персии я был беспаспортным; для России же у меня был самый законный паспорт; поэтому я тотчас же показал бумагу, разрешающую мне жить в России беспрепятственно. Однако начальник поста совершенно резонно заметил, что англичанам ничего не стоит сделать какой угодно паспорт, хотя бы готтентотский или эскимосский. После такого убедительного возражения оставалось только покориться.

Начальник решил отправить нас тотчас же прямо в Асхабад. Шутка сказать, в Асхабад, до которого отсюда 80 верст, да еще на наших одрах с разбитыми спинами! Однако делать нечего, надо собираться. Перепугавшийся на-смерть Кафар уже не в состоянии был выючить лошадей; вместо него это сделали казаки. Затем под конвоем трех вооруженных берданками и кинжалами терцев мы выступили в поход. Наверное, казаки получили приказание стрелять в шпионов в случае, если они попытаются бежать. Терцы оказались, однако, добродушными ребятами и нисколько не злоупотребляли своим положением: они чутьем догадывались, что тут дело не ладно; да и не мудрено: их пленник-англичанин слишком сильно смахивал на русского.

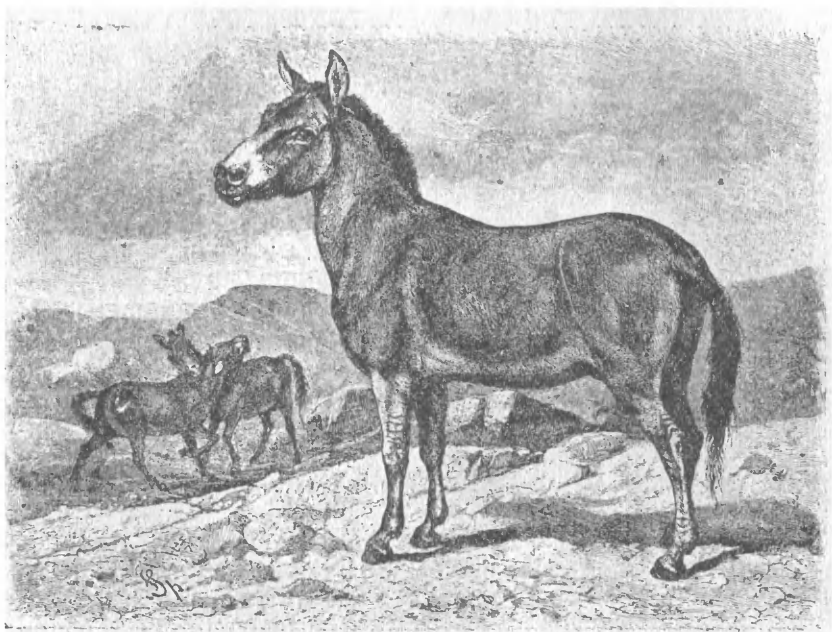
К рассвету мы добрались до Геок-тепе, той самой текинской крепости, куда Скобелев въезжал победителем, а я въезжаю побежденным. Здесь надо было выкормить лошадей, чтобы тотчас же ехать дальше. Я бы на их месте и есть не стал, а прямо лег бы спать, до такой степени клонило ко сну. Пока лошади жевали ячмень, мы приткнулись под забором какого-то дома и, положив под голову переметные сумы, в чем были, заснули, как убитые, на голой земле. Легли и двое казаков, а третий, с берданкой в руках, остался на карауле. Бедный человек, мне от души было его жаль! Бывают же случаи, когда взявшему в плен приходится завидовать своему пленнику. Недолго, однако, продолжалось наше привилегированное положение. Часа через два нас разбудили собираться в путь.

Пока казаки и Кафар возились с лошадьми, я, с разрешения начальства, побежал взглянуть на крепость, которую с таким мужеством отстаивали текинцы. Глиняная стена, скорее просто вал, окружающий клочок степи,— вот все, что осталось от крепости. Для того, чтобы взбежать на верхушку вала, надо употребить не больше усилий, чем для того, чтобы подняться на десять ступенек лестницы, а между тем сколько крови стоило нам Геок-

тепе! Теперь крепость совершенно оставлена людьми и занята ящерицами, которые кишат в ее глиняных развалинах и с большим успехом защищают ее от нападения жуков и других насекомых.

До самого Асхабада дорога тянется ровной степью. Местами попадаются аулы оседлых туркмен, окруженные садами и пашнями; в садах зреет виноград, а на полях джугара или сорго.

Только вечером, уже по закате солнца, показались сады Асхабада. Слава богу! Скоро конец нашему плену

Кулан
(*Equus hemionus*).

и, что, пожалуй, еще важнее, скоро можно будет слезать с лошадей. Целые сутки с двумя короткими отдыхами протрястись верхом на лошади, восседая на переметных сумах, без стремян,—это чего-нибудь да стоит! Спина болит, ноги онемели и уже давно перестали болеть, превратившись в бесчувственные привески. В таком состоянии подъезжал я к Асхабаду в то время, когда из ближайшего сада доносились до нас звуки оркестра, игравшего вальс. Воображение рисовало веранду в саду, скользящие по паркету пары нарядных дам, а действительность напоминала о себе нывшей спиной, сильной жаждой и побрякиванием

кинжалом за поясом наших конвоиров. Так как наступила ночь, и всякие кутузки в Асхабаде, вероятно, уже закрыли свои гостеприимные двери, казаки поместили нас в караван-сарай. Сейчас же персы-торговцы всех ближайших лавок проводили о том, что привезли англичанина и не замедлили явиться, чтобы поглазеть на него. Утром об англичанине знал уже весь базар, так что, когда меня повели к полицеймейстеру, за нами шла толпа народу. Персидские мальчишки бежали и впереди, и сзади, и с боков, бежали и кричали: „англиз, англиз!“ В том, что я, дей-

ствительно, „англиз“, не сомневался, очевидно, и полицеймейстер, — по крайней мере, первый вопрос его был:

— Умеете ли вы говорить по-русски?..

Вместо ответа, я подал рекомендательное письмо к начальнику Закаспийской области, генералу Комарову, и на русском языке попросил доставить это письмо по адресу. Через полчаса пленение мое кончилось, и мне вернули все отобранные у меня вещи.

Асхабад — новорожденный городок. В то время добрая треть домов его находилась еще только в постройке. Всю-

ду сажали деревья, проводили арыки (канавы), пилили, строгали, месили глину, — словом, строили город. Все это совершалось легко и весело под палящими лучами солнца, при ужасной жаре, от которой даже ящерицы сидели, разинув рты.

В Асхабаде я расстался с Кафаром. Он не терял надежды пробраться в священный город Мешед; я же, распродав своих россинантов, нанял арбу, — туркменскую двухколесную телегу, и в сопровождении хозяина ее, туркмена, отправился в Кизыл-Арват. В то время железная дорога была доведена только до этого городка.

Пять дней плелись мы до Кизыл-Арвата по голой бесплодной степи. По дороге изредка встречались пассажиры на таких же арбах, как наша; это были по большей

Туркмен-текинec.

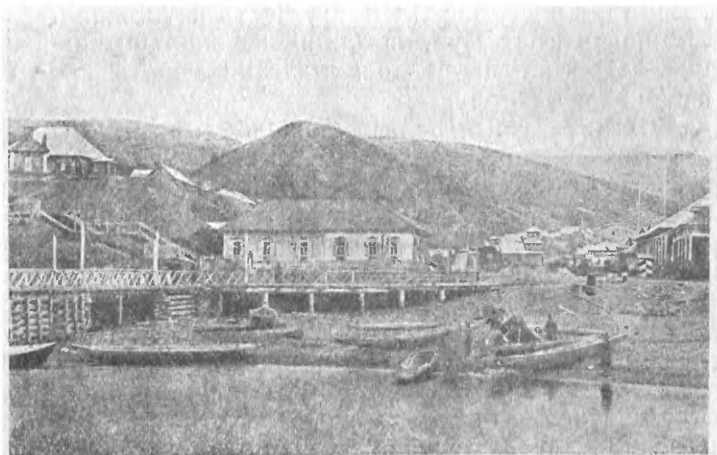
части армяне и персияне, отправлявшиеся открывать лавочки в Асхабаде. Но попадались и пассажирки; русские женщины без всяких проводников, за исключением погонщика арбы. Давно ли было время, когда в здешние места ни один европеец не мог проникнуть иначе, как нарядившись в азиатский костюм, под видом мусульманина? Еще жив знаменитый Вамбери, путешествие которого, полное стольких опасностей, кажется сказочным. Теперь же по всему Закаспию могут путешествовать даже женщины. Внешний вид страны, если не считать отдельных пунктов по линии железной дороги, нисколько не изменился: та же пустыня, то глинистая, то песчаная, те же антилопы, те же куланы или дикие полуослы, небольшие табуны которых и теперь случается видеть в степи. Изменились только нравы жителей: прежние головорезы туркмены, рыскавшие на лихих конях по степи и занимавшиеся разбоем, перешли на земледелие и ездят теперь по железной дороге. В Кизыл-Арвате я сел на поезд, доставивший меня в Михайловский залив. Оттуда на пароходе я скоро доехал до Астрахани.

На Сахалине.

Первое впечатление. — Пост Дуэ. Природа Сахалина. — Разница между западной и восточной половиной острова. — Климат. — Сахалинская тайга и ее обитатели: северный олень; соболь; медведь; росомаха; кабарга; дикушка; сахалинский глухарь. — Лиственные леса. — Культурные растения. — Богатства Сахалина. — Каторжники. — Беглые. — Путешествие поперек острова. — Наши спутники. — Плавание вниз по р. Тыми. — Гиляки. — Среди ороков. — Шаман. — Айносы. — Японцы — рыболовы. — Кета и горбуша. — Жизнь в устье р. Тыми. — Сахалинский тюлень; морские львы; котики; белухи; киты. — Поездка с ороками вверх по порогам р. Тыми; встреча с медведем; беглый каторжник. — Возвращение.

Ночью был сильный туман; крейсер шел самым тихим ходом и, наконец, совершенно остановился. Часам к 10 утра, когда туман рассеялся, оказалось, что мы были вблизи мыса Крильон, составляющего юго-западную оконечность Сахалина. Отсюда крейсер повернул на северо-восток в Лаперузов пролив, по направлению к Корсаковскому посту. Если бы не знать, что мы находимся на одной широте с Астраханью, можно было бы подумать, что наше судно идет по полярному морю. Семь градусов тепла 8 июня, резкий холодный ветер, чайки, чистики и другие полярные птицы, киты, там и сям выбрасывающие свои фонтаны, — ни дать, ни взять, Ледовитый океан в тех самых картинах, какие год тому назад я видел на Мурманском берегу выше полярного круга. Иное впечатление произвела на нас природа самого Сахалина, когда на другой день в Корсаковском посту мы высадились на берег. Почти два месяца, день и ночь, с редкими и недолгими остановками, шел наш крейсер от Одессы до острова; да еще до Одессы из Петербурга надо было проехать более 2000 верст. Кажется, уж достаточно далеко мы отодвинулись от срединной России с ее природой, с ее родными, надоевшими нашему глазу картинами, о которых так нелестно отзывался Некрасов: „Лес ли начнется, — сосна да осина; невесела ты, родная картина“...

Не в праве ли мы были ожидать, что, проехав около 20000 верст все вперед и вперед, здесь, на Сахалине, мы встретим новую для нас природу, чуждые для русского глаза пейзажи?! И что же? Только сосны нет. Вместо нее ель и та же осина! Вы увидите здесь нашу обыкновенную рябину, бузину, бруснику, ландыш и многое другое, к чему привык всякий русский. В лесу так же, как у нас, свистят здесь снigiри, перепархивают пред вашими глазами щеврицы, в воздухе с криком проносятся ласточки, и даже ворон, сидя на высокой ели, совершенно по-русски прокричит вам свое приветствие. Правда, если вы натуралист и станете присматриваться повнимательнее, вы

Пост Корсаковский на Сахалине.

иногда увидите или цветок, чуждый нашей растительности, или мелкую птичку какого-нибудь необычайного для российских птиц цвета. Пожалуй, вы заметите, что некоторые самые обыкновенные у нас деревья и птицы какими-нибудь мелкими особенностями чуть-чуть отличаются здесь от наших российских. Но все это так мало бросается в глаза обыкновенному туристу, не искушенному в науках, все это так слабо отражается на пейзаже, что вам кажется, будто вы гуляете где-нибудь в лесу Петербургской или какой другой северной губернии. Россию вы чувствуете и на улице Корсаковского поста. Россия смотрит на вас из окошек бревенчатых домиков с воротами, выкрашенными охрой. Вы видите ее в лицах арестантов, таскающих кули муки, в затасканных мундирах солдат, вы слышите ее в русской речи и брани. Даже собаки, обыкновенные, крючко-

хвостые, косматые дворняжки, лают на вас так, как будто хотят засвидетельствовать, что и они тоже русские. Таково было первое впечатление, произведенное на нас Сахалином. При более близком знакомстве с различными уголками его оказалось, что не даром остров стоит около Японии и против Америки. Местами в северную флору Сахалина проникают японские растения, придающие пейзажу мягкий характер природы южных стран; местами же как раз наоборот: вы видите перед собой форменную полярную тундру с ее мхом, морошкой и белыми куропатками. Кое-где, в особенности, на побережье острова, вы встретите также не мало американских птиц. Впрочем, не станем забегать вперед.

Сдав в Корсаковском посту часть каторжников, крейсер пошел в пост Дуэ, лежащий на западном берегу Сахалина. Отсюда мы и предполагали начать свои странствования по острову.

„Вот каторжный рейд!“ ворчал капитан, когда судно бросило якорь против Дуэ. Действительно, здешний рейд заслуживает такое название по двум причинам. Во-первых, весь Сахалин был предназначен для каторжников, а, во-вторых, рейд Дуэ, будь он в любом другом месте, всякий моряк в праве выругать, как ему вздумается. В самом деле, разве это не каторжная стоянка, когда судну приходится во всякую минуту быть готовым к тому, что ветер выбросит его на берег и расколотит там о первый попавшийся камень? Природной гавани здесь не имеется, а искусственной — пост Дуэ еще не заслужил. По этой причине всякий ветер, откуда бы он ни дул, неизбежно разводит на рейде Дуэ волнение; а северо-западный ветер, даже если он приобретает только среднюю свежесть, срыгает судно с якоря и выбрасывает его на берег. Таков уж рейд; вернее, таково уже дно. Лапы якоря никак не могут зацепиться за него как следует. Чтобы быть готовым во всякое время уйти в открытое море, паровые суда стоят здесь не иначе, как под парами, но и эта предосторожность не всегда спасает их от гибели, потому что иногда шторм налетает чересчур внезапно. За несколько лет до нашей поездки на остров, военный крейсер восточной флотилии около Дуэ на глазах всех находившихся на берегу был сорван налетевшим шквалом и разбит вдребезги. К счастью еще, весь экипаж спасся на шлюпках. Такие истории, конечно, все-таки редки. Осторожный капитан почти всегда успеет вывести паровое судно подальше от берега. Но, чтобы не болтаться в море, судам приходится отправляться в залив Де-Кастри, лежащий по ту сторону Татарского пролива на материковом берегу, и там отстаиваться.

Если ветер не настолько силен, чтобы грозить какой-нибудь опасностью, но все же разводит волнение, судно, пожалуй, может стоять на рейде Дуэ, но пользы от этого немного, потому что ни разгружаться ни нагружаться при волнении оно все-таки не может. В самом деле, извольте складывать товар, или ссаживать людей на лодки, которые прыгают на волнах, как бешеные, бьются о борт парохода и каждую минуту собираются пробить себе бок, а людям оторвать руку или ногу. Вы плыли несколько дней; вас, может быть, измучила морская болезнь; вы мечтаете только об одном: как бы поскорее добраться до твердой земли. А тут стой и, глядя на эту твердую землю, дождайся тихой погоды. Разве это не каторжный рейд?

Нам, однако, не пришлось испытать этих бедствий. Хотя и не без помощи эквилибристических приемов, но все-таки совершенно благополучно высадились мы на паровой баркас, который доставил нас на берег. Дуэ — в некотором роде столица Сахалина, по крайней мере, во время нашей поездки этот пост был главным административным пунктом острова. Здесь жил начальник Сахалина. Здесь имеется церковь, одна лавка и целая улица домов казарменного типа, также домиков казенных и частных. Если бы не угольные залежи, на месте Дуэ рос бы тот же непроходимый лес, который покрывает теперь большую часть острова, потому что никаких других причин для основания на этом месте поста не существует: нет ни реки, ни пахотной земли, ни лугов, ничего другого, что могло бы привлечь сюда население. В угольных копиях работают несколько сот каторжников, при них находится начальство, военная команда и все прочее, что составляет пост. Окрестности Дуэ в настоящее время имеют очень печальный вид. Лес вырублен не только на месте поста, но и всюду на окружающих его горах, насколько они видны. Не осталось ни одного дерева, и только огромные пни, торчащие там и сям, свидетельствуют, что здесь была настоящая сахалинская тайга. Русские при заложении нового поселения, как известно, начинают с того, что вырубают весь ближайший лес, если он существует, не оставляя даже отдельных деревьев для украшения. Затем уже начинают жаловаться на недостаток топлива и строительного материала и, наконец, в некоторых случаях делают попытки к разведению нового леса. То же самое повторилось и в Дуэ, жители которого пережили все эти стадии развития лесного вопроса, за исключением последней.

В нескольких верстах от Дуэ на берегу моря находится поселение Александровской тюрьмы. Мы прожили

там более месяца, почти ежедневно делая небольшие экскурсии в окрестностях. Но в этих странствованиях не было ничего любопытного. Промоченные ноги, расцарапанные в кустах руки и тому подобные мелкие неприятности известны по собственному опыту почти каждому обывателю загородных мест Петербурга, и совсем не стоят того, чтобы докладывать о них читателю. Поэтому я не стану распространяться о ходе наших экскурсий близ Александровской тюрьмы. Впоследствии мы направились поперек острова к Охотскому морю. Вот на этой поездке я остановлюсь подробнее, но тоже впоследствии, а тем временем расскажу, что такое Сахалин, и каково его значение в жизни нашего государства.

Что Сахалин—остров, это стало известным не слишком давно. Еще в 1846 г. граф Нессельроде, докладывая Николаю I о результатах плавания подпоручика Гаврилова, сообщал, что „Сахалин — полуостров, почему река Амур не имеет для России никакого значения“. Лишь в 1849 г. Г. И. Невельский доказал, что Сахалин настоящий остров и что пролив между ним и берегом Сибири доступен для прохода больших судов, сидящих в воде до 7 метров. Это открытие Невельского, остававшееся долгое время неизвестным для иностранцев, послужило нам в свое время одну специальную службу. Под конец крымской кампании соединенная англо-французская эскадра явилась в Татарский пролив в полной уверенности, что она найдет там и пустит ко дну русские военные суда. Но судов там не оказалось: они как будто провалились сквозь воду. Между тем, по расчету неприятеля, они должны были находиться именно в Татарском проливе. Там они и были, но только, воспользовавшись открытием Невельского, прошли к устью Амура, чего никак не мог предполагать неприятель. В то время иностранцы были убеждены, что никакого прохода в эту реку не существует, и что Сахалин соединяется с Сибирью перешейком, или, по крайней мере, песчаной косой, обнажающейся при отливе. Пролит этот в самом узком месте имеет не более 7 километров в ширину, и каждую зиму здесь замерзает, так что на 4 или 5 месяцев Сахалин как бы превращается в полуостров. Этим ледяным мостом пользуются остяки и другие инородцы, а также дикие северные олени и даже тигры, от времени до времени перебегающие на остров из Амурского края.

Сахалин имеет вид толстой сучковатой дубинки, положенной прямо на меридиан, то-есть одним концом на север, другим на юг. Длина этой дубинки равняется 850 верстам (907 километров), наибольшая толщина 183 в. (190 килом), а наименьшая 23 в. (25 километров). Дистанция, как видите, не маленького размера. Есть

где побродить каторжникам, целыми толпами ежегодно бегающим из тюрем на вольную волю. Во всю длину острова с севера на юг сплошным хребтом, а в широких местах несколькими параллельными цепями тянутся горы. Они, правда, невысоки, нигде не достигают пределов вечного снега, но это не мешает им иметь огромное значение в распределении растительности острова. Горы эти, можно сказать, разделяют две разные природы. По одну сторону, ближе к Татарскому проливу, весь Сахалин покрыт лесом, по большей части хвойным и только в долинах рек и на вершинах гор — лиственным; по другую сторону Сахалинского хребта, вдоль берега Охотского моря, почти во всю длину острова узкой полосой тянется голая, безлесная, настоящая полярная тундра со всеми ее неприглядными особенностями.

Сахалин, стало быть, в отношении природы, в противность всему тому, что нам известно из географии, разделяется не на северный и южный, как этого следовало бы ожидать, так как он вытянут с севера на юг, а на восточный и западный. Сахалинскую дубинку во всю ее длину можно расщепить на две половинки, различные по своему виду: одна как бы выстрогана из тундры, другая — из куска лесной области Сибири. Расположение гор острова и особенности течений Охотского моря объясняют нам происхождение этой удивительной географической несообразности в природе Сахалина.

Охотское море, волны которого роют скалы восточного берега острова, по своим свойствам ничем существенным не отличается от Ледовитого океана. До половины лета здесь плавают огромные ледяные поля, приносимые северным холодным течением. Даже животное население Охотского моря может засвидетельствовать путешественнику, что вода здесь не теплее, чем в полярных морях. Иначе тут, не стали бы жить полярные моллюски, мириадами плавающие по поверхности, киты, белухи и полярные птицы, несметными стадами гнездящиеся на так называемых „птичьих горах“. Таким образом под восточным боком Сахалина, по крайней мере, до половины лета находится ледник. Понятно, что климат на побережье Охотского моря не может быть теплым, почему и природа носит характер тундры. Между тем западный берег острова от влияния охотских льдов ограждается стеной гор. Уже по одной этой причине побережье Татарского пролива на Сахалине находится в лучших условиях, нежели восточная половина острова,

Если мы прибавим, что в Татарский пролив с юга врывается теплое японское течение, называемое Куро-Сиво, станет понятным, почему климат по этому побережью

значительно теплее и природа оживленнее, нежели по восточную сторону гор.

Известно, что в Сибири даже близ Восточного океана климат континентальный, т.е. отличается суровой зимой и довольно жарким летом. Так как Сахалин составляет как бы кусок Восточной Сибири, отрезанный морем и лежащий очень далеко от материка, не удивительно, что и на острове климат точно также носит континентальный характер.

С другой стороны, не остается без некоторого влияния и соседство моря. В результате получается очень благоприятное для Сахалина стечение обстоятельств. Климат его отличается суровой, чисто континентальной зимой и холодным летом приморских стран. Хотя северный конец острова приходится, приблизительно, на одной широте с Симбирском, но зимы в этой части Сахалина по суровости не уступают зимам устья р. Печоры, лежащего выше полярного круга. Морозы ниже точки замерзания ртути—здесь обыкновенное явление, а лето не теплее, нежели на Соловецких островах в Белом море. В средней части острова, на широте Саратова или Воронежа, лето настолько холодно, что еще в июле случаются морозные ночи, и до самой осени на глубине $1\frac{1}{2}$ —2 метра почва остается промерзшей.

Даже в южном конце Сахалина, на одной широте с Астраханью, средняя температура зимы такая же, как в Олонецком крае; лето не теплее лета Архангельска.

Соседство морей сказывается также в необычайной влажности воздуха. По количеству ненастных дней Сахалин занимает одно из первых мест в России. Зимой идет снег, а летом дождь; нет дождя,—непроглядный туман окутывает и остров и море. Совершенно ясные дни составляют редкое исключение, а вполне ненастных, когда на небе не видно ни малейшего просвета, приходится около 200 в году. Таким образом, если климат в Сибири считать суровым, то на Сахалине его надо назвать дважды суровым, так как здесь круглый год царят не только холод, но и пронизывающая сырость. Нет поэтому ничего удивительного в том, что даже на юге острова, на широте Астрахани, где зреют арбузы и виноград, раскинулся хвойный лес, или форменная сибирская тайга, да и какая еще тайга!!!

Я видел глухие хвойные леса в Западной Сибири, в губерниях Томской и Тобольской, и нахожу, что сахалинская тайга создана по более крупному масштабу. Если в Сибири тайга трудно проходима, то на Сахалине она непролазна; если тамошний лес состоит из огромных деревьев, то здесь они имеют исполинские размеры. Как

уроженец юга, я не люблю хвойного леса, вообще, но сахалинская тайга производила на меня прямо-таки удручающее впечатление. Вы можете бродить по ней целый день, хотя бы целую неделю и больше: пред вами всюду гигантские стволы вековых елей и пихт, а над головой темная зелень хвой, сквозь которую не пробивается ни единый луч солнца. Нет здесь ни цветов ни кустов, нет, даже травы; вместо них, в промежутках между деревьями вы видите груды наломанных ветром сухих ветвей той же ели. Местами вам преграждает путь труп лесного исполина, вырванного с корнем и поваленного на землю бурей. Куда бы вы ни ступили, всюду или густой непролазный валежник или опрокинутое дерево. Поэтому там, где нет звериных, в особенности, медвежьих троп, сахалинская тайга совершенно непроходима.

Но что более всего наводит тоску в хвойном лесу острова, это — почти полное отсутствие всякой животной жизни. Глухой тайги избегают даже медведи, а уж им ли не житье на Сахалине?! По долинам рек, во время хода рыбы, берега, на расстоянии сотен верст, сплошь бывают истоптаны медвежьими лапами, а в глубине хвойного леса, если только вам удастся пробраться туда, вы можете идти без всякого риска встретить этого царя здешних зверей. Нет здесь ни птиц, которые оживляли бы своим пением это царство ели, ни насекомых, которые жужжали бы, пищали или как-нибудь иначе выдавали свое присутствие; всюду стволы деревьев, хвоя, еловые и пихтовые шишки и валежник. Поэтому в тихую погоду в глубине такого леса царит мертвая тишина. Изредка разве прозвучит дробь дятла, или высокий писк синицы, но такой печальный; такой жалобный, как будто бы безысходная тоска таежной жизни проникла и в ее крошечное сердце.

Зато в бурю лес начинает стонать и реветь. Однообразному гулу хвой аккомпанирует тогда скрип ветвей и треск ломающихся сучьев; по временам все эти звуки покрываются грохотом падающего исполина, вслед за одним деревом валится другое, раздается новый грохот, затем опять гул, скрип и треск и так далее, пока не стихнет ветер.

Тайга покрывает большую часть острова, поэтому весьма понятно, что в отношении животного населения Сахалин очень мало отличается от лесной области Восточной Сибири. Кроме медведей, волков и лис, на острове водятся: соболь, куница, белка, бурундук, рысь, кабарга, северный олень; из таежных зверей нет только благородного оленя и лося. Из птиц в хвойных лесах Сахалина, в особенности, по опушкам, кроме всевозможных дятлов, синиц, соек, славок и других

обитателей тайги, живут рябчики, восточно-сибирские глухари и дикушки, или черные рябчики, ближайшие родственники которых встречаются в Америке, именно, в Канаде. Настоящие переселенцы из Нового Света, при-

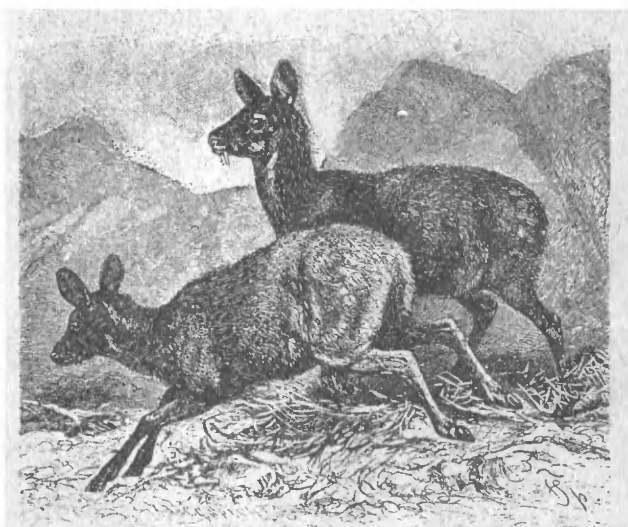

Соболь
(*Martes zibellina*).

надлежат, по большей части, к числу водоплавающих птиц, главным образом, уток и крачек.

В обиходе сахалинских туземцев из всех перечисленных зверей первое место занимает дикий северный олень. Летом стада этих животных, спасаясь от комаров,

уходят в горы, зимой же спускаются в низменные тундры. В особенности много оленей на тех тундрах, где снег сдувается постоянными ветрами, как, например, на западном берегу острова севернее Дуэ. Здесь они держатся в бесчисленном множестве. Поэтому в зимнее время сюда съезжаются с материка Сибири для охоты за ними не только туземцы, но и русские. Немало их и на восточном берегу острова в устье реки Тыми. Здесь один местный тунгуз рассказывал нам, что каждую зиму он убивает до 30 оленей. Так как редкий из сахалинских туземцев

Кабара
(*Moschus moschiferus*).

имеет ружье, то для ловли всякого зверя они употребляют ловушки, капканы или иные способы, основанные на каких-нибудь особенностях животного. Так, например, оленей добывают в большом количестве, загоняя их на голый лед озера или реки. На гладкой поверхности льда они делаются совершенно беспомощными; ноги их скользят; они ежеминутно падают, так что охотникам не стоит никакого труда догнать их на лыжах и вырезать целое стадо.

Соболь водится на Сахалине в таком множестве, как нигде в Сибири. К сожалению, здешние соболя светлого цвета, попадаются даже желтоватые и очень редко — черные, почему они ценятся значительно дешевле собственно сибирских, в особенности темных забайкальски

У гиялков мы покупали соболей, круглым счетом, по 3 руб. за шкурку.

Зато медведи, живущие на острове в огромном количестве, отличаются почти черным цветом.

Черную шерсть имеют также местные росомахи, которых, однако, не слишком много.

Из горных зверей сахалинские туземцы особенно усердно преследуют кабаргу. Это — небольшое копытное животное. Самцы, вместо рог, вооружены острыми, как нож, длинными клыками. На животе у самцов имеется мешочек с пахучим веществом, мускусом. Вещество это применяется в медицине, а также идет для приготовления духов. Мешочек мускуса на месте стоит около 2 руб. Ради него инородцы и охотятся за кабаргой.

Росомаха
(*Gulo borealis*).

Из сахалинских таежных птиц наиболее интересны дикушки и местный глухарь. Дикущка более всего походит на рябчика, но крупнее его и темнее цветом. Ближайший родственник дикушки водится в Америке, именно, в Канаде.

Сахалинский глухарь значительно меньше и светлее нашего.

Сравнительно хвойным лесом, лиственный, узкой каймой растущий по берегам рек, выглядит много оживленнее. Деревья — ива, береза, ольха, душистый тополь, осина — перемешаны здесь с кустами бузины, смородины, жимолости, шиповника, таволги и других известных у нас растений. Как вся древесная растительность острова, так и лиственный лес его поражает размерами. Я нигде не видал таких исполинских ив, осин и тополей, как на Сахалине. Сплошь да рядом птица, сидящая где-нибудь близ середины дерева, оказывалась недоступной выстрелу из дробовика: до такой степени деревья эти высоки. Несмотря на холодное лето, обильная влага выгоняет в долина рек роскошную травянистую растительность

Травы здесь сочны, все лето свежи и нередко превосходят человеческий рост. Местами растительность имеет южный облик, чем в особенности отличается растение *Symphyllocarpus kamtschaticus*. Представьте себе 3—4 листа, слегка продолговатой формы, длиной в метр каждый; черешки их выходят прямо из земли, поднимая пластинку листа на высоту человеческого роста. Когда вы странствуете по заросли этого странного растения, пробираясь между тонкими черешками, вы идете как будто под крышей из горизонтально расположенных огромных листьев, налегающих друг на друга.

В южной части острова, ближе к западному берегу, в долинах рек к нашим обыкновенным деревьям и кустам

Дикушка

(*Tetrao Canadensis* L. *varietas* *Franklini* Dougl.).

подмешиваются и более южные растения. Здесь, например, нередки амурский филлодендрон, особый вид дуба и даже дикий виноград. Надо прибавить, впрочем, что ягоды винограда настолько кислы, что едва ли их едят даже неприхотливые птицы.

В отличие от тайги, лиственный лес речных долин богато населен разнообразными представителями пернатого царства, между которыми попадает немало японских. В особенности бросаются в глаза своим ярким оперением японские, желтые, как изолга, мухоловки, и длиннохвостый карминно-красный снегирь. Здесь же живет камчатский соловей, с ярко-красным пятном на горле; он уступает нашему в пении, но превосходит его красотой.

Хотя растительность речных долин поражает своей мощностью, культурные растения на острове не находят для себя подходящих условий. Даже наши обыкновенные северные хлеба не всегда дозревают на Сахалине. Местами родится здесь пшеница, но далеко не ежегодно; притом урожай всегда бывает плох. Благодаря обилию влаги, хлеб поднимается высоко, идет в солому, но, по причине низкой температуры лета, колосится очень поздно. Случается, что августовские холода застанут зерно совершенно сырым. Только разведение овощей обеспечено здесь от неурожая. Картофель, репа, брюква, капуста и редька дают хорошие, иногда даже превосходные сборы. Вообще, в отношении сельского хозяйства Сахалин сильно напоминает Камчатку, с той только разницей, что там возделывание хлебов еще менее успешно; зато скотоводство на острове поставлено в худшие условия, нежели в Камчатке.

На Сахалине нет обширных лугов. Небольшие площадки, поросшие травой, попадаются редко, почти исключительно во влажных долинах рек. Травы роскошны, но дают грубое сено; к тому же, сочные стебли ее при сыром климате острова сохнут медленно и очень часто гнивают, раньше чем получится мало-мальски пригодный корм.

Истинное богатство Сахалина составляют лес, каменный уголь и рыба. В последнее время там найдена еще нефть.

В настоящее время только уголь составляет предмет промышленности. По своим качествам он удовлетворяет даже строгим требованиям военного флота.

Как ни стараются русские поселенцы переводить лес, его еще всюду много. Большая часть Восточной Сибири, почти весь Сахалин покрыты девственной тайгой, середина которой не только не видала топора дровосека, но и не слышала выстрела зверолова-промышленника.

Рыбы несметного множество не только на Сахалине, но и во всех восточно-сибирских реках. Хотя она составляет почти единственную пищу здешних туземцев, правильная рыбопромышленность всюду еще в зачаточном состоянии.

Этот промысел остается, так сказать, в запасе.

Правительство колонизирует остров каторжниками.

Как место ссылки, Сахалин особенно удобен потому, что здесь не требуется такого усиленного надзора за каторжниками, как на материке Сибири. На острове их держат без кандалов; цепи надевают только в виде наказания за особую провинность. Бежать отсюда невозможно по той простой причине, что кругом вода. Правда, пролив в своей наиболее узкой части ежегодно замерзает. Но этот

ледяной мост воздвигается далеко на севере, в том месте Сахалина, где нет ни тюрем ни свободного населения. Добраться туда в зимнее время, благодаря безлюдью, бездорожью и отдаленности расстояния, невозможно. Бывали, впрочем, случаи, что беглецы переправлялись через пролив в бочке; раз даже завладели казенной лодкой, убив предварительно караульного. Но такие случаи чрезвычайно редки. К тому же, нет ничего легче, как предупредить их: стоит только построже следить за лодками и бочками. Потому каторжники и не любят Сахалина. „Кругом вода, а в середине беда“, говорят они про остров.

Сахалинский глухарь
(*Tertao urogalloides*).

Нельзя, однако, сказать, чтобы ссыльные не делали попыток к побегу. Напротив, они бегут — даже целыми толпами. Часто добрая половина транспорта на другой — третий день после прибытия на остров дает тягу. Еще на пути, во время переезда на крейсере от Одессы, они готовятся к этому; копят сухари и всякую другую отпускаемую им провизию. Еще не побывав на Сахалине, ссыльные прекрасно знают все условия жизни на острове; известно им и то, что бежать из тюрьмы там так же просто, как всякому свободному человеку выйти из собственной квартиры, но уйти с острова и перебраться в Сибирь, даже жить в бегах на острове — совершенно невыполнимое дело. Летом беглый просуществует как-нибудь в тайге, питаясь ягодой, корнями некоторых растений и рыбой. А зимой? Снежный покров в сажень толщиной все это делает недоступным; между тем на Сахалине нет свободного русского

населения, которое, подобно тому, как это делается, в центральной Сибири, стало бы выставять за окошко хлеб „для пропитания несчастных“. С наступлением зимы беглецам приходится или возвращаться в тюрьму, где их ждут плети и прибавка 10-ти лет к сроку каторги, или, если они заблудились в тайге, умирать с голоду. Случается, что „варнаки“, как называют в Сибири беглых каторжников, гибнут еще до наступления осени, делаясь жертвой местных туземцев, гиляков. Этот полудикий народец прекрасно знает варнаков, понимает, что они проживают в тайге, не имея на это никакого права, поэтому не смеют претендовать, если за ними кто-нибудь станет охотиться, как за зверем. Можно сказать, что среди всевозможной добычи, какую может дать гиляку сахалинская тайга, варнак для него самый выгодный предмет охоты. С ним не может сравниться даже медведь, потому что с беглого можно содрать халат, рубашку, взять у него котелок; глядишь, у иного найдется топор или нож, а все это вещи, которые в диком обиходе туземца куда дороже, нежели медвежьи шкура и мясо. Что касается ответственности, о ней и речи быть не может: вековые ели глухой тайги никому ничего не расскажут. Правда, и каторжники, вырвавшиеся на волю, не щадят гиляков. При случае, чтобы добыть сушеной рыбы (юколы) или какой другой пищи, варнаки не задумаются вырезать всю семью гиляка, проживающего где-нибудь в одинокостоящей юрте.

Об условиях жизни в бегах ссыльные получают самые точные сведения еще в дороге. Неимоверными путями проникают эти сведения за железную решетку тюрем или трюма парохода; только будущим беглецам прекрасно известно, что ждет их на острове, если они бегут из тюрьмы. Несмотря на это, они все-таки бегут. Как дикие птицы в клетках перед наступлением времени отлета начинают проявлять беспокойство, так и каторжники еще на крейсере близ Сахалина, или уже на острове перед весной обнаруживают все признаки обуявшего их стремления удрать. Бегут целыми толпами и целыми толпами осенью возвращаются под плети и под более строгий надзор. Это какое-то необузданное, как бы инстинктивное, влечение к побегу нельзя объяснить ничем иным, как желанием хотя бы неделю сознать себя вольным человеком, — делать что угодно, валяться в траве и глядеть в широкое небо, не чувствуя на себе начальнических взоров надзирателя или караульного. Как слабый луч надежды на благополучный исход побега могли бы служить слухи о том, что какому-то счастливцу когда-то удалось пробраться на пустынный восточный берег острова и поступить матросом на иностранное китоловное судно, зашедшее сюда за водой;

но многолетняя практика неудачных побегов научила сахалинских каторжников не слишком полагаться на эти слухи: они бегут только затем, чтобы бежать, совершенно не рассчитывая убежать.

Среди ссыльных на Сахалине надо различать два сорта каторжников, совершенно не похожих друг на друга. Это бессемейные и живущие семей.

Первые представляют из себя форменных каторжников. Они работают в каменноугольных копях, таскают кладь из одного поселка в другой и выполняют всякие другие поистине каторжные работы. Живут они в общих казармах, которые, конечно, никто не решится назвать хоромами. Питаются пищей, во всяком случае, не роскошной. Ржавая солонина и прокислая капуста нередко входит в их обеденное меню.

Совсем в ином положении находятся семейные каторжники. Живут они почти совершенно свободно в поселках. Каждая семья имеет собственную избу, землю. Казна снабжает такое хозяйство орудиями, необходимыми для обработки земли, некоторым дает даже скотину. Семена для посева точно также получают от казны и возвращаются обратно с прибавлением 40%.

Подневольное положение семейного ссыльного выражается в том, что три дня в неделю он работает на казну, а три — в свою пользу. Казенные же работы состоят в обработке огородов и пашень, в вырубке леса, прокладывании дорог и других подобных занятиях, к которым привык каждый крестьянин. При таких условиях семейные каторжники ведут довольно сносную жизнь. Некоторые из них откровенно говорили мне, что теперь им живется лучше, нежели до ссылки на своей родине. Поселки таких ссыльных производят впечатление обыкновенной русской деревни. Русские избы, на улицах босоногие белобрысые ребятишки, бабы в сарафанах, настоящие русские мужички в кафтанах или зипунах, по большей части с добродушным выражением лиц, — все это нисколько не напоминает вам о том, что вы видите колонию каторжников. Единственно, что с внешней стороны отличает такие подневольные поселения от свободных, это — почти полное отсутствие песен. Поют мало и притом больше грустные песни. В некоторых поселках имеются школы для детей ссыльных. В одной школе учительницей состоит дочь каторжника, выросшая и получившая здесь образование. Так живут и постепенно колонизируют остров семейные каторжники.

В середине июля мы стали готовиться к путешествию поперек острова, к устью р. Тыми, впадающей в Охотское море. Сборы наши оказались довольно продолжительными. Так как в течение более чем месяца нам предстояло

вести всякого рода сношения только с медведями, у которых, как известно, кроме собственной лапы, никаких запасных магазинов не имеется, а также с гиляками, которые сами заимствуются у тех же медведей шкурой и мясом, то на все время поездки нам необходимо было наперед обеспечить себя от голода, холода и сахалинских дождей. Во время нашего пребывания на Сахалине на всем острове, за исключением Корсаковского поста, имелась всего одна единственная лавка в посту Дуэ. Правда, это был универсальный магазин, по образцу тех, которые существуют в наших захолустных уездных городах. Там продавалось все, вернее, — разные предметы по всем отраслям житейских потребностей, начиная от спичек, кончая офицерскими погонями; но все это было по-сахалински дорого и в такой же мере гнило. Фунт сахару стоит здесь 50 к., жестянка американской вареной колбасы около фунта — 2 рубля, и так далее в том же роде. О таком процветании сахалинской торговли, к счастью, мы знали еще в Одессе; поэтому запаслись там почти на год чаем, сахаром, табаком и другими подобными предметами. Спирт для собирания коллекций мы получили на острове из казенного склада: там же мы приобрели два пуда манджурской махорки для расплаты, вместо денег, с гиляками за всякие услуги. Оставалось только заготовить самой насущной провизии, что мы могли сделать и без содействия магазина. Сухарей насушили нам в казенной пекарне Александровской военной команды, а наша любезная хозяйка заготовила нам впрок мяса по особому способу. Большие куски говядины, пролежавшие некоторое время в соли, провяливаются на воздухе; получается продукт вроде того, который продается в некоторых петербургских колбасных под названием говяжьего или мясного балыка. Затем мы захватили с собой еще сушеной кислой капусты и несколько сортов крупы, чем, пожалуй, можно и кончить перечень предметов нашей провизии.

В качестве рабочих, а вместе с тем и конвоя, к нам были прикомандированы четверо каторжников и для надзора за ними надзиратель, вооруженный шашкой и заряженным револьвером с одним единственным, позеленевшим от времени, патроном. Если я прибавлю, что все четыре наши конвоира отбывали на Сахалине каторжные работы за убийства, говоря попросту, были убийцами, то тупая шашка и этот зеленый патрон, наверно, покажутся вам недостаточной гарантией нашего спокойствия. На самом же деле, этого вооружения, было больше, чем достаточно, потому что оно должно было служить скорее принадлежностью форменной одежды надзирателя, нежели действительным оружием. Ни администрация острова, отпра-

влявшая с нами этого надзирателя ни мы сами никоим образом не рассчитывали на то, что шашка будет рубить, а револьвер палить. В ограждение от каких бы то ни было дурных помыслов четырех убийц нашей экспедиции никакого оружия не требовалось: оно было бы совершенно бесполезно, если бы те задумали бросить нас в глухой тайге, или вместо устья реки Тыми, сплавить нас на тот свет.

Наши „убийцы“ были превосходные и вполне надежные ребята. Один из них года два тому назад сгоряча пырнул ножом собственную супругу. Другой служил ямщиком по почтовому тракту и, переезжая зимой с почтой Амур, влетел в полынью, причем утонул почтальон и почта, в которой находились деньги золотом. Обстоятельства сложились так неудачно, что суду пришлось обвинить ямщика в покушении на ограбление почты и в убийстве почтальона. Не знаю, верил ли сибирский суд в справедливость своего приговора, но мне кажется, что он ошибся. Трудно представить себе, что наш Семен, с его тихим незлобивым характером и добродушным русским лицом, мог покуситься на убийство с целью ограбления. Третий наш спутник учинил убийство, будучи солдатом: где-то в Уссурийском крае он, в числе 8 других солдат, жил в лесу в избушке, игравшей роль военного поста. Пришли манзы, обложили избушку хворостом и начали ее жечь. Солдаты стали отстреливаться и перебили до десятка китайских разбойников; остальные убежали. Так как манзы были отправлены на тот свет без соблюдения каких-то правил военной дисциплины, то подвиг солдат превратился в убийство и, вместо того, чтобы получить награду, они отправились на каторгу. Самым интересным для меня типом был последний наш „убийца“. Родом черкес, он служил раньше в кавказской милиции. В силу священного среди кавказских горцев обычая родовой мести, он обязан был отомстить какому-то другому милиционеру, уроженцу одного с ним аула. И вот, в исполнение этого долга, на глазах своего начальства, в строю он пырнул кинжалом своего родового врага и настолько неудачно, что угодил на каторгу. Сначала он был сослан в Каринские рудники, на материке Сибири, но бежал оттуда и явился на Кавказ в родной аул. Родственники убитого им черкеса, конечно, проводали об этом и постарались, чтобы Мустафу сослали снова. Мы застали его уже пожилым человеком, когда всякая мысль о новом побеге исчезла из его головы. Во время нашей совместной поездки по вечерам, сидя перед пылающим костром, Мустафа очень часто рассказывал нам различные эпизоды из своего двухлетнего странствования по Сибири, в качестве варнака. Не раз ему приходилось слышать свист пули, пущенной в него из-за куста

бурятом; живал он и в брошенной медвежьей берлоге, и просто между корнями деревьев; много раз ночевал под снегом; по целым месяцам питался ягодой и грибами; тонул; отморозил на ноге два пальца и все-таки добрался до родного аула. Здесь повидался он с братьями и в скором времени был арестован и отправлен на Сахалин.

Таковы были наши спутники. Мы были уверены в них настолько, что двум из них разрешили иметь при себе по ружью-дробовику со всеми принадлежностями для охоты. 23 июля, под вечер, взвалив весь наш багаж на три подводы, запряженные парой быков каждая, мы, наконец, тронулись в путь. Мы сами ехали верхом на маленьких сибирских лошадках, а рабочие с надзирателем, за недостатком лошадей, должны были идти пешком.

Погода, бывшая до того дня по обыкновению дождливой, как будто нарочно для нашего выступления разгулялась. Было ясно и тепло, как только может быть тепло в среднем Сахалине. Солнце ярко светило на безоблачном небе; сквозь просветы между листьями ив оно пригревало нам лица и руки, словно лаская нас и обнадеживая не оставить своим вниманием и в будущем. Путь пролегал долиной маленькой речки, по лиственному лесу, среди которого там и сям попадались крошечные площадки травянистых зарослей. При виде сочной зелени лошадки начинали весело ржать, и даже флегматические быки, повернув свои тупые морды в сторону этих зарослей, обнаруживали, что им также не чужды некоторые житейские слабости. Словом, путешествие наше началось при хороших предзнаменованиях, и все были довольны. Пройдя верст восемь, мы остановились на ночевку в поселке Верхнее Урочище. Хотя Урочище не велико, но в нем имеется фельдшер, а это уже роскошь не маленькая, хотя бы и для самого большого поселка на Сахалине. При ближайшем знакомстве с обстоятельствами дела мы убедились, что роскошь эта в данном случае была еще больше, чем она могла показаться непосвященному в эти обстоятельства: вот уже три месяца, как у здешнего представителя медицины вышли все лекарства, за исключением известковой воды. Желая поделиться своим скудным запасом медикаментов, я предложил фельдшеру на выбор пузырек касторового масла или несколько приемов английской соли. Он остановился на соли на том основании, что по своему горькому вкусу она более походит на настоящее лекарство, а раз это лекарство, его можно употреблять против всяких болезней.

Чтобы не начинать наши запасы мяса, мы решили приготовить себе ужин из здешних продуктов. Однако

во всем поселке могли добыть только десяток яиц. Хотели было зажарить зайца, убитого Мустафой по дороге, но в Урочище не оказалось масла. Одна еврейка под названием масла принесла что-то очень похожее на свечное сало и пожелала получить за него не мало не много, как рубль за фунт. Мы посоветовали еврейке сохранить свое масло до того времени, когда на Сахалине откроется свечной завод, а сами удовольствовались яйцами. Так заяц и пропал, не оказав никакой пользы науке.

На другой день, рано утром, мы тронулись дальше. Так как в этот переход нам предстояло перевалить главный Сахалинский хребет, в телеги запрягли по две пары быков. Скоро дорога стала подниматься в гору. Вместе с тем лиственный лес сменился хвойным; к вершине перевала появилась, однако, береза, затем кедровый сланец и, наконец, на самом гребне хребта, на высоте около 750 метров, довольно большие заросли... чего бы вы думали? бамбука! Да, настоящего бамбука, хотя и местной породы. Правда, сравнительно с своим тропическим родственником, это был очень невзрачный кустик, приземистый, стелющийся по земле, ростом ниже человека и, вообще, очень жалкий, однако, все же бамбук. Неизвестно, с какой стати этому роскошному величественному растению понадобилось забираться на Сахалин с его холодным климатом и, превратившись здесь в ничтожный кустик, выносить унижение его аристократического звания. Чем ближе к вершине перевала, тем круче становится подъем. Мы слезли с лошадей и идем пешком. По временам мы останавливаемся вместе с быками и, подложив под колеса телег камни, садимся отдыхать. Тем временем один за другим нас обгоняют каторжники, переносящие муку и еще какие-то вещи в ближайший поселок Пиленги. В этом заключается их каторжная работа. В течение месяца каждый обязан перенести до 30 пудов клади на протяжении около 16 верст.

Делая не более трех верст в час, мы добрались к полудню в Пиленги и, переменяв здесь быков и лошадей, немедленно тронулись дальше. Ненадежное сахалинское солнце уже успело изменить своему обещанию и спряталось за свинцовые тучи, обложившие все небо. Посыпал мелкий осенний дождь, который поливал нас до самого вечера, когда мы добрались до поселка „Малое Тымово“. К своему удивлению, мы встретили здесь интеллигентного жителя. Это был молодой офицер, командированный сюда принимать какие-то казенные вещи. Бедный человек! Вещи на спинах каторжников поступали в поселок если не через час по ложке, то через час по 1^{1/2} пуда, а он, в ожидании окончания этой томительной процедуры, проживал здесь один среди ссыльных и нескольких надзи-

рателей из отставных солдат. Несмотря на всевозможные попытки скоротать медленно ползущее время, офицер пропадал со скуки.

Различные способы давить мух были перепробованы; все гвозди его убогой комнаты сосчитаны; дичи в окрестностях было мало, да он и не охотник. Оставалось только сохнуть от мертвящей скуки, — и по долгу службы он терпеливо сох. Сох он еще от голода. Кроме хлеба и казенной арестантской солонины, не первой и даже не второй свежести, никакой провизии здесь не водится. Нет ни овощей и никакой другой зелени. Изредка удается раздобыть бутылку молока и еще реже пару яиц; масла до сего времени здесь не бывало. К великому удовольствию этого мученика службы, мы сделали в Малом Тымове дневку и только 26-го числа рано утром тронулись в путь в селение Рыковское. Дорога, как и все время от Верхнего Урочища, пролегает хвойным лесом почти без всякого просвета, если не считать вершины перевала. Только около Рыкова стали попадаться небольшие безлесные площади, поросшие травой. Это лучшие места для пашень. Здесь более, чем где-нибудь в среднем, Сахалине, почва плодородна, к тому же не нуждается в корчевке, что очень важно для местного земледелия. Всюду на острове слой рыхлой земли, покрывающей непосредственно твердый камень, настолько тонок, что при корчевке пней здешних огромных деревьев, обыкновенно обнажается лежащий под почвой гранит. Местами нам попадались огромные участки земли, утыканные черными стволами деревьев с обгоревшими ветвями. Лес жгут здесь не за тем, чтобы подготовить место для пашни, а с целью хоть сколько-нибудь избавиться от всепоглощающей тайги. Впрочем, нередко тайга загорается и сама по себе, по причинам, известным ей одной. Около часу дня мы подошли к берегу Тыми, той самой реки, по которой нам предстояло плыть до Охотского моря. Здесь ждали нас лодки, на которые мы сложили кладь, а сами верхом проехали в Рыковское, расположенное верстах в двух от берега. Далее на восток, верстах в 25-ти от Рыковского, находится еще одно и притом последнее поселение ссыльных — Дербино. До него можно добраться на лодках по р. Тыми, или сухим путем по лесной, очень скверной тропинке. Колесной дороги туда еще не было проложено, поэтому кладь по необходимости приходилось спускать по воде, хотя река в этом месте очень ненадежна. Чрезвычайно быстрое течение, множество перекатов и порогов делают плавание по ней небезопасным. Отправив кладь с рабочими на семи долбенках, мы сами выехали верхом. Болотистая почва, в которой вязли ноги лоша-

дей, бесчисленные ямы между корнями елей, ветви, хлеставшие нам в лица, не мало испортили нам крови. Станете вы смотреть под ноги лошади, чтобы заблаговременно приготовиться, когда она соберется прыгать через яму, в это время сучок зацепляет за платье и пытается стащить вас с седла, или ветки ели своими тяжелыми колючими хвоями наносят вам удар по лицу. Поднимаете вы глаза кверху, тем временем лошадь неожиданно спотыкается, или делает скачок, и вы летите на землю, или, вернее, на обнаженные корни деревьев. Нам оставалось одним глазом смотреть вверх, а другим под ноги лошадей. Но так как этим искусством никто из нас не отличался, мы или кувыркались, или безропотно принимали шелчки от деревьев. Однако, на зло лесному духу, заведующему сахалинской тайгой, мы добрались до Дербина без больших увечий. Поселок, состоящий из нескольких домов, вырос среди дремучего леса. Тайга лезет здесь прямо на крыши изб, а медведи, как настоящие владельцы ее, еще не изгнанные человеком, бродят под их окошками, и, если не заглядывают на дворы, то лишь потому, что там нечего делать; кроме собак, никакой скотины у жителей Дербина не существует, а медведь, как известно, предпочитает не связываться с собаками.

В Дербине кончилось наше сухопутное странствование по острову. Отсюда нам предстояло начать плавание по Тыми, если только можно назвать плаванием прыганье лодок по камням русла порожиистой реки.

Для нашего путешествия был заготовлен флот, состоявший из трех досчатых лодок обыкновенной сибирской конструкции и одного „кунгаса“. Так называют на острове лодку, того удивительного устройства, какое едва ли можно встретить в другом месте земного шара. Это скорее огромный утюг, внутри пустой и сколоченный из бревен. На плоском дне этого утюга вместо углей должны были помещаться некоторые наши вещи, а поверх них — мы сами. От дождя мы пристроили деревянный навес. В качестве лоцманов, экспедицию должны были сопровождать двое гиляков на своей собственной лодке, или, вернее, на долбленом тополевом бревне. Однако это бревно оказалось потом единственным, пригодным для плавания по здешним рекам судном. 30-го июля, рано утром, наш флот оставил Дербинский рейд и помчался вниз по Тыми. Река в начале пути имеет от 20 до 40 метров ширины и несется с быстротой горного потока. Хотя при наших лодках и даже на кунгасе полагались весла, но они служили скорее рулем, нежели исполняли свое прямое назначение. Силой течения несло нас так быстро, что если бы мы вздумали грести, мы не успевали

бы вынимать из воды весел, чтобы произвести ими полезную работу. Мы прибегали к их помощи только в тех случаях, когда надо было подойти к берегу. В первый день плавания мы встретили 8 перекатов и с аккуратностью, достойной лучшего применения, на каждом из них становились на мель.

Особенной аккуратностью в этом отношении отличался наш утюг. Он утюжил подводные камни не только на всех перекатах, но и там, где другие лодки проходили свободно. Дно реки состояло по большей части из мелкой гранитной гальки. Еще до полной остановки кунгас начинал стучать дном о камни, затем почти на полном ходу с треском врезался в гальку и мгновенно останавливался. Кладь соскакивала со своих мест, а мы летели кувырком на дно судна, если приключение заставляло нас на ногах. Обыкновенно кунгас, повернувшись раза два, то кормой то носом вперед, соскакивал с мели и боком продолжал мчаться с головокружительной быстротой. Иногда, впрочем, он врезался в гальку ребром и нагромождал на дне вал, который ни за что не соглашался пропустить наш утюг дальше. С другого бока вода била в борт, кренила судно и, поднимаясь до его краев, грозила или перевернуть его, или затопить нас со всеми вещами. Рабочим приходилось слезать в воду и, расчистив вал, выпускать на свободу нашу неуклюжую посудину. Надо быть таким крепко сколоченным ковчегом, как наш кунгас, чтобы не разбиться вдребезги от тех толчков, какие он получал на перекатах. Течение в этих местах было настолько быстро, что рабочие, стоя в воде ниже колен, с трудом могли держаться на ногах.

Часа в 3 дня мы добрались до первой гиляцкой деревушки Узк-во, где и остановились на ночевку. Конечно, все население деревушки, не исключая косматых, по большей части разноглазых, собак высыпало нам навстречу. Мальчишки в рубашках из собачьего меха, шерстью вверх, прятались за матерей. Матери стояли позади мужей, а впереди всех, махая пушистыми хвостами, приветствовали нас собаки. Они же первые решились приблизиться к нам и представиться, обнюхав нам сапоги, платье и руки. За ними подошли мужчины, потом дамы, и, наконец, ребяташки. Последние, убедившись в нашей безвредности, начали вертеться у нас под самими ногами, разглядывать ружья, а в особенности, светлые пуговицы моего охотничьего пиджака. Узк-во состоит ровно из 4 юрт и одной избушки, в которой проживает медведь. Этот зверь считается у гиляков священным и потому составляет необходимую принадлежность каждой деревни. Пойманного молодым, а иногда и

взрослым, медведя сажают в бревенчатый сруб с наглухо заделанным потолком. Углы этого домика украшают елками и белыми стружками, имеющими, повидимому, тоже священное значение. Сквозь щели между бревнами заключенному бросают рыбу и ставят воду. От времени до времени, посадив предварительно на цепь, его выводят купаться, чтобы потом снова запрятать в темницу. В определенное время года, именно, в дни праздника Белого Месяца, что приходится на январь, гиляки совершают торжественное священнодействие в честь своего косматого божества; причем обнаруживают столь сильное почтение к нему, что божество от этого умирает. Медведя привязывают к столбу, затем, после разных заклинаний, сопровождаемых пляской шамана и звоном бубна, расстре-

Обряд убийства священного медведя у гиляков.

ливают его из луков, а мясо с разными церемониями тут же съедают. Бедный мишка! С каким удовольствием он отказался бы от этих божеских почестей и остался простым медведем! Но что делать! Видно, и для медведей обязательно житейское правило: „Noblesse oblige“ („Знатность обязывает“).

Гиляцкие юрты отличаются от медвежьего помещения только большими размерами да еще тем, что имеют дыру на потолке для выхода дыма и двери сбоку для входа людей и собак. Собаки чувствуют себя полноправными членами гиляцкой семьи. Они входят в юрту, как в собственную конуру, ложатся у костра, или сидя рядом с гилячатами, поглядывают на взрослых людей. Когда это им надоест, они отправляются слоняться по лесу, а ночевать возвращаются в юрту. Здесь же заботливые гилячки кормят их сушеной рыбой. Внутри такого жилища, как раз против дымового отверстия, сделано небольшое возвышение из земли, на котором разводится

костер. Та же голая земля заменяет пол всей юрты. К потолку на деревянных крючках подвешены берестяные корзинки, ведерца, ковши и другая домашняя утварь, среди которой чугунный котел является единственным представителем металлической посуды; вместе с тем в кухонном инвентаре он представляет из себя единственный предмет не домашнего приготовления. Всей остальной утварью снабжает гиляков тайга. Две — три собачьих или тюленьих шкуры, брошенные на голую землю, исправляют двойную службу мебели и постели. Между юртами, на длинных жердях, положенных на столбы, развешена для просушки рыба, из которой должна получиться так называемая „ю кола“. Если не считать ягод, некоторых корней и — в тяжелые времена — собачьего мяса, рыба составляет единственную пищу здешних гиляков. Так как этот народец соли не признает, а сахалинские дожди очень мало помогают ему в приготовлении юколы, неудивительно, что рыба в скором времени загнивает и покрывается червями. Нестерпимая вонь обложила всю деревушку, проникла, конечно, и в юрты и на другой день долго еще сидела у каждого из нас в носу даже в то время, когда мы были далеко от Узк-во. Несмотря на эту вонь, поставив свои полога под открытым небом, еще в сумерки завалились мы спать. Собаки с большим удивлением смотрели на эти крошечные беленькие юрточки, в которых никому из них еще не случалось жить. Один огромный пес долгое время тыкался носом в кисейную стенку моего полога, очевидно, отыскивая вход, и отказался от желания посетить меня только после того, как получил здоровенный щелчок.

На другой день рано утром, собираясь в путь, мы заметили, что вчерашние похождения нашего кунгаса не обошлись ему даром. Должно быть, от толчков о подводные камни в нем образовалась щель, чрез которую за ночь набралось много воды. Наши вещи промокли. Приходилось выгружать и сушить их. К счастью, солнце на этот раз не изменило нам. При содействии ветра оно высушило нам табак, чай и некоторые другие предметы, но отказалось поправить беду с сахаром, так как он наполовину растаял. К нашей великой радости, порох и патроны не промокли и даже не отсырели; иначе самое добросовестное солнце едва ли было бы в состоянии сделать их пригодными для употребления.

К полудню все было исправлено, вещи высушены, дыры в кунгасе заткнуты, вода отлита, и мы могли тронуться в путь. На случай, если нашему утюгу опять придется получить течь, треснувшись о подводный камень, всю кладь с него мы сложили на две гиляцкие лодки

специально для этого нанятые в Узк-во, а самого виновника наших бед пустили пустым. Однако сами мы, вместе с одним рабочим, всего втроем, остались на нем, в том расчете, что при крушении всегда успеет подойти во время одна из наших лодок, а в случае если нам и придется немного подмокнуть, для нас не составило бы никакого труда обсушиться и без помощи солнца. Вскоре после полудня наш флот, состоявший теперь из семи судов трех разных конструкций, отвалил от деревни Узк-во и направился вниз по реке, имея во главе наш флагманский корабль — кунгас. Как и в первый день плавания, корабль этот неизменно становился на мель на каждом перекате. Вместо гальки дно реки на нынешнем пути было усеяно крупными камнями, от которых кунгас еще скорее мог разлететься пополам. Иногда он так крепко врезался среди подводных камней, что требовались усилия всех путников, не исключая гиляков, чтобы сдвинуть его с места. Вообще, этот несносный утюг сильно замедлял наше путешествие и попортил нам не мало крови. Не раз мы собирались бросить его на произвол судьбы в жертву сердитой реке, но всегда откладывали до следующего случая. Как-то жаль было бросить это нескладное судно: ведь оно ничем не виновато, что его построили столь неуклюжим, да еще пустили на сахалинскую реку; все же оно оказывало нам не малую услугу, спасая нас от дождя.

Тыми прорывает себе путь посреди дремучей тайги. Лес смотрится в бурные воды реки на всем пространстве, которое мы проплыли в эти два дня. По самому берегу ее высятся стройные ивы, тополя и вязы; дальше виднеется темная зелень ели и пихты, посреди которой еще более темными пятнами кое-где выделяются группы кедров. Всюду, где берега обрывисты, река, отрывая участки земли, уносит с собой ближайшие деревья и выбрасывает их на первой попавшейся отмели. Местами мы видели целые острова, воздвигнутые из трупов исполинских ив и тополей. Не раз нам приходилось с топором в руках прокладывать путь для наших лодок посреди нагроможденного как раз поперек фарватера леса. Течение Тыми чрезвычайно извилисто. Иногда, как будто раздумав течь в Охотское море, она поворачивает в совершенно противоположную от него сторону и направляется на запад, к Татарскому проливу, но затем снова возвращается на истинный путь. Там, где соседние горы сдавливают реку, она сильно суживается и течет с поразительной быстротой. В таких местах можно было видеть, что наши лодки скатываются вниз, как салазки с гор. К счастью, Тыми имеет здесь сравнительно большую глубину; иначе

наш кунгас наверно нашел бы здесь свою преждевременную кончину.

К вечеру мы остановились на ночевку на пустынном берегу, поросшем непроходимым лесом. Множество свежих медвежьих следов на песке напоминало нам, что бивуаком мы нарушили владельческие права гиляцкого косматого божества.

1-го августа плыли целый день. Река все так же быстра и порожи́ста, как и раньше. Но на четвертый день нашего плавания она заметно поуспокоилась, сделалась шире и глу́бже, так что даже наш утюг всего два раза слегка проутюжил подводные камни. Пройдя гиляцкие деревушки Сла-во, Хамр-во и другие, мы остановились ночевать в какой-то „во“, которая, по словам наших проводников, приходится последней вниз по Тыми, если не считать приморской, расположенной в самом устье. Здесь мы отпустили своих лоцманов-гиляков, так как река перестала угрожать нам своими порогами. Третьего августа мы плыли совершенно благополучно, хотя не так уж быстро, как прежде. 4-го числа уже с полудня мы очутились среди новой обстановки. Река имеет здесь до 100 метров в ширину и течет настолько медленно, что местами рабочие должны были приниматься за весла. Крупный лес окончательно исчез, кое-где только попадает мелкий ивняк. Берега низки, очевидно болотисты, а к вечеру обнаружились несомненные признаки близости моря. Это были тюлени, там и сям выставявшие среди гладкой поверхности воды свои подслеповатые морды. Один из них вылез на поваленное дерево и дремал, пригреваемый косыми лучами заходящего солнца. Я подъехал к нему шагов на сто, прицелился и выстрелил из берданки. Тюлень, как камень, шлепнулся в воду и исчез там, но был ли он убит, ранен, или остался невредимым, мы не могли узнать: убитый тюлень тонет, а раненому или вполне здоровому нет никакого расчета подставлять свою голову под вторичный выстрел.

5-го августа, т.-е. на седьмой день нашего плавания, Тыми приняла вид судоходной реки. Зато берега положительно наводили уныние. Всюду мертво и голо; только кое-где торчали отдельные чахлые деревца лиственницы. Но это было какие-то каррикатуры деревьев: корявые, узловатые ветви растут у них не вверх, а в бок, или стелются по земле в направлении господствующего северо-восточного ветра; противоположная сторона ствола совершенно лишена ветвей. Все такое дерево размерами едва-едва превосходит человеческий рост. В этих лиственницах мы видели пред собой ту же картину борьбы леса с суровым климатом, какую можно встретить всюду на крайнем се-

вере, на границе распространения лесной растительности. Деревья пользуются здесь малейшим возвышением, чтобы под прикрытием его спастись от губительного влияния холодного ветра, дующего с Охотского моря. Местами можно было видеть любопытную иллюстрацию, до какой степени боятся они этого ветра. Под защитой небольшого холма нередко попадались нам группы лиственниц, иногда даже довольно высоких и нарядных, но ни за что не решавшихся подняться выше своего покровителя. На высоте холма они отбрасывали свои ветви под прямым углом к стволу в направлении все того же господствующего холодного ветра. На некотором расстоянии такое дерево напоминает струю фонтана, верхушка которой сдувается и далеко относится ветром.

Чем более приближались мы к устью, тем ниже становились берега реки. Уже по жалкому виду деревьев, не вылезая из лодки, можно было догадаться, что там, на суше, расстилаются отнюдь не черноземные равнины. Действительно, на береговом обрыве видно было, что почва окрестностей состоит из настоящего торфа, местами имеющего чудовищную толщину четырех метров. Поднявшись на обрыв, мы увидели перед собой форменную полярную тундру со всеми ее неприветливыми особенностями. Мох, морошка, вороника, голубика, полярная береза не выше 20 сантим. высотой, опять мох и так далее до самого горизонта. Там и сям над кочковатой поверхностью тундры с мелодическим свистом носились стаи кроншнепов, прикормившиеся здесь на ягоде, белые куропатки с шумом выпархивали из под наших ног, и, если не видно было диких северных оленей, то лишь потому, что спасаясь от комаров, они откочевали в горы.

К вечеру наша флотилия подошла к орокской деревне Тро, расположенной в 5—6 верстах от Охотского моря, или, вернее, от Ныйского залива. Здесь кончилось наше плавание. Нам предстояло прожить с месяц и заняться изучением окрестностей.

Быстро выгрузили мы вещи на берег. Наступила ночь и стал накрапывать дождик. Мы натянули на кольях брезентовый тент, поставили под ним полога и завалились спать. Ночью поднялся холодный ветер; частый, чисто осенний дождик, минуя края тента, косыми струйками до самого утра бил в кисейную стенку моего полога, промочил мою подушку, волосы и промочил бы меня всего, если бы не спасительный кожан. И мокро, и холодно! Впрочем, ничего себе. Подобные невзгоды не только не удручают путешественника по страсти, но даже веселят его душу. Рано утром жители деревушки Тро, несмотря на дождь, почти в полном составе стояли или сидели на

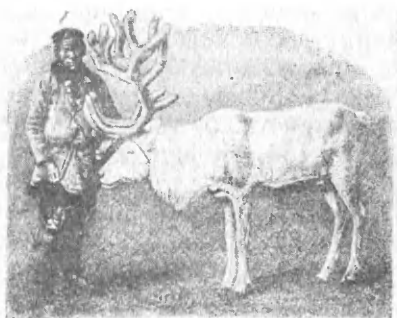
корточках вокруг нашего стана и, мирно беседуя, рассматривали наши вещи. Это были ороки, племя, родственное гилякам, но говорящее языком, похожим на тунгузский. В окрестностях Ныйского залива стоят 4 оро́кских деревушки, состоящие из 3—4 юрт каждая.

Часть ороков приезжает на Сахалин из Амурского края только на лето для лова рыбы и тюленей, а на зиму возвращается назад; сравнительно немногие принадлежат к постоянным обитателям острова, но и те, без сомнения, некогда переселились сюда с материка Сибири. Русского населения не существует не только близ Ныйского залива, но и по всему восточному берегу Сахалина, от северного его конца до южного. Мало того, за отсутствием маломальски сносных путей сообщения, сюда не распространяются действия администрации острова. Единственное лицо из состава этой администрации, посетившее до нас Охотское побережье Сахалина, был агроном Мицуль, приезжавший искать удобных мест для основания русских поселений. Он путешествовал зимой на собаках и, не найдя того, что искал, кончил тем, что с голоду принялся есть своих косматых коней, а на уцелевших вернулся назад. Если уж специалист, который на Сахалине собаку съел, да еще, говорят, не одну, не нашел ничего путного в восточном побережье острова, очевидно, оставалось только махнуть на этот берег рукой. Так и поступила администрация, почему туземцы Ныйского залива, по крайней мере, до нашего приезда, оставались в неизвестности и не были обложены ясаком. Милейшие дикари здешние ороки! Честность их феноменальна. Вы можете довериться ороку, в чем угодно, и он скорее пропадет с голоду и холоду, а постарается исполнить свое обещание. В своей патриархальности он не понимает, что значит обмануть. Вероятно, в языке ороков не существует самого слова для обозначения этого понятия. Неизвестно им также и воровство. Мы провели здесь целый месяц, жили в некотором роде открыто, т.-е. все наше достояние было разбросано или прямо на траве, или в шалаше, и за все это время у нас не пропало ни одного ржаного сухаря ни одного куска сахара, до которого ороки большие охотники, и никакой другой, даже самой пустячной мелочи. Выпросить что-нибудь орок не прочь, но, если он не получил разрешения взять хотя бы брошенную пробку, она для него священна. Впрочем, этой поразительной честностью отличается большинство туземцев Восточной Сибири, в особенности камчадалы и чукчи.

Вместе с тем ороки чрезвычайно добродушный и тихий народ. За все время нашего пребывания в Тро мы не только не видали драки, но не слыхали ни ссоры ни даже

крупного разговора. Если вы дадите одному ороку хотя бы самый маленький кусок сахара, или сухарь, он считает своей обязанностью разделить подарок между всеми присутствующими соплеменниками. Замечательно, что эти симпатичные черты характера нисколько не мешают здешним туземцам при случае без всякой жалости убивать беглых каторжников. Туземец относится к варнаку просто-напросто, как к предмету охоты. Пронзив копьем белого, он чувствует ровно столько же угрызений совести, сколько после удачной охоты на тюленя. Это сочетание честности с каким-то несознаваемым зверством составляет особенность душевного склада дикого человека, совершенно нетронутого даже подобием культуры.

В своем домашнем обиходе ороки мало чем отличаются от гиляков и других диких племен Восточной Сибири. Питаются они исключительно рыбой и тюленями, а в зимнее время, в случае голодовки, собаками. Хлеба они не видят; соль составляет предмет роскоши. Так как рыба ловится на Сахалине только в конце лета и притом не более, как в продолжение одного месяца, но зато в огромном количестве, то на остальную часть года ороки заготавливают ее впрок в виде юк олы. Для этого рыбу, разрезанную надвое вдоль тела, сушат на воздухе. При дождливом климате острова, прежде чем высохнуть, она за-

Орок с северным оленем.

гнивает и покрывается мириадами червей, которые частью падают на землю, частью засыхают внутри юколы, образуя нечто вроде шпика. Сушеную рыбу употребляют в пищу обыкновенно без всяких дальнейших приготовлений, но свежую предварительно варят; впрочем, головы, хрящи, а также мелкую рыбешку поедают сырыми. Сырая рыба, видимо, составляет своего рода лакомство ороков. Забавно было видеть, с какой жадностью набрасываются они на это лакомство. Вот подъезжает лодка с грузом крупных, только что пойманных лососей. Оставшиеся дома мужчины, женщины, дети, словом, все наличное население юрты высыпает на берег и, забрав по рыбине, принимается действовать. У кого есть нож, тот аккуратно вырезывает из головы или около плавников хрящи и кусок за куском тут же отправляет в рот. Но всего комичнее расправляются с этой закуской ребятишки, которые еще не доросли

до ножа. Обняв своими ручонками огромную еще живую рыбину, стоит такой карапузик и грызет ей голову. Лосось судорожно бьет хвостом своего мучителя; так и ждешь, что рыба сейчас свалит его на землю; а мальчишка с вымазанной в рыбьей крови мордочкой уписывает себе, словно котенок, запуская зубы как-то боком. Удивительно, какую дрянь могут есть здешние туземцы! Как вам понравится блюдо, которое на моих глазах очень часто приготавливала орочка соседней юрты? Взять сырые кишки тюленя, крошить их в чашку, облить тюленьим жиром, перемешать с ягодой и подать к столу. А вот еще блюдо. Взять самую сухую юколу, откусить добрый кусок, пожевать и выплюнуть в котел. Когда таким образом получится желаемое количество рыбы, облить ее тюленьим жиром и подать к столу.

Единственный предмет роскоши орок, если не считать соли, составляет табак, который они выменивают на тюленьи шкуры у японцев, приезжающих сюда ловить рыбу. Курят даже дети, начиная с семилетнего возраста. Те же японцы снабжают туземцев и водкой, хотя, по правде сказать, пьяных мы здесь не видали, может быть, потому, что напиток этот и дорог и плох.

Рыба, тюлени и собаки не только кормят орок, но и одевают их. Мужчины и женщины носят костюмы из тюленьих шкур, а ребята рубашки из собачьего меха, летом шерстью вверх, а зимою шерстью вниз. По одежде да и по физиономиям оба пола мало чем отличаются друг от друга. У мужчин, в особенности, у молодых, никакой растительности на лице не полагается. От женщин легче всего отличить их по волосам на голове. У мужчин одна коса, а у женщин две; старухи ходят растрепанными, как киевские ведьмы. Франтов-орок, в зипунах из серого арестантского сукна, здесь очень немного, может быть, потому, что беглые редко доходят до восточного берега острова; еще раньше где-нибудь в середине его, они делаются добычей гиляков, если только не успеют вернуться в тюрьму. Из рыбьих кож ороки делают одеяла и пеленки для детей; теми же кожами завешивают двери в юртах; из них же шьют паруса.

Летние юрты орок по своей форме очень напоминают индийские вигвамы. Может быть, этот тип постройки занесен в Америку из Восточной Сибири. Такая юрта имеет вид шалаша или крыши. Основа ее, состоящая из жердей, покрывается берестой или полотном из рыбьих кож; на коньке оставляется отверстие для выхода дыма, а сбоку — для двери. Когда внутри такого помещения горит костер, дым застилает всю юрту до такой степени, что не видно присутствующих. Благодаря этому, большинство орок

страдает глазными болезнями. В Тро мы видели даже совершенно слепых. Ремесленная деятельность здешних туземцев заключается в приготовлении разных предметов домашнего обихода: в постройке юрт, лодок, шитье обуви и одежды, причем вместо ниток употребляются жилы тюленя, а вместо иглы — рыба кость. Я думаю, что Робинзон Крузе, когда он проживал на необитаемом острове и устраивал обстановку своего жилища, пользовался приемами и орудиями, несколько не менее совершенными, нежели те, которые применяются здесь. Любопытно было видеть, например, как строил орок лодку. Тополевое бревно, видимо, взятое из выброшенного самой рекой леса, он предварительно выжиг, насколько это, по его мнению, было нужно. Как это он сделал, я не видал, но, вероятно, по способу Робинзона, потому что никаких особых приспособлений для этой цели нигде у сахалинских туземцев я не заметил. Затем началась египетская работа выдалбливания лодки при помощи обыкновенного ножа и крошечного топорика, хотя и железного, но по форме удивительно напоминающего топор каменного века. Эти инструменты, очевидно, готовятся самими туземцами, может быть, где-нибудь в Амурском крае, причем образцами, вероятно, служат топоры каменного периода, который эти туземцы, можно сказать, только что пережили. Антрополог, который найдет впоследствии современный железный топор сахалинского орока или гиляка, будет совершенно прав, если отнесет его к веку промежуточному между каменным и железным. Орок, о котором я начал говорить, при нас уже отделывал лодку начисто и кончил эту отделку не менее, как в три недели; сколько же он возился с предварительной работой выжигания и выдалбливания бревна? Я думаю, что не менее полугода. Борт лодки он стал обивать тонкой планкой, которую приколачивал деревянными гвоздиками, причем отверстие в планке просверливал инструментом, ничем по существу не отличающимся от простого гвоздя. Вспомнив, что у меня в запасе имеются буравчики, я задумал было удивить дикаря этими, хотя и не слишком свежими, но все-таки совершенно новыми для здешних мест, плодами европейской цивилизации. Орок, действительно, был поражен быстротой, с которой я просверлил буравом отверстие в первом попавшемся бревне, но потом... лучше было бы и не говорить, что было потом! Европейская цивилизация в конец осрамилась, или, вернее, осрамил ее я. Когда тем же буравчиком я стал сверлить дырку в планке, той самой планке, которую орок с таким старанием выстукивал ножиком в продолжение нескольких дней, она вдруг треснула и раскололась в самом конце надвое. Бед-

ный орок! Надо было видеть грустное выражение, какое приняла его физиономия при виде таких результатов применения европейской культуры. Я чувствовал себя еще хуже его. Чтобы загладить вину, я взял буравчик самого маленького калибра и при его помощи вполне благополучно и скоро просверлил-таки отверстие надлежащей ширины в другом месте планки, затем подарил оба буравчика пострадавшему ороку, прибавил еще горсти две сухарей, папушку табаку и, к своему душевному облегчению, увидел, что его лицо прояснилось.

Семейные отношения орок, конечно, первобытны. Мужчины имеют столько жен, сколько кто может прокормить. В Тро третья жена считается уже роскошью. За каждую жену матери ее уплачивается калым, состоящий по большей части из китайской или японской материи в количестве около 30 аршин. Нельзя сказать, чтобы это было очень много, но в обиходе сахалинского инородца такая плата достается ценой многолетнего боя тюленя, на шкуры которого выменивается эта материя. Мужчины ловят рыбу, бьют тюленей, а все домашние работы составляют обязанность женщин. В особенности работаящи старухи: с утра до вечера они режут рыбу, сдирают с нее кожи, сшивают их, чинят юрты и, вообще, за чем-нибудь да копошатся.

Нечего и говорить, что сахалинские туземцы исповедуют самую первобытную религию, какая только существует на земле. Они идолопоклонники-шаманисты. По их представлению, каждая стихия, каждое выдающееся явление природы находится в заведывании особого божества. Существует, например, бог воды, который непременно требует, чтобы ему отдавали голову каждого убитого тюленя; поэтому нам стоило большого труда добыть тюлений череп. Какая специальность божества в образе медведя, я не мог узнать. Повидимому, это — заведующий тайгой. Никак не мог я добиться также объяснения, почему ороки и гиляки пришли к убеждению, что этому богу приятно быть съеденным. Вероятно, просто потому, что он съедобен. Всякие житейские невзгоды устраняются у орок очень простыми средствами. У кого болят зубы, тот носит на шее олений зуб; чтобы вылечить хромоту, стоит только повесить на себя деревянное подобие ноги. Надо заметить, что материально туземцы ценят своих богов ровно во столько, сколько они того заслуживают. Когда мы выразили желание приобрести в свою коллекцию несколько орокских богов, нам натаскали их целый ворох, и тут же началась настоящая торговля этими деревянными небожителями. Гиляк, знавший немного порусски и служивший у нас переводчиком, сообщал при

этом цены. „Один большой бог — два папушка (табаку); два маленький бог — три папушка, а вот этот бог, — говорил он, показывая какую-то чурочку, — мало-мало сухарь, куси, куси“.

Обязанность шамана в Тро исполняла женщина. Мне не раз приходилось присутствовать при ее священнодействиях, происходивших всегда в юрте по вечерам, при свете костра. Привязав предварительно на голову и на пояс длинные стружки и взяв в руки бубен с изображе-

Шаман.

нием человеческой рожи, она начинала причитать, сначала тихо; затем голос ее усиливался и, наконец, доходил до степени крика. Шаманка в исступлении вдруг вскакивала на ноги и, нещадно ударяя в бубен и продолжая вопить, принималась плясать вокруг костра. Вся эта история тянулась не менее часа и кончилась только после того, как изнеможенная шаманка падала на землю. Раз как-то она священнодействовала по поводу болезни мальчика. Я зашел в юрту и, убедившись в том, что больной находился в агонии, чрез переводчика предупредил об этом родичей мальчика. Действительно, в ту же ночь он умер. С тех пор у меня не было отбоя от больных. Не только из Тро, но также из других деревень являлись лихорадочные, сле-

пые, хромые и всякие другие калеки, даже бездетные женщины, и каждый из них просил помощи, причем каждый показывал мне на карман моего жилета, где находились часы.

Сначала я недоумевал, что им нужно в моем кармане; потом после объяснения гиляка-переводчика, оказалось, что перед тем, как сообщить о безнадежном положении больного мальчика, я поглядел на часы, что, конечно, было делом простого случая. Ороки вообразили, что эта белая штучка, издающая какие-то странные звуки, и есть тот самый бог, который или излечивает больных, или, если уже смерть не желает отпустить своей жертвы, предупреждает об этом. Больные смотрели на меня с таким бесконечным доверием, с такой надеждой, что я, грешный человек, не в силах был их прогнать. Против всякого моего желания, они заставили меня шарлатанить. У меня было немного хины, английской соли и еще какой-то горькой безвредной дряни, и я принялся раздавать приемы, кому что попадется. Результаты такого лечения оказались блестящими, судя по многочисленным благодарностям, которые я потом получил. У хромого от английской соли поправлялись ноги, хина излечивала болезнь глаз, а известковая вода ставила на ноги разбитого ревматизмом. По крайней мере, в этом убеждены были сами больные. После этого случая мне стал понятен успех знахарей, ворожей, заклинателей и всяких иных вольных или невольных шарлатанов. Кроме орок, в Тро жил еще один тунгуз, приехавший сюда из Амурского края. К нашему изумлению, он оказался крещеным. Однако исповедывание христианской веры выражалось у него исключительно только в том, что он носил крест и, прежде чем выпить рюмку водки, снимал шапку и крестился. Звали его Николаем, но у здешних орок он был известен под каким-то другим именем.

Несмотря на свои пожилые годы, Николай был холост. Он не имел здесь ни юрты, ни сетей для лова рыбы, у него не было даже собственной собаки. Все свое он носил с собою. Поэтому меня очень интересовало, чем живет этот бобыль и какова его профессия. В один прекрасный вечер это, наконец, выяснилось. Возвратившись как-то с охоты, я забрался в свой шалаш и расположился было спать, как вдруг услышал оглушительный гул шаманского бубна. Так как шаманы упражнялись здесь в своем искусстве заклинания богов не слишком часто, я тотчас же отправился в юрту, где происходило священнодействие. Шаман, закрывшись бубном, стоял у костра на противоположной стороне от входа. На нем было надето что-то в роде жилета, от которого до полу свешивалась густая бахрама ремешков; к тому же жилету был

привязан хвост с колокольчиком на конце. У костра стояли палочки с навешанными на них стружками, а рядом курились ветви лиственницы. Мотая головой и приплясывая, шаман кружился вокруг костра, бил в бубен и орал во все горло. Особенного неистовства, впрочем, он не обнаруживал, а в антракты даже покуривал трубку. Сначала за дымом костра и в полутьме юрты я не мог разглядеть физиономии этого служителя орокских богов. Но потом, когда дым несколько рассеялся, я увидел, кого бы вы думали?.. Николая. Впоследствии оказалось, что этот крещеный тунгуз состоял в Тро профессиональным шаманом. Этим только он и существовал. Надо отдать ему справедливость: он стеснялся шаманить при нас. Все же в его дикой голове мелькали, вероятно, проблески сознания, что профессия шамана не совсем-то к лицу доброму христианину.

Кроме гиляков, орок и тунгузов, на Сахалине живет еще одно племя: айносы. Мне не случилось их видеть, но об них не мало рассказывали ороки. Другие обитатели восточной Азии, включая сюда китайцев и японцев, или совсем лишены бороды, или имеют жалкое подобие ее.

Айносы же бородаты и косматы, как русские крестьяне. В прежнее время это было довольно многочисленное племя; теперь же оно сохранилось только в северной Японии, в юго-восточной части Сахалина и на некоторых Курильских островах. Но и здесь айносы быстро вымирают... Язык их напоминает японский. По первобытности образа жизни айносы превосходят даже гиляков.

Близ Тро стояли балаганы японцев, ловивших здесь рыбу. По договору 1875 г., в силу которого, в обмен на Курильские острова, Япония передавала в русское владение южную половину Сахалина, японцы выговорили себе право в течение 10 лет ловить беспоплавно рыбу на всем пространстве этого острова. Японцы очень усердно пользовались этим правом. В устье р. Тымы они приезжали ежегодно на полтора месяца, после чего возвращались обратно в Японию. Поперек всей реки они поставили забойку из сети; в середине забойки нахо-

Тунгуз.

дился мешок из более частой и крепкой сетки, куда рыба лезла сама. В течение месяца ловли они нагрузили лососями несколько морских судов японской конструкции и одну солидных размеров шкуну.

Рыба, горбуша и кета, принадлежащие к семейству лососевых, готовится японцами так же, как наша лососина, то-есть по способу сухого засола. Она очень похожа на лососину как по вкусу, так и по цвету мяса. Кета и горбуша составляют истинное богатство Сахалина, в особенности, восточного его берега, куда впадают самые большие реки острова. Без больших затрат, при помощи самых простых способов, здесь можно ловить эту рыбу в огромном количестве. Сбывать ее можно в Японию, где, как говорят, ею довольствуются войска.

Айносы.

Японцы очень веселый, бойкий и работающий народ. Их румяные, нередко красивые лица, отличают их от китайцев с их серыми, скуластыми, физиономиями. В своих шапках, напоминающих дамские шляпки с полями, в ярких разноцветных халатах, кучка японских рыболовов издали всегда представляла красивое зрелище.

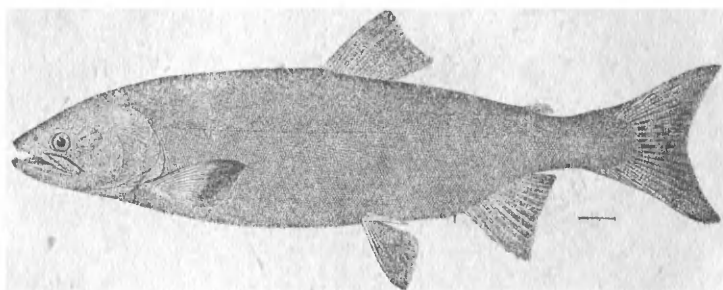
В настоящее время уже прошел срок, до которого японцы могли беспощадно ловить рыбу на Сахалине. Теперь строго-на-строго запрещено ставить заборы в низовьях рек, так как подобные заграждения не позволяют рыбе проходить вверх для метания икры. Поэтому японцы стали ловить кету и горбушу в море близ устьев рек. В море же они ловят множество сельди, которая идет в Японию на удобрение полей.

В последнее время рыбным промыслом стали заниматься на Сахалине и русские. Нашелся даже один астраханец, который променял Волгу на холодное северо-японское море, омывающее западный берег острова.

Русские промысляют здесь еще морскую капусту, до которой такие охотники китайцы. Капуста

эта в действительности представляет самую обыкновенную морскую водоросль, во множестве растущую близ берегов Сахалина.

Ороки и японцы отвлекли меня от описания нашего путешествия по острову. Теперь я снова могу вернуться к нему, тем более, что я ничего еще не сказал о нашем житье-бытье в устье р. Тыми. Помокнув под дождем первую ночь, проведенную в Тро, мы на другой же день построили себе шалаш. В сравнении с нашим крошечным парусинным тентом, это был настоящий дворец, хотя в нем можно было только сидеть или стоять на коленях. Основу из кольев и жердей шалаша мы покрыли травой, а сверху положили полотно из рыбьих кож. Почти все внутреннее пространство нашего помещения было занято двумя нашими полами; оставался только небольшой промежуток между ними, где можно было сидеть. Как

Горбуша
(*Oncorhynchus gorbuscha* Walb.).

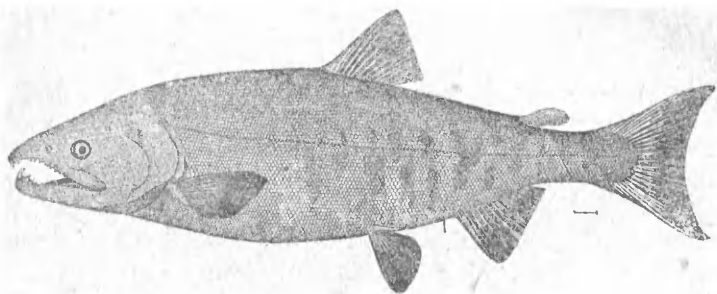

видите, невелик дворец; но как приятно было находиться в нем, когда дождь собирался затопить всю вселенную, а холодный ветер с Охотского моря пронизывал до костей всякого, вышедшего на „улицу“. И старались же здесь эти стихии, в особенности, небесная вода! Из пяти дней — четыре обязательно шел дождь, да и в пятый приходилось ждать его с минуты на минуту.

Несмотря на дожди, целыми днями я бродил по тундре, по болотам и озерам в устье Тыми и по берегу моря. На тундре я ел морошку, стрелял белых куропаток и однажды, подползая к кроншнепам, потерял часы, те самые часы, которым я обязан был своей медицинской славой. На взморье было множество дичи: уток, чирков, гусей, куликов, и я почти всякий раз возвращался в шалаш с полным грузом, так что без малого весь месяц нашей жизни в Тро мы питались свежей дичью. Особенно забавно было стрелять мелких, как воробьи, куликов-

песочников, необыкновенно жирных и не менее того вкусных. Они держались огромными стаями по песчаным отмелям устья близ моря. Вы подходите к ним на выстрел без всяких предосторожностей, что называется, на чистоту, стреляете из одного ствола. Стая вспархивает и, сделав круг, опять садится на то же место к убитым и раненым. После второго выстрела остается на месте еще с десяток куличков. Таким образом в короткое время мне удавалось добыть столько этой дичи, что и наши рабочие могли лакомиться ею.

На берегу моря было мало добычи, но я любил бродить там. Грустное чувство навевал вид этой холодной водяной пустыни, а что ни говорите, в чувстве тихой грусти не мало какой-то особой притягивающей прелести. Только киты, целыми стадами бороздившие синюю поверх-

Кета

(*Oncorhynchus keta* Walb.).

ность воды, несколько оживляли эту пустыню. Гоняясь за морскими тараканами, они подходили очень близко к самому берегу, и я не раз слышал их тяжелые вздохи, в то время, когда они выпускали свои фонтаны. Птиц в этой части Охотского моря немного. Изредка гоняясь за рыбой, пронесется черный альботрос, промчится чистик, или в туманной дали блеснет белое крыло чайки, блеснет и исчезнет. Кроме однообразного глухого шума волны, белой пеной рассыпающейся на песке, на берегу моря вы не услышите почти никакого постороннего звука. По целым неделям вы не увидите в море ни паруса судна, ни дыма парохода. За все время нашей жизни в Тро, мне один только раз пришлось видеть парус. Как крыло птицы, чуть видно мелькнул он на горизонте, простоял немного и скрылся. „Кто бы он был“ — невольно подумалось мне. Может быть, это американский китобой с командой головорезов, набранных со всего света; может быть, русское военное судно, идущее за чем-нибудь в Камчатку, а мо-

жет быть, браконьерская шкуна, возвращающаяся с Тюленьего острова после удачной охоты на наших котиков.

Иногда мы делали поездки на лодке вниз по Тыми до взморья. Как-то раз мы отправились вместе с ороками поглядеть охоту на тюленей. В особенности интересно было видеть в действии то удивительное по простоте орудие, которым промышляют здесь этого все-таки довольно осторожного морского зверя. Представьте себе тонкий гарпун, длиной никак не менее 40 метров. Конечно, он составлен из нескольких меньших жердей, плотно скрепленных друг с другом. Если взять такой гарпун за середину и поднять его на высоту трех человек, концы его изгибаются до земли; если же за концы приподнять его так высоко, как только возможно одному человеку, то до земли свешивается середина. Вы, конечно, в недоумении, как можно действовать таким оружием. В воздухе, без сомнения, это немыслимо. Его волочат по поверхности воды, придерживая в лодке один конец рукой. Для того, чтобы другой конец, на котором находится железный зазубренный наконечник, не тонул, а также для того, чтобы было видно, где он находится, к нему приделывают поплавков, в виде полена. Когда гарпун находится в воде, можно видеть только это полено; все остальное, не исключая наконечника, скрыто под ее поверхностью. Тюлени не боятся поплавок, вероятно, признавая в нем одно из тех плавающих деревьев, которые постоянно встречаются на реке и выносятся иногда далеко в море. Медленно подплывая к тюленю на лодке и особым образом посвистывая, охотник подводит под него железо гарпуна, и, когда это сделано, вонзает острие в тело животного. Тюлень начинает метаться и стаскивает наконечник с шеста, но железо оказывается привязанным к длинному ремню, конец которого находится в руках промышленника. Тогда охотнику остается только подтянуть к себе добычу и убить ее ударом дубинки по голове. В устье Тыми, когда мы приехали туда с ороками, было много тюленей. Подозрительно поглядывая на наши лодки, там и сям выставляли они свои морды среди зеленоватой поверхности прозрачной воды. Наши ороки долгое время ничего не могли поделать с осторожными животными; те словно сговорились не подпускать нас на расстояние гарпуна и уплывали раньше, чем наконечник приближался к их телу. Наконец, удалось-таки перехитрить одного такого зверя. Орок ткнул его в бок, тюлень судорожно метнулся, но увы!.. и тут неудача: наконечник оказался пустым, хотя и соскочил с древка. Очевидно, он вонзился слабо; животное было ранено и сорвалось. Дальнейшие покушения орок на жизнь тюленей точно также ни к чему не при-

вели. Тогда я вынул из чехла свою берданку и принялся палить по головам зверей, так упорно не желавших пасть к нам в лодку. Пальба, повидимому, не производила на них особого впечатления. Правда, сейчас после выстрела тюлень скрывался под водой, но вскоре появлялся тут же где-нибудь по близости и, видимо, с любопытством поглядывал на лодку своими подслеповатыми глазами. Откуда, дескать, этот неслыханный гром!.. А я все палил, да палил, между тем как гладкая поверхность воды предательски обнаруживала мои пуделя. При крошечной цели, да еще на орокской вертлявой лодке, выстрелы давали плохие результаты, или, вернее, никаких, если не считать нескольких пуль, перескочивших из моих патронов на дно Ныйского залива.

Тем временем начал накрапывать дождь, уже давно обещавший доставить нам обычное здешнее удовольствие; скоро он превратился в ливень. Гладкая до того поверхность залива приняла вид терки, обращенной шероховатой стороной вверх. Ороки, втянув олову и поджав к самому подбородку ноги, делали попытки превратиться в шар, а я с видом человека, которому всякий дождь ни почем, надел свой кожан. Хорошая, повидимому, вещь этот кожан, но для того, чтобы он служил, как следует, вам необходимо быть в некотором роде гидротехником, да и в этом случае вы не всегда можете рассчитывать остаться сухим. При сильном дожде по поверхности кожана начинают течь настоящие ручьи, и вы должны расположить складки его так, чтобы вода изливалась туда, куда это вам нужно. Положим вам удалось достичь этого. Вы сидите в лодке и с кислым выражением, какое принимает всегда физиономия человека, уже давно поливаемого дождем, смотрите, как с вашего тела стекают потоки и благополучно спускаются на дно лодки. Но вы устали сидеть в одной позе, делаете маленькое движение, чтобы поправиться, а тем временем ручей переменяет свое русло и, вместо дна, начинает изливаться вам в сапог. Бывает и так: на вашем загорбке, в широких складках кожана, невидимо для вас, уже давно образовалось озеро; вы повернули голову, а оно выступило из берегов и водопадом стало низвергаться вам прямо за ворот. Словом, если уселся удобно, так и сиди неподвижно, как куль; а так как это не всегда и не всякому удастся, то нам оставалось ехать и мокнуть. Ороки мокли равномерно, а мы только местами. Между тем тюлени, словно насмехаясь над нами, выставляли свои морды близ самой лодки, и мне казалось, что они лукаво подмигивали одним глазом. Наверно, они показали бы нам нос, если бы имели для этого необходимые приспособления на своих кожистых

лапах. Удивительно, как не везет мне на охоте за зверем. Дня через два те же ороки отправились на промысел в то же место, с тем же гарпуном и на тех же лодках; не доставало только нас. И что же! Они привезли четыре тюленя. Между ними был один очень редкой оригинальной породы, водящейся только в Охотском и Беринговом морях. Это так называемый охотский тюлень, или крылатка. По светлому фону вокруг передних лап и вокруг шеи у него тянется широкая, ясно очерченная по-

Сивучи, или морские львы
(*Otaria Stelleri*).

лоса, как будто бы в этих местах шерсть его обшита тесьмой.

Весной во время хода сельди к берегам острова большими стадами подходят сивучи или морские львы. По внешнему виду они более всего походят на тюленя, от которого, однако, резко отличаются тем, что на земле могут опираться не только на передние, но и на задние лапы, тогда как тюлени волочат их. Кроме того, сивуч, по крайней мере, в четыре раза больше самого крупного тюленя. Кричит он так громко, как никакой другой морской зверь. Когда несколько сот морских львов все сразу начинают свой оглушительный концерт, их слышно, по крайней мере, за две версты. Гиляки мало охотятся

за сивучами, так как для этого у них нет подходящих орудий, но они никогда не упускают случая попользоваться мясом мертвых зверей, которых не мало выбрасывает на берег морская волна.

Ближайшие родственники сивуча морские котики сравнительно редко выходят на берег Сахалина. Но их очень много бывает на небольшом островке Тюленьем, расположенном недалеко от Сахалина. Здесь бытуют их в большом количестве в то время, когда они выходят на сушу. Чтобы отрезать котикам отступление к морю, промышленники длинной цепью располагаются вдоль самого берега, а затем гонят беззащитных зверей в глубь острова и там бьют дубинами на выбор. Убивают только молодых самцов. Самок оставляют на приплод, а старых самцов не трогают по той причине, что шерсть их слишком груба.

Морской котик
(*Otaria ursina*).

В прежнее время у берегов Сахалина водился самый дорогой из пушных зверей, морская выдра, неправильно называемая камчатским бобром. По словам старинного японского писателя Маами-Ринзо, жители острова Сахалина, отправляясь на Амур, брали с собой шкуры морской выдры для подарков манджурцам. Теперь же этот драгоценный зверь известен обитателям острова только по названию. Он водится еще по берегам Камчатки, но и там становится большой редкостью, так что в недалеком будущем его придется исключить из списка существующих животных.

Весной вслед за рыбой в р. Тыми, а также в другие реки восточного берега острова входят белуги, крупные совершенно белые дельфины. Они поднимаются в реку еще под льдом, для чего пользуются временем отлива, когда между льдом и поверхностью воды образуется про-

межуток. Гиляки рассказывали нам, что, стоя на льду в это время, часто случается слышать вздох белуги под самыми ногами. Даже при своих первобытных орудиях сахалинские туземцы бьют тогда белуг в большом количестве.

Случается также, что и кит делается добычей гиляков, когда, увлекшись погоней за рыбой, садится на мель. Чаше же всего эти исполины животного царства достаются туземцам мертвыми. Это те самые киты, которых ранили, но не могли изловить американские китобои.

Морская выдра, или камчатский бобр.

4-го сентября исполнился месяц с тех пор, как мы прибыли в Тро. В воздухе уже чувствовалась осень. Ход рыбы прекратился, японцы снимали свою забойку и собирались домой. За ними и здешние ороки должны были переселиться в свои зимние юрты, стоявшие где-то в лесу. Наступили холодные дни; а в особенности, ночи. Никто не мог поручиться за то, что не нынче — завтра пойдет снег. И то уж сегодня за ночь выпал иней, и замерзла вода в лужах. Приходилось думать о возвращении на западный берег острова, туда, где есть русские люди и человеческие жилища, там, где нет искусственно проведенных дорог, стало быть, в большей части острова, существуют три способа путешествий. Зимой на собаках, летом — на лод-

ках по рекам и пешком по медвежьим тропинкам. До санного пути, который в тайге устанавливается только тогда, когда выпадет снег слоем около метра, мы не рассчитывали оставаться: для этого у нас не хватило бы провизии. С нашим багажом, состоявшим теперь, главным образом, из коллекций, нечего было и думать о путешествии пешком. Оставалось возвращаться отсюда тем же путем, каким мы прибыли сюда, т.-е. по Тыми на лодках. Признаться, долгое время мне казалось это совершенно невозможным. В самом деле, мыслимо ли было карабкаться вверх по тем же порогам, по которым мы спускались сюда месяц тому назад. Казалось, что это доступно одним только лососям. Но здешние ороки без малейших колебаний брались доставить на своих долбленках и нас, и багаж хоть до самого истока реки.

Сколько верст проплыли мы по Тыми от Дербина до Тро, не измерила бы и старуха своей клюкой. Мы считали около 350 верст; но, может быть, их было 450, может быть, 250. Достоверно было известно, что верст этих не мало; столь же достоверно мы знали, что нам не найти другого способа добраться до Дербина, кроме того, который предлагали ороки. Поэтому, обсудив все обстоятельства, мы стали готовиться в путь. Все лишнее было брошено, а кунгас, наш многострадальный кунгас, вместе с лодками мы вытащили на берег, предоставив их здесь самим себе. Наверно, они стоят там до сего времени и служат орокам если не предметом поклонения, то средством излечения от всевозможных болезней. На память о пребывании в Тро, близ шалаша мы поставили крест с приличествующей надписью, вырезанной на оленьем роге. Рабочие, рывшие яму для креста, всего на глубине меньше метра, наткнулись на мерзлую почву. Очевидно, это была вечная мерзлота, т.-е. тот слой земли, который не таял в течение всей современной геологической эпохи. Вечную мерзлоту мы находили также на западном берегу острова, близ Дуэ, с той только разницей, что там она залегала на большей глубине.

Пятого числа был назначен отъезд. Рано утром пришли три нанятые нами орокские долбенки, хозяева которых взялись доставить нас до гильяцкого селения Ад-тымове, где мы могли нанять новые лодки. Когда все вещи были уложены, и рабочие уселись по своим местам, я пошел в последний раз взглянуть на наш бывший бивуак. Растерзанный шалаш печально глядел на меня своим входным отверстием. Рыбья кожа была снята и трава, покрывавшая его крышу, длинными нитями свешивалась вниз. Казалось, это были слезы, которые проливал наше жилище, расставаясь с тем, кого целый месяц защищало от дождя и

ветра. Говоря по правде, мне жаль было оставлять наше пепелище. Всякая мелочь в груде брошенного мусора напоминала мне какой-нибудь эпизод нашей жизни в Тро, богатой впечатлениями и полной своеобразной прелести. Вот крыло кулика, которое я по неосторожности оторвал, снимая с птицы шкурку. Вот кочка, на которой я так часто сидел, заноса в книгу впечатления дня, или просто глядя, как орокские ребята, словно котята, валялись в траве. Тут же валяются остатки тюленьих шкур, из которых нам сшили здесь нечто вроде пальто. Вот голова гуся, убитого мной под проливным дождем на взморье. Повидимому, и жалеть нечего. А как подумаешь, что все это видишь в последний раз в жизни, то, право, становится грустно.

В полдень, наконец, мы выехали. Орок, сидевший на корме моей лодки, затянул песню, монотонную и печальную, как сама природа его родины. Мотив песни, очевидно, заимствован у ветра, когда он, пробираясь сквозь ветви елей, начинает выть и стонать. Как вой ветра, песнь орока по временам вдруг прерывалась, затем с новой силой раздавались те же звуки, плачущие и тоскливые до боли. О чем пел орок, бог его знает; может быть, о трубке, которую курил. Я не думаю только, чтобы он сам испытывал те же грустные чувства, какие навевала на нас его песня. Он просто пел и стонал, как поют морские чайки, когда с криком, похожим на плач, они выются над белой пеной прибоя, или как стонут кулики, бегающие по песчаной отмели моря. Все эти певцы учились своему искусству у одних и тех же учителей: у ветра и волн.

Первый день мы шли на веслах, так как течение Тыми в низовьях довольно слабо. Однако я почти ничего не сказал о гиляцких и орокских лодках, которые осмеливаются состязаться с лососями в быстроте плавания, а потому стоят того, чтобы уделить им больше внимания. Лодки эти очень похожи на долбленые колоды, из которых у нас поят скотину, с той только разницей, что имеют более тонкие стенки. Как у колоды, оба конца их имеют одинаковую форму и, как колода, они узки. Когда вы сидите на дне лодки, оба борта ее приходятся вам под мышками, поэтому грести приходится по очереди то правым, то левым веслом. Нечего и прибавлять, что такая долбенка отличается необыкновенной вертлявостью. Без помощи орок мы не решались садиться в лодку и, наверно, перевернули бы ее вверх дном, если бы залезли туда одни. Когда мы шли на веслах, равновесие поддерживалось веслами; в быстрых местах ороки не позволяют лодке перевернуться, опираясь в дно шестами. Несмотря на вертлявость, эти душегубки могут ходить и парусом.

Для этого, при помощи жердей и ремней, их связывают попарно, поставив бок-о-бок друг около друга. Такая система лодок с парусом из рыбьих кож мчится по ветру, как стрела, и не боится даже открытого моря. При своих небольших размерах орокские долбенки могут поднимать много груза. В три лодки уместились весь наш багаж, весь состав экспедиции в числе 7 человек и еще 6 орок. Уже к вечеру мы увидели лес, сначала мелкий, затем все более крупный; на ночевку мы остановились в дремучей тайге. Хотя небольшие клочки тундры попадались на низменных местах еще и на следующий день, однако они были окаймлены сплошным колышом леса. Лес начинал давить все окружающее, карабкался на вершины гор, лепился на отвесных утесах, выдвигался в воду и, казалось, собирался запрудить всю реку. Всюду были видны следы хозяина леса, — медведя. Ими был покрыт весь прибрежный песок в том месте, где мы разбили свой лагерь. Тут же виднелись отпечатки копыт северного оленя, следы гусиных лап, перья, отпечатки ног какого-то маленького зверька, должно быть, соболя: словом, целый животный мир побывал здесь незадолго до нашего появления и скрылся. Только рябчики, большими семьями сидевшие на прибрежных ивах, могли бы сказать нам, куда кто спрятался, но они сидели и свистели, из чего мы могли понять только, что были, дескать, да сплыли. Солнце еще не село и я, пользуясь медвежьими тропами, попытался было проникнуть в тайгу, в это убежище всякого зверя; но кончил тем, что заплутался. Я забрел так далеко, что мои выстрелы едва были слышны товарищам на бивуаке. К счастью, они догадались о значении моей нещадной пальбы и отвечали тоже выстрелами. Благодаря этому, я добрел до стана.

На другой день до самого вечера мы шли еще на веслах, и до самого вечера нас сопровождали тюлени, вошедшие в реку вслед за рыбой. Та же рыба привлекла сюда великолепных морских орлов, которых раньше мы здесь не встречали; они более всего походят на наших орланов — белохвостов, но крупнее их и отличаются белой, как снег, головой и столь же белой спиной.

Солнце провожало нас почти ровно два дня. Вечером на второй день пути, прежде чем спрятаться за лесом, оно задернулось тучами; тучи расползлись по всему небу, и на месте второй ночевки нас застал дождь. Вскоре он перешел в ливень. Ороки, не долго думая, построили себе из рыбьих кож нечто вроде юрты, к ним же пристроились наши рабочие с надзирателем, а мы с гордым и непреклонным видом полезли в свои кисейные пологи, поставленные под крошечным парусинным тентом. Дождь лил всю ночь. На утро наши люди были совершенно сухи, а мы встали

в намокших кожаных, с мокрыми волосами и со струйками воды на лице. Так наказывается ложная гордость.

Под дождем мы сели в лодки, чтобы продолжать путь. В этот день спокойная часть реки была пройдена. Начались перекаты и пороги. Дожди последних дней заметно прибавили воды в Тыми, отчего она сделалась глубже; зато течение выиграло в своей стремительности. Вот тут надо было видеть в действии орокские лодки и самих орок, чтобы оценить и тех и других по достоинству. С шумом, каскадами, река прыгает по каменистому руслу; из-под щестов наших орок силой течения выхватывается потревоженная галька и с шорохом катится вниз; а мы, хотя и толчками, плывем себе вверх, на удивление лососям, которые вместе с нами стремятся навстречу сердитой реке. В быстрых местах ороки управляют следующим образом. Стоя один на корме, другой на носу, они начинают толкаться, причем в то время, когда передний заносит шест, другой, упираясь в дно реки, поддерживает лодку и не позволяет ей скатиться вниз; затем роли меняются. Стоит только на одну секунду предоставить лодку самой себе, и ее относит на несколько метров. Так плыли мы, или, вернее, карабкались вверх по реке.

На одном крутом повороте, когда наша маленькая флотилия быстро завернула за мысок, в прибрежной роще мы заметили дым. От костра юркнули в разные стороны три человеческие фигуры и мигом скрылись за деревьями. „Варнак!“ — крикнул передовой орок, указывая туда рукой, и действительно, это были беглые каторжники, испугавшиеся нашего появления. Теперь им раздолье в тайге, в особенности, по берегу реки; ягод и грибов сколько угодно, а рыбу, множество крупных лососей, можно было поймать в короткий срок голыми руками.

На Сахалине, так же как и всюду на побережьи Восточной Сибири, в жизни рыб наблюдается замечательное явление, получившее от нашего знаменитого исследователя Сибири, Миддендорфа, название „хода до смерти“. В конце лета лососи различных пород, на Сахалине, по преимуществу, кета и горбуша, входят из моря в реки для метания икры. Огромными густыми стаями они поднимаются далеко вверх, преодолевая самое быстрое течение, взбираются на пороги, даже водопады, стремясь все выше и выше, иногда на тысячи верст, к самым истокам. Здесь где-нибудь в маленьких озерах или затонах с чистой и холодной водой, оне мечут икру. Путешествие по рекам не обходится рыбе даром. Вследствие сильного напряжения мускулов при странствовании против быстрого течения, вследствие бескормицы в течение всего времени хода, она изнуряется, тощает; самый вид ее изменяется

до неузнаваемости: кожа покрывается мелкими бугорками, напоминающими сыпь; на чешуе появляются ярко-красные пятна; а у самцов на челюстях вырастают крючки, располагающиеся так, что рот остается постоянно открытым. Вследствие исхудания, мясо рыбы становится сухим, дряблым и, вместо обычного для лососей розового цвета, делается белым; чем выше по реке, тем в большей степени обнаруживается истощение рыбы. В то время, как в устье Тыми на японской рыбалке ловились прекрасные, очень жирные лососи, в конце третьего дня нашего плавания по реке уже стали попадаться полумертвые экземпляры. Они уже не могли сопротивляться даже слабому течению. Выставив спинной плавник из воды, ткнется такой изнуренный лосось где-нибудь в песок около самого берега или за карчей, и стоит неподвижно, как снулый. Вы можете взять его в руки, и он не в силах сопротивляться. Веслом вы выдвинете рыбу подальше от берега и она, как мертвая, скатывается вниз по течению, не будучи в состоянии подплыть снова к берегу. С каждым днем нашего пути таких лососей попадалось все больше и больше. Нередко мне приходилось видеть небольшие затончики с чистой, как хрусталь, водой, где эти рыбы мечут икру. Там она буквально кишела. Одним выстрелом из револьвера я убил здесь пару крупных горбуш. Икрометание окончательно добывает рыбу. После него лососи погибают; из всей той массы, какая входит в реку, ни одна не возвращается назад. Молодые лососки в тот же год скатываются в море. Они поднимаются в реку только взрослыми, чтобы, подобно предшественникам, окончить здесь свое существование.

На пятый день нашего плавания вверх по Тыми оба берега реки непрерывной полосой были густо усеяны трупами рыб, издававшими зловоние. Вот этими-то полумертвыми лососями и питаются в начале осени беглые каторжники. Ради той же рыбы из глубины тайги на реку являются медведи. Ранним утром они выходят на берег и занимаются легким промыслом. Благодаря обилию добычи, медведь уже не ест самого мяса лососей; он лакомится только их головами, бросая все остальное на берег. Среди массы мертвых рыб мы постоянно находили их трупы с объединенными головами. До какой степени велико количество медведей, прикормившихся к этой пище, показывали следы их, оттиснутые на прибрежном песке. Местами берег был истоптан ими сплошь без всяких перерывов на расстоянии по крайней мере 60—70 верст. На месте четвертой ночевки рано утром, едва только стало рассветать, мы проснулись, разбуженные одним из наших рабочих. „Барин, медведь!“ — говорил он, как только мог тихо. Как ошпаренные, выскочили мы из по-

логов, схватили берданки и стали смотреть по тому направлению, куда указывал рабочий. Действительно, на той стороне реки около самой воды медленными шагами, с развальцем, пробирался медведь. По временам он останавливался, схватывал рыбу и, откусив ей голову, лениво продолжал путь. Положив винтовки на колья наших логов и выждав, когда зверь вышел прямо против нас, по команде мы выстрелили разом. Медведь заревел, схватился за бок, затем метнулся в сторону, неловко вскарабкался на прибрежный обрыв и скрылся в лесу. „На лодку!.. на ту сторону!..“ — таково было общее желание. Ороки бросились за шестами, а я тут только заметил, что босыми ногами стоял на покрытой инеем траве. Натянув кое-как на босую ногу охотничьи сапоги, я вскочил в лодку и не более, как через две минуты, мы были на том месте, где медведь вскарабкался на берег. Здесь от самой воды до обрыва тянулась дорожка крови. От края обрыва начинался густой кустарник шиповника, по которому по всевозможным направлениям были проложены медвежьи тропы. Побродив с час по этим тропам, мы не нашли никаких признаков раненого зверя и убедились только в том, что если медведь и лежит где-нибудь мертвым, то надо наступить на зверя, чтобы увидеть его: до того был густ кустарник. Так как наступить на медведя нам не удалось, мы вернулись ни с чем.

На медвежьих тропках, по которым мы только что бродили, ходить далеко не безопасно, так как гильяки и ороки ставят здесь свои ловушки и капканы. Хорошо еще, если вы попадете в медвежью яму. Два—три синяка, испуг от неожиданности падения — вот все, что грозит вам в этом случае. Из ямы выбраться возможно даже без помощи товарища, хотя и не без некоторых хлопот. Но если вы нарветесь на капкан, приключение может окончиться очень печально. Наиболее употребительный у сахалинских туземцев капкан на медведя имеет вид огромного лука со стрелой такой длины, что ею можно проткнуть трех человек, стоящих рядом. Настороженный лук тщательно прячут в кустах, а от тетивы, поперек медвежьей тропы, на высоте груди зверя проводят тонкую сторожевую струну. Среди ветвей кустарника, склоняющихся друг к другу через тропинку, нет никакой возможности заметить этой струны; поэтому медведи очень часто находят здесь преждевременную кончину. Говорят, что вместо медведей нередко попадают беглые каторжники. Я этому верю, тем более, что один из наших рабочих чуть-чуть не влетел в такой капкан и спасся только благодаря тому, что шел вместе с ороком. Чуть ли предостерегло этого сына тайги, или ему известно было, что здесь насторожен

лук, только он предупредил рабочего как раз во-время. Еще два—три шага,—и тот наткнулся бы на струну.

С 8-го на 9-е число мы остановились на ночевку около гилияцкой бревенчатой зимней юрты, одиноко стоявшей на берегу. Войдя внутрь ее, мы нашли там полное хозяйство гилияцкой семьи, именно: несколько тюленьих шкур на голой земле, котел, два берестяных ведерца и какой-то неопределенного назначения скарб. На земляном возвышении пола находился, по-видимому, недавно

Медведи
(*Ursus arctos*).

погасший костер. Но жителей в этой юрте не оказалось ни единой души. Ушли ли они на промысел, или их перерезали беглые каторжники, так и осталось нам неизвестным. По праву странников, да египтян под дождем, мы расположились ночевать в этом приюте, а на следующий день, в вознаграждение за самовольный постой, оставили в ней две папушки табаку, в том расчете, что хозяйева, может быть, живы и когда-нибудь вернутся домой. Следующую ночь мы провели в настоящей деревне гилияков, состоящей из трех юрт. Так как дождь не соби-рался орошать мокрую землю, а в юртах было и

дымно, и грязно, мы расположились под открытым небом, хотя, несмотря на ветерок, и здесь пахивало гнилой рыбой несколько не меньше, пожалуй, даже больше, чем в юртах. Чтобы не вбивать кольев, я поставил свой полог под вешалами с рыбой и утром проснулся, усыпанный кругом червями. Толстые белые черви, или, вернее, личинки мух, сплошным слоем ползали на земле вокруг полога и колошились на его крыше. Когда же я приподнял край тюленьей кожи, подостланной под мою постель, оказалось, что и спал-то я на червях. Вчера в потемках я не заметил, что рыба, висевшая на шестах, была про-шпигована мириадами этих отвратительных существ.

10 сентября мы, наконец, прибыли в Ад-тымово. Здесь по необходимости пришлось сделать дневку, так как надо было найти гиляков, которые согласились бы везти нас дальше, условиться с ними и перевозить вещи на новые лодки. Все это потребовало не мало времени. Один за работу просит столько папушек табаку, сколько и сам сосчитать не может: раз он показывает по пальцам 20, а потом около 40. Другому понравились пуговицы на наших пиджаках; ему хочется получить такие пуговицы. Третий желал бы иметь арестантский халат. Только денег никому не нужно. Счастливая страна, где ни на серебро ни на кредитки не хотят смотреть, или, в лучшем случае, двугривенный приравнивают по ценности к солдатской пуговице. Здешние гиляки производят менее симпатичное впечатление, нежели наши прежние знакомцы ороки. В них нет уже той первобытной патриархальности, которая так поражает в жителях низовьев Тыми. Вероятно, соседство русских поселений наложило некоторую печать на характер дикарей. Гиляки Ад-тымово несколько лукавы, менее работящи, нежели ороки, и более их падки на водку.

В ночь на 13 августа был изрядный мороз. Выпал иней, белым чехлом покрывший землю и деревья. Зато днем погода оказалась превосходной: ясная, светлая, бодрящая. Два дня шли мы исключительно на шестах и 14-го числа к вечеру прибыли в Дербино. Утром того же дня мы поймали беглого каторжника, или, вернее, по нашему совету, он сам пожелал быть пойманным. Он плыл вниз по реке, стоя на плоту, связанном из бревен и управлялся при помощи шеста. Конечно, мы не думали ловить его, не наше это дело. Но, поравнявшись с ним, мы рассказали ему, что ожидает его в недалеком будущем, если он станет продолжать свое плавание. Еще несколько десятков верст вниз, и плот путешественника должен разбиться на порогах. Если сам беглец уцелеет при этом, наверно, ему не миновать копыя орока или гиляка, этих добродушных охотников за людьми. И то уже наши гиляки с видом ловцов, от которых ускользнула дичь, умильно поглядывали на арестантский халат нашего варнака. Каторжник подумал, погадал немного, бросил шест и сел к нам в лодку. По его словам, он бежал сгоряча, получив несколько розог в Дербине. Что в действительности он собрался в плавание экспромтом, было видно по его снаряжению. Мешочек сухарей дня на 4, кисет табаку и полпачки спичек составляли все его запасы. „Куда же ты плыл“? спрашиваем его. „Да вот по реке“ — был ответ. „А куда река течет“? любопытствуем мы опять. „Да бог ее знает, куда-нибудь да течет“ — отве-

чает беглый. „А давно в бегах?“ — „Седьмой день“. Это означало, что, по возвращении нашего легкомысленного варнака в Дербино, его ждут там плети и прибавка 10 лет к сроку каторги. Мы обещали похлопотать, чтобы плавание его не было вменено ему в побег, что впоследствии и удалось сделать.

В Дербине мы уже не могли рассчитывать на лошадей по той простой причине, что их там не было. Поэтому нам не оставалось ничего другого, как добираться до Рыкова тем же способом, каким были доставлены оттуда наши вещи, т.-е. на лодках.

Гиляки в зимнем платье.

Чтобы на следующий день выступить в путь пораньше утром, мы остались ночевать на берегу реки под открытым небом. Все-таки мы не преминули воспользоваться тем, что мог дать нам первый русский поселок, до которого добрались мы после шестинедельной жизни среди орок и гиляков. Мы добыли здесь свежего хлеба, картофеля, репы и редьки. По-вашему, все это продукты, о которых не стоит и вспоминать. Но мы, прибавив к ним свежей рыбы и соли, устроили настоящий праздничный ужин, да еще с фруктами. Кверху от Дербина Тымы стано-

вится безнадежно несудоходной рекой: здесь она узка, быстра и маловодна. Это нисколько не мешает лососям пробираться по ней еще на сотню верст выше; стало быть, и гиляцкие лодки благополучно могли доставить нас до Рыкова. Местами ширина реки оказалась настолько незначительной, что мы плыли под сводом деревьев, наклонившихся друг к другу с двух противоположных сторон. Не раз нам приходилось проплывать под естественным мостом в виде огромного ствола ели, перекинутого с берега на берег. Один такой мост лежал так близко от поверхности воды, что наши лодки не могли подойти под него: этому мешала кладь. Пришлось вылезать на бревно и вытаскивать на него высокие ящики.

По дороге нам попадались группы каторжников, ловивших по приказанию начальства, кету и горбушу, но эта была уже не та рыба, какую мы видели в устье Тыми. Тошная, с красной, как кровь, чешуей, но с белым мясом, она была положительно неузнаваема, да, пожалуй, и никуда негодна.

В Рыкове мое участие в экспедиции кончилось. Отсюда частью верхом, частью пешком я добрался до поселения Александровского, где опять поселился у смотрителя. Через несколько дней в Дуэ пришел коммерческий пароход, перевозивший во Владивосток сахалинский уголь. Я не замедлил воспользоваться случаем добраться до этого города, где перебрался на крейсер Добровольного флота, доставивший меня вокруг южной Азии в Одессу.

СОДЕРЖАНИЕ.

I. В ТУРКЕСТАНЕ.

Стран.

1. Пустыня Кизыл-Нумы.

Такыры. — Барханы. — Песчаные бури. — Засыпанные города. — Леса пустыни. — Удивительные приспособления растений пустыни: тамариск; куян-сююк; солянки; саксаул. — Царство ящериц: песчаная круглоголовка, агама, ичкемер. — Степной удав. — Стрела-змея. — Буша-джилян. — Тонкопалый суслик, песчанки, тушканчики. — Приспособления животных пустыни; мимикрия. — Станция среди песков. — Приключение с фалангой. — Озеро в пустыне. — Охота на птиц пустыни: степные рябки, сажки, саксаульная сойка. Хивинский оазис. . .

5

2. Аму-Дарья.

Что такое хивинский каюк. — Аму; ее странствования. — Берега Аму. — От Нукуса до устья реки. — Туган: джиги и туранга. — Аму-Дарьинские камыши. — Их население: кабан, тигр; фазаны, зеленая шурка и ремез. — Птичье царство на озерах устья. — Рыбные промыслы на Куке: шип; сазан. — Вымирающая рыба — лопатонос. — Переезд в Кунград. — Хивинский город .

41

3. Усть-Урт.

Отъезд из Кунграда. — Путешествие в корзинке. — Подъем на Усть-Урт. — Вид на Аральское море. — История Кривохижина. — Рыболовство на Арале. — Мерзлая степь. — Животные степи: жаворонок, грифы, сайга. — Степная полынь. — Выносливость наших верблюдов. — Распределение нашего дня. — Степные ночи. — Встречи с киргизами. — Темирское укрепление

59

II. НА ЛЕДОВИТОМ ОКЕАНЕ.

От Петрозаводска до Сумского посада. — На клипере по Белому морю. — Стекланные животные: ребровики; медузы; крылоногие моллюски. — Соловецкие острова. — Архангельск. — На острове Вешняке: полярные растения; жизнь гаг. — На Ледовитом океане: чайки; „жит у борта“. — Вдоль Мурмана. — Полночное солнце. — Рыбачье становище Гаврилово. — Ловля трески. — Палтус. — Акула. — Песчанка и мойва. — Киты. — Белухи; нарвал. — Мелкие обитатели океана: рак-отшельник, его дружба с морской розой; крабы; морские звезды; гидроиды; мишанки. — Среди прибрежных скал: ракушки;

морские жутуди. — Остров Гусинец: „птичьи горы“; гагарки; кайры; самоотвержение чаек; поморник; топорики. — На берегу Лапландии; население ее озер: лемминги. — Становище Териберка. — Мертвый кит. — Шорм. — Прощанье с клипером

III. В СЕВЕРНОЙ ПЕРСИИ.

Чикишляр. — Экскурсии в его окрестностях: гекконы; степные черепахи; жук-пилюльщик; фламинго. — В туркменских аулах. — Желтопуз; речная черепаха; древесная лягушка; розовые скворцы. — Персидская крепость Ак-кала. — В лесу: шакалы; кабаны; дикобраз; птичье царство. — У азербейджанцев. — В горном ауле у фарсов. — Мой спутник Кафар. — Стеллион. — Охота на архаров. — Джейран; горный козел. — Аулы Келяте и Хыч. — Персидский клещ. — Красно-речивый мулла. — Туркмены и персы. — Обед у хана; охота. — У курдов; яки. — Встреча с английским путешественником. — Граница Ирана и Турана. — Сражение с очковой змеей. — На русском пограничном посту. — Меня арестуют, как английского шпиона. — Геок-Тепе. — Асхабад

IV. НА САХАЛИНЕ.

Первое впечатление. — Пост Дуэ — Природа Сахалина. — Разница между западной и восточной половиной острова. — Климат. — Сахалинская тайга и ее обитатели: северный олень; соболь; медведь; росомаха; кабарга; дикушка; сахалинский глухарь. — Лиственные леса. — Культурные растения. — Богатства Сахалина. — Каторжники. — Беглые. — Путешествие поперек острова. Наши спутники. — Плавание вниз по реке Тыми. — Гиляки. — Среди ороков — Шаман. — Айносы. — Японцы-рыболовы. — Кета и горбуша. — Жизнь в устье р. Тыми. — Сахалинский тюлень; морские львы; котики; белухи; киты. — Поездка с ороками вверх по порогам р. Тыми; встреча с медведем; беглый каторжник. — Возвращение.